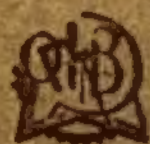
ДЖОРДЖ АСТОН

БРИТАНСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

СОЦЭКГИЗ — 1939

ДЖОРДЖ АСТОН

БРИТАНСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1939

Книга Д. Астона «Британская контрразведка в мировой войне», знакомя советского читателя и наших военных специалистов с методами разведочной и контрразведочной работы в период мировой войны, будет способствовать укреплению мобилизационной готовности советского читателя в условиях международного капиталистического окружения и повышению его политической бдительности. Книга Астона дает также ценный материал по истории мировой войны, полезный для советских военных специалистов.

Д. АСТОН — БРИТАНСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ. Соцэкгиз 1939.
Редактор Г. ГЕРМАИДЗЕ Техред О. ГУРОВА
Корректоры: З. Пупол и А. Ильина
Сдано в набор 27/IX 1938 г. Подписано в печать с матриц 4/XII 1939 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 15¹/₂. Уч.-авт.л. 14,727. Тираж 10,000 экз. Серия: Популярная. Уполн. Главлита № А-21931. Огиз № 2133. Заказ № 4676/№ 4727. Цена книги 2 р. 50 к. Переплет 60 к.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развертывание новой империалистической войны в Европе происходит в новых, по сравнению с первой мировой империалистической войной, условиях, в первую очередь, в том отношении, что новым, огромным международным фактором выступает единственная во всем мире социалистическая держава, СССР, с самостоятельной, неуклонно последовательной политикой мира. Принципы внешней политики СССР даны товарищем Сталиным в его докладе на XVIII съезде ВКП(б):

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками...» [1]

На основе указанных принципов, в итоге гениального разоблачения товарищем Сталиным истинных намерений британского империализма, не только удалось сорвать маску «миролюбия» и «миротворчества» с поджигателей новой мировой войны, стремившихся под предлогом организации «единого мирного фронта» спровоцировать столкновение между Германией и СССР, при обеспечении за собой роли tertius gaudens [2], но и эффективными мерами — договором СССР с Германией о ненападении и последующим договором о дружбе и границе между СССР и Германией — создать прочную основу для обеспечения мира в Восточной Европе и в то же время могущественное орудие для достижения мира и дружбы между народами во всем мире. Это с огромной силой сказалось в одновременном обращении правительств СССР и Германии к Англии и Франции с призывом к ликвидации их войны с Германией, что «отвечало бы интересам всех народов». И если империалистические правительства современной Англии и идущей в фарва-

---

[1] *Сталин,* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 18.

[2] Третий радующийся.

тере ее политики Франции остались глухими к этому призыву, то для рабочих и широких масс трудящихся Англии и Франции и всего мира становится все более ясным империалистический смысл этой войны, единственной целью которой является борьба британского империализма за сохранение мирового господства и обеспечение эксплуатации сотен миллионов колониальных рабов — борьба, которая обрекает миллионные массы трудящихся на тяжелые страдания и муки войны.

* * *

В свете происходящей второй империалистической войны вопрос о роли английского империализма в мировой войне приобретает особый интерес. Чрезвычайно поучительно, следуя указаниям Ленина на необходимость тщательного изучения не только экономики, но и внешней политики империализма, изучить в этом разрезе предлагаемую вниманию советского читателя работу Джорджа Астона «Британская контрразведка в мировой войне».

Особое значение в этом отношении приобретает личность самого автора. Перед нами не рядовой разведчик, а один из высших руководителей британской Secret Service, сочетающий многогранный опыт всех видов разведки: военно-морской, военно-сухопутной, колониальной разведки с ее специфически-британскими приемами, «экономической» разведки (читай — вредительства и диверсионных актов в отношении промышленности иностранных государств) и военной «пропаганды», задача которой состоит в том, «чтобы тайными или другими путями внести дух разложения в политические и военные круги неприятеля и ускорить его крушение или поднять дух своего народа в тяжелые минуты» (стр. 233).

Астон выступает, таким образом, как собирательная фигура и воплощение опыта и многоразличной деятельности знакомых нам персонажей британской разведки, начиная с пресловутого героя британской колониальной разведки полковника Лоуренса, чью «деятельность» среди арабских племен, подвластных королю Файсалу, он определяет, как «поэму» и кончая подвизавшимися у нас шпионами типа Локкарта и вредителями типа Армстронга и других.

При этом Астон с полным основанием может быть назван живой историей британской контрразведки, в создании и развитии которой он принимал непосред-

ственное участие в течение сорока лет: начав с рядового чиновника по «сводкам» в военно-морской разведке в младенческий ее период, с 1881 г., он затем переходит на «практическую» работу в разведывательных органах средиземноморской эскадры; проделывает в качестве руководителя разведки две колониальные кампании — в англо-бурской войне 1899—1902 гг. под начальством Робертса и по покорению Судана под начальством другого столпа британского империализма — Китченера; с 1908 по 1913 г. Астон — начальник штаба и разведки британской армии в Южной Африке, где он занят, главным образом, «собиранием сведений» о положении в Германской юго-западной Африке, особенно в период Агадирского инцидента 1911 г., после чего с 1913 года назначается на руководящий пост в Secret Service.

Значение книги Астона выходит далеко за пределы истории и «теории» одной только разведывательной работы. Деятельность Intelligence Service и Secret Service на протяжении всей истории британского империализма всегда находилась в тесном «контакте» с британскими министерствами иностранных дел, колоний и военно-морских дел, и автор, находясь, по его образному выражению, «в центре паутины, которая должна была с течением времени опутать все части света» (стр. 35), был не только прекрасно осведомлен об основных пружинах внешней политики британского империализма, но и принимал активнейшее участие в намечении и реализации важнейших военных мероприятий британского генерального штаба в период, предшествовавший мировой войне и в течение всей мировой войны. Вот почему книга Астона нас интересует в первую очередь как один из важных первоисточников по истории внешней политики британского империализма и, в частности, по истории мировой войны, как немаловажное дополнение к военным мемуарам Ллойд Джорджа, Эдуарда Грея и др.

* * *

Первый этап (1855—1887 гг.) — период раннего британского империализма, — период, характеризуемый англо-французским колониальным соперничеством и англо-русским соперничеством на Ближнем Востоке и в Передней Азии. Этому периоду, когда Британия признавалась всеми «владычицей морей», соответствует младенческое состояние британской военно-морской контрразведки. «Мы так низко расценивали флоты других стран, что предста-

вителям иностранных держав разрешали почти свободный доступ во все наши доки и в другие морские предприятия и учреждения. Считалось, что, чем лучше они будут знать наш флот, тем меньше будет опасность осложнений с иностранными державами» (стр. 30). Уверенность британского империализма того периода нашла свое выражение в ура-патриотическом угаре, охватившем Англию времен Биконсфильда, когда британский флот воспрепятствовал взятию Константинополя победоносными русскими армиями и когда Англия на Берлинском конгрессе 1878 года, мобилизовав за дипломатическим столом против России основные европейские державы и бросив Франции колониальную подачку в Северной Африке, свела к нулю блестящие успехи русского оружия в русско-турецкой войне. Конфликт с Россией в 1878 году (период «почетного мира») вызвал к жизни «джингоистов», которые в своей ура-патриотической песенке хвастливо заявляли, что «если дело до драки дойдет, — у нас и корабли, у нас и люди и деньги для победы» (стр. 27). Отсюда пренебрежительное отношение к сухопутной армии; Астон с иронией описывает состояние зародыша будущей Secret Service, — ранее образованного «под влиянием скандального провала в Крымской кампании 1855 г.» «Отдела топографии и статистики», «деятельность которого, повидимому, сводилась, главным образом, к изучению топографии иностранных государств. Численность и организация иностранных армий считались делом второстепенным, и их изучение отодвигалось на задний план» (стр. 16—17).

Состояние военно-морской разведывательной работы находилось на низком уровне. Уверенность в военно-морской гегемонии была столь сильна, что до 1887 г. не существовало самостоятельного отдела военно-морской разведки, который должен был специально заниматься собиранием и разработкой сведений об иностранных военных флотах и береговой обороне.

Из опыта франко-прусской войны 1870—1871 гг. автор выводит основной урок, который заключался в том, что «в современных условиях войну можно выиграть лишь при тщательной подготовке военных действий». А для этого необходимо иметь сведения о состоянии военно-морских сил противника. «Как в то время (речь идет о посещении автором Меца в 1891 г. в порядке «военно-производственной практики». — *Ред.*), так и сейчас, — говорит Астон, — я держусь мнения, что основная причина страха, испытываемого нациями континента перед своими

соседями,— не столько потенциальная мощь армий, сколько состояние немедленной готовности, в которой эти армии поддерживаются. Когда страх достигает высшей точки, начинается война» (стр. 39).

Хотя вопрос быстрой мобилизации учитывался в работе военного министерства, но, по утверждению морского лорда адмиралтейства в 1886 г. Бересфорда, «в случае внезапной войны в военно-морских кругах наступит полнейшая неразбериха и... Британия может потерпеть поражение на море» (стр. 27). Если эта безмятежность британского империализма покоилась на уверенности во флоте, то в отношении подготовки к сухопутной войне дело обстояло плачевно (см. стр. 27).

Уже с 90-х годов на сцену выступает конкурент Англии — бурно развивающаяся империалистическая Германия, претендующая на «место под солнцем» и требующая колониального передела. Когда, несмотря на временные соглашения с Германией о признании ее колониальной экспансии в Юго-Западной Африке, в уплату за «нейтралитет» Германии в англо-бурской войне, Англия в 900-х годах получает «конфиденциальные сведения о том, что Германия собирается форсировать выполнение своей программы военно-морского строительства», Англия, по откровенному признанию Астона, начинает готовиться к войне. Это дает резкий толчок к лихорадочному развертыванию деятельности британской контрразведки в 900-х годах.

Резко усиливается работа не только военно-морской, но и военно-сухопутной разведки. «В военных кругах, — пишет автор, — предполагали, что отправкой в *помощь французам* (курсив наш. — *Ред.*) британской армии из шести дивизий будет создан необходимый для победы перевес сил» (стр. 43). Уже в то время начинается лихорадочное формирование территориальных армий в порядке подготовки к войне. Это указывает, что Англия уже в тот период расценивала Германию как основного противника в будущей мировой войне.

Анализируя причины мировой войны, В. И. Ленин в статье «О сепаратном мире» указывает на эти англо-германские противоречия:

«Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства...»[1] Эти империалистические столкновения

[1] *Ленин,* Соч., т. XIX, 3-е изд., стр. 280.

«подготовлялись *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий,* предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства»[1].

Признание Астона о подготовке Англии к войне с Германией еще более подчеркивает лицемерную и неискреннюю политику тогдашнего британского министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея, который фактически развязал аппетиты Германии, поощрив ее к объявлению войны своей мнимой нерешительностью. На это, между прочим, указывает в своих военных мемуарах Ллойд Джордж, утверждающий, что если бы Грей заблаговременно предупредил Германию о выступлении Англии против нее в случае ее нападения на Францию или Бельгию, то Германия не решилась бы воевать. Признание Астона является лишним доказательством неискренности и лицемерия британской дипломатии, *желавшей* войны с Германией и подготовлявшейся к ней, одновременно мобилизуя «союзников» для того, чтобы отстоять свое мировое господство. Больше того, у Астона мы находим признание, что в планы британского генерального штаба *задолго* до войны входило занятие Бельгии и даже Голландии, как военного плацдарма против Германии.

«Как только лорд Холден, лучший военный министр Англии в новейшее время, создал экспедиционный корпус, мы разработали, как нам полагалось, различные проекты использования его при всех мыслимых условиях в любой части света, *включая Бельгию. Начиная с 1906 г. наш проект предусматривал использование этого корпуса в первую очередь в Бельгии...*» (стр. 47. — Курсив наш. — *Ред.).* «Одно время британские военные власти считали наиболее целесообразным *послать армию морем в Антверпен,* не учитывая того факта, что оба берега Шельды принадлежат Голландии» (стр. 48. — Курсив наш. — *Ред.).*

Тем самым опровергается, как лицемерное и совершенно лживое утверждение Грея, повторяемое англо-французскими «социалистами», якобы Англия вступила в войну с целью защиты Бельгии и «малых» народов против германского империализма.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XIX, стр. 281.

Ленин в следующих словах разоблачает этот рассчитанный на обман масс гнусный маневр британской дипломатии: «Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии — своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте»[1].

Если социал-империалисты и социал-предатели из II Интернационала, в период первой мировой войны повторявшие вслед за Греем легенду об империалистической Англии, как защитнице Бельгии, могли бы кой-чему поучиться у прожженного матерого разведчика Астона, которому, конечно, лучше, чем им, были известны тайны и планы британского генерального штаба, то в наши дни французский «социалист» Блюм, из кожи лезущий вон, чтобы убедить французских и английских рабочих в том, что «лондонские купцы и банкиры из Сити... начали войну во имя свободы Европы, во имя цивилизации», получает урок от откровенно-империалистического реакционного журнала «Нейшенел ревью». «Мы деремся, — пишет журнал, грубо одергивая Блюма, — не за интересы демократии. Мы деремся за спасение Англии...» (цитирую из статьи «Правды» от 23 октября 1939 г.). Еще и еще раз надо вспомнить пророческие слова Ленина о II Интернационале, как о разлагающемся трупе.

В какой мере Англия была готова к первой империалистической войне? Несмотря на явное желание Астона на протяжении всей работы доказать, что британская контрразведка оказала «неоценимые» услуги британскому оружию; несмотря на стремление показать достоинства английской разведки сравнительно с германской, для чего дается весьма спорная и сомнительная сравнительная характеристика методов их работы с подчеркиванием гибкости приемов английской разведки и инициативности английских шпионов сравнительно с «муштрою» и однотипностью массовых мероприятий германских шпионов, которые, якобы, могут действовать лишь «по готовому плану, придерживаясь его *буквы*», и беспомощны без руководителей; несмотря на приводи-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, стр. 196.

мый ряд эпизодов из деятельности британской разведки на европейском и азиатском фронте, относящихся чаще к категории военных хитростей, чем к большим достижениям военной разведки, — несмотря на все это через всю книгу Астона красной нитью проходит сознание неподготовленности Англии к этой войне, начиная с неготовности береговой обороны самой Англии (ср., напр., на стр. 40 эпизод об отправке извозчиков и таксомоторов из зоны ожидаемого десанта в глубь страны, чтобы ими не мог воспользоваться вторгшийся неприятель) и кончая скверно поставленным снабжением (ср., напр., на стр. 63—64 интересные подробности налета на Остенде, где Астон описывает отсутствие самых необходимых предметов снаряжения: патроны без обойм, отсутствие пулеметов, приспособлений для сигнализации и т .д.). Военная разведка также не была на высоте: как результат «плохо сохраненной тайны» — скандальный провал галлиполийской экспедиции, стоившей огромных жертв, как боевыми судами, так и людьми в десантной армии; неудачный исход ютландского морского боя, где германскому адмиралу Шееру не только удалось, благодаря плохой работе английской морской разведки, ускользнуть от значительно превосходящих его эскадру сил британского флота, но и нанести серьезные удары британскому флоту, потопив и выведя из строя ряд крупных боевых единиц; тяжелые удары, понесенные британскими армиями, — главным образом, пятой британской армией Гоуфа на амьенском фронте; неограниченная подводная война Германии, которая почти поставила на колени Англию; сквозящий во всей книге ужас при описании тяжелых поражений англо-французских войск и прямое признание того, что без помощи США Англия и Франция потерпели бы решительное поражение — все это, наряду с тем, что Астон вынужден воздать должное блестящей подготовке германской армии и высокому уровню германской разведки и ее начальнику Николаи, свидетельствует о том, что Англия в отношении подготовки к войне не была на должной высоте.

Причина заключалась в том, что британский империализм, по своей традиции привыкший «загребать жар чужими руками», никогда не помышлял о серьезной подготовке к войне *своими собственными силами.* Британский империализм на протяжении всей своей истории (и еще ранее, в период наполеоновских войн) покупал «союзников» в качестве ландскнехтов, доводя их до

обессиления и загребая потом жар их руками. Эту традицию британского империализма подчеркивает известный британский военный специалист, генерал Фуллер, опубликовавший в американском военном журнале «Арми орднэнс» статью «Состояние английской обороны» («Правда» от 8/X 1939 г.). Оказывается, что и в настоящее время, по мнению Фуллера, сказываются те же традиции британской подготовки новой мировой войны «чужими руками», причем Фуллер приходит к скептическому выводу о готовности Англии к настоящей войне.

«В настоящее время в Европе, — пишет Фуллер, — столкнулись две политические системы, и обе они своими корнями уходят в наполеоновские войны. Одну из них я буду называть английской системой, а другую — прусской. Первая успешно выдержала испытание в длительном конфликте той эпохи. Она была основана на накоплении кредита, который в мирное время финансировал торговлю, а во время войны давал возможность покупать союзников — фактически наемников, которые сражались за дело Англии. Прусская система возникла из идеи всеобщей воинской повинности. После падения Наполеона она была развита в Пруссии в идею вооруженной нации. Главным апостолом этой системы был генерал Карл фон Клаузевиц».

Но и покупая «союзников», британский империализм не выполнял своих материальных обязательств перед ними. Астон «оправдывает» то обстоятельство, что Британия не помогла России снаряжением и людьми, тем, что, дескать, не было путей, по которым можно было организовать их доставку для России (стр. 166). Какой неприкрытый цинизм! Оказывается, те пути, по которым доставлялось русское пушечное мясо во Францию, были закрыты для доставки в Россию английского снаряжения. Это неслучайно, ибо английский империализм делал ставку на *истощение* всех стран, которых он втравливал в войну во имя своих интересов.

Как не вспомнить нынешнюю политику британского империализма с его Лондонским комитетом по невмешательству, предавшим республиканскую Испанию, с его Мюнхенским соглашением, предавшим Чехословакию, с его провокационным поведением в отношении к Польше, которая должна была сыграть для британского империализма роль Бельгии, как средство для того, чтобы зажечь новый мировой пожар. Аналогия поразительная *до деталей* — вплоть до циничного заявления Чем-

берлена, — точь-в-точь, как это делает в своей книге Астон, — что Англия не могла послать самолетов в помощь Польше «за дальностью расстояния».

И для польских трудящихся и для трудящихся всего мира ясно, что заявление Чемберлена о том, что война ведется во имя восстановления Польши, а затем для «уничтожения гитлеризма», лживо от начала до конца и что подлинные причины объявления Англией войны Германии заключаются в стремлении британского империализма к сохранению своей колониальной монополии, сохранению своей необъятной колониальной империи с 450 миллионами колониальных рабов.

Ныне, однако, — не 1914—1918 годы. Вместо царской России, поставлявшей за деньги британскому империализму на убой русских рабочих и крестьян, выросла могучая социалистическая держава, которая благодаря гениальному водительству товарища Сталина сумела расшифровать очередные империалистические интриги Англии и выбить карты из рук британского империализма; вопреки расчетам последнего на то, чтобы втравить СССР в войну с Германией, СССР, учтя уроки истории, которая показала, что «вражда и войны между нашей страной и Германией были не на пользу, а во вред нашим странам» и что «самыми пострадавшими из войны 1914—18 годов вышли Россия и Германия» [1], заключил договор о ненападении, а затем о дружбе и границе между СССР и Германией. В Восточной Европе возник могучий оплот мира, — в то же время оплот мира и дружбы между народами во всем мире, ибо «мир между народами Советского Союза и Германии соответствует интересам всех народов, интересам всеобщего мира» [2].

«Главное значение советско-германского договора о ненападении заключается в том, что два самых больших государства Европы договорились о том, чтобы положить конец вражде между ними, устранить угрозу войны и жить в мире между собой... Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар» [3].

Советский Союз был и остается оплотом мира и дружбы всех народов. Британский империализм и вовле-

---

[1] *Молотов,* О ратификации советско-германского договора о ненападении, Госполитиздат, 1939, стр. 12.

[2] Там же, стр. 15.

[3] Там же, стр. 13.

ченная в его орбиту империалистическая Франция должны крепко призадуматься над предложением СССР и Германии прекратить войну. То обстоятельство, что в результате этого договора мощь СССР как международной силы неизмеримо выросла, что к нему тянутся малые народы; что пакты о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой укрепили оборонную мощь СССР, как на суше, так и на море, и в то же время дали надежную защиту упомянутым малым государствам, которые без этого могли стать легкой жертвой больших империалистических государств, — все это дает в распоряжение великой Страны социализма достаточные силы, чтобы неуклонно продолжать борьбу за укрепление своей безопасности, за мир и дружбу народов во всем мире. В Англии и Франции ширится движение за мир, и последнее слово принадлежит массам, которые начинают понимать преступный империалистический характер войны и требовать ее немедленного прекращения.

* * *

Таковы политические уроки, которые вытекают из изучения книги Астона, — уроки, вытекающие из сравнения роли британского империализма в первой мировой войне и в современной империалистической войне в Европе. Но вместе с тем, читая книгу Астона, мы должны еще и еще раз вспомнить указание товарища Сталина о необходимости быть бдительными в условиях капиталистического окружения, особенно в современной сложной международной обстановке. Читая описание всевозможных «подвигов» британской разведки, мы должны помнить, что, несмотря на ряд ее неудач в истекшей мировой войне, она все же является одной из вероломнейших и наиболее вооруженных огромным, насчитывающим столетия, опытом разведок. Надо помнить, что, по откровенному признанию Астона, основной ее девиз — «вводить в заблуждение противника» и что поэтому мы должны удесятерить свою бдительность, памятуя слова товарища Сталина из его письма к т. Иванову:

«Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох».

Г. Гермаидзе

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Пока существует возможность войны, все страны должны располагать сведениями о вооруженных силах иностранных государств, о степени их подготовленности и вероятной расстановке в случае войны. Прежде чем обратиться к главной теме этой книги — к той роли, которую играла разведка во время мировой войны 1914—1918 гг., — я вкратце излагаю развитие британской разведывательной службы и привожу некоторые личные воспоминания. Эти воспоминания, которым посвящены главным образом новые главы книги, приведены отчасти для того, чтобы обрисовать сорокалетний опыт разведывательной работы автора, а также для того, чтобы облегчить читателю возможность подойти с точки зрения автора к оценке кульминационного пункта мировой войны.

При изложении событий мировой войны автор ставил себе задачей рассказать, поскольку это возможно без ущерба для интересов нации, о той информации, которой располагал командный состав во время важнейших операций на суше и на море, а также о способах, какими эта информация получалась. При этом автор основывался главным образом на свидетельствах современников описываемых событий, стремясь по возможности обходиться без собранных впоследствии сведений, на основании которых легко ориентироваться задним числом.

Некоторые книги по истории войны и писания многих кабинетных публицистов изобилуют критикой по адресу командования армии и флота, основанной на данных, которыми не располагали своевременно люди, несущие ответственность за принятие того или иного решения. Хемли в своей книге «Военные операции» рекомендует человеку, серьезно изучающему предмет, представить себя в положении военного командира, составляющего план кампании или отвечающего за расстановку сил в сражении; затем закрыть книгу и решить, как он сам поступил бы в подобных условиях, а после этого прочесть, что сделал командир в действительности. Совет этот превосходен,

но он совершенно не помогает критикам, которые не могут знать, что́ было известно командиру о силах неприятеля и его намерениях.

Чтобы дать полное описание деятельности разведки и контрразведки за богатые событиями годы мировой войны, пришлось бы написать историю самой войны. В этой книге я счел целесообразным сосредоточиться на нескольких выдающихся событиях и на тех сторонах деятельности разведывательной службы, которые определенно повлияли на исход этих событий. Я начинаю с описания деятельности довоенной британской контрразведки и значения добытых ею результатов для успешного отступления британского экспедиционного корпуса от Монса в августе 1914 г.; книга заканчивается описанием крупнейших событий 1918 г., в которых принимали участие военные силы Британской империи.

Сведения, на которых основаны главы о мировой войне, почерпнуты отчасти из моего личного опыта, приобретенного на разных официальных постах, отчасти из достоверных сообщений моих личных друзей, служивших во флоте, армии и в авиации и принимавших непосредственное участие в описываемых событиях. Я выражаю им свою глубокую признательность. Главы VI, VIII и XII, где речь идет о деятельности и судьбе некоторых иностранных шпионов, основаны частично на личных наблюдениях, но в большей степени на опубликованных материалах; в частности — дело германских секретных агентов Лоди и Мюллера изложено по книге Фелстэда «Германские шпионы, припертые к стене», которая, как обозначено на ее титульном листе, получила визу военного министерства. Некоторые подробности, касающиеся личностей и имен искусных расшифровщиков (см. гл. XIV), опущены в государственных интересах по совету крупного авторитета в вопросах разведывательной службы. Некоторые секретные сигналы ютландской битвы, первоначально включенные в главы IX и X, опущены из тех же соображений.

В заключение я выражаю свою благодарность некоторым представителям высшего командования, любезно взявшим на себя труд проверить сообщения о лично им известных делах, а также моему другу капитану Лиддль-Харту за его помощь при чтении корректур и, наконец, «Иксу» (так я обозначаю псевдоним лица, ограждавшего интересы государства).

Д. А.

Сентябрь 1930 г.

ГЛАВА I

СОЗДАНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

(1865—1914)

Черты пресловутого «Джон-Булля» — упрямство и тупость, — которые до мировой войны приписывались британской армии, оказали большую услугу лицам, занимавшимся военной разведкой. Последующие страницы этой книги дадут некоторое представление о постановке этого дела к августу 1914 г.

Разведывательная служба военного министерства развивалась очень медленно. Впервые я познакомился с ней в 1886 г., когда различные отделы министерства, сосредоточенные теперь в большом здании в Уайтхолле[1], были разбросаны в различных помещениях, частично в военном министерстве на Пел-Мел, против нынешнего здания клуба армии и флота, отчасти в конногвардейских казармах в Уайтхолле. Отдел разведывательной службы, более позднее образование в системе военного министерства, приютился на улице Куин-Эннис-Гейт.

Знаменательна история возникновения этого отдела в свете легенды о «глупом Джон-Булле». Между битвой при Ватерлоо и крымской войной британское общественное мнение очень мало интересовалось боеспособностью армии. Это привело к обычному результату: при первом же испытании вся военная система развалилась. Под влиянием скандального провала в крымской кампании в 1855 г. был создан «Отдел топографии и статистики», деятельность которого, повидимому, сводилась главным образом к изучению топографии иностранных государств. Численность и организация иностранных армий считались делом второ-

[1] Уайтхолл — квартал в Лондоне, где помещаются правительственные учреждения. — *Прим. перев.*

степенным, и их изучение отодвигалось на задний план. Когда воспоминания о скандальных событиях крымской кампании отошли в прошлое, этот отдел погрузился в длительную спячку до тех пор, пока общественный интерес не был возбужден поразительными успехами германской армии в войне с Австрией в 1866 г. и с Францией в 1870 г.

Слово «мобилизация» приобрело в то время какой-то магический смысл. Мобилизации приписывалась быстрота, с какой немцы одержали победу над французами, которых до того считали вполне подготовленными к войне «до последней пуговки на штиблетах». На деле оказалось — немцы заранее продумали свою задачу во всех деталях. Мобилизация требовала предварительной подготовки, а подготовка была невозможна без соответственной осведомленности. В верховном руководстве британской армии были лица, которые интересовались только вопросами военного строя и муштры. Они считали, что дисциплина — все и что она зависит главным образом от строевых упражнений, парадов, чистоты и блеска оружия, хотя бы и совершенно негодного для боевой обстановки. Чем более неудобной была форма одежды и чем бесполезнее снаряжение солдата, тем строже были требования дисциплины, которая должна была превозмочь все. Опасным считалось давать солдату право думать. Он не должен был задаваться вопросом «отчего и почему?» На опыт американской гражданской войны 1861—1864 гг. не обращалось внимания.

После 1870 г. вся Европа смотрела на немецких солдат снизу вверх, считая их лучшими солдатами в мире. Стали копировать их обмундирование. Особенное восхищение вызывали их каски. В Британии отказались от старых головных уборов, принятых в артиллерии, инженерных войсках и пехоте, и ввели напоминающий немецкую каску безобразный медный шлем с шишкой. Этот шлем существует до наших дней.

В попытках реформы армии были и здоровые начала, но они не были доведены до конца. Под влиянием опыта 1870 г. отдел топографии и статистики, посвящавший свой досуг вычерчиванию художественно орнаментированных топографических карт, очнулся от долгого сна: были, наконец, привлечены новые офицеры для собирания и классификации сведений об иностранных армиях. Среди пионеров военной разведки мы находим лорда Кромера, в то время лейтенанта Беринга, впоследствии снискавшего славу в Египте.

Сознание, что британская армия предназначена хотя бы частично для ведения войны, стало укрепляться, а вместе с ним выявилась необходимость иметь сведения об иностранных армиях. В результате 1 апреля 1873 г. был создан самостоятельный отдел разведки, подчиненный генерал-адъютанту армии. В числе видных военных работников, назначенных в новый отдел, мы находим покойного сэра Хожера (в то время капитана), выдающегося военного деятеля, бывшего секретарем королевской комиссии по обороне Британской империи и в качестве специалиста по судоходству состоявшего одновременно секретарем в пароходстве Ллойда. Он был тестем Уинстона Черчилля.

В те далекие времена офицерам топографического и разведывательного отделов приходилось систематически менять помещение для работы. Одно время ареной их деятельности был дом на улице Адельфи-террас близ театра и отеля Савой. Затем их пристанищем служили каретный сарай и конюшня близ правительственного здания в Уайтхолле. После того они более удобно расположились в доме (впоследствии снесенном) в конце Уайтхолла, на Нью-стрит, Спринг-Гарденс; и, наконец, в 1874 г. они нашли более прочное место в Адейр-хаузе, неподалеку от старого здания военного министерства, где они пробыли 10 лет.

С этого времени можно отметить начало соперничества в штабе армии между отделом генерал-адъютанта и отделом генерал-квартирмейстера. В разное время относительное значение каждого из них зависело от личности возглавлявших их начальников. Начиная с 1875 г. отдел разведки приобретал все большее значение. Укреплялось сознание, что военное ведомство создано для ведения войны и что к ней, как показали немцы в 1870 г., необходимо готовиться волей-неволей в мирное время. Разведывательную службу начинают признавать, после чего она изымается из ведения генерал-адъютанта и передается генерал-квартирмейстеру.

Военные власти все еще находились под влиянием королевской комиссии Пальмерстона, утвердившей в начале шестидесятых годов мнение, что значение береговых укреплений отодвигает на задний план роль военных кораблей. Это мнение основывалось на том, что с введением парового двигателя потерял значение давнишний принцип Рэлея, гласивший, что чужеземным десантным армиям нужно дать бой на море до того, как они «набьют свои желудки нашими кентскими каплунами». В эти ранние годы служба

разведки занималась главным образом изучением вопроса, как справиться с иностранной десантной армией после ее высадки, причем британский военный флот сбрасывался со счетов.

В вопросах военной политики прислушивались к голосу королевских инженерных войск: в связи с деятельностью разведывательного отдела мы встречаем имя покойного сэра Джона Ардага, высокообразованного специалиста по саперным работам, человека с широким кругозором. Я познакомился с ним во время суданской войны в 1884 г., в связи с десантом в Тринкитате, который предшествовал битвам при Эльб-Теб и Тамаси, и высоко ценил его дружбу и руководство в последующие годы.

К 1884 г. «разведка» при военном министерстве была переведена из Адейр-хауза (на Пел-Мел) в удобный дом старой постройки на Куин-Эннис-Гейт, расположенный над Сент-джемским парком; отсюда открывался вид на Букингемский дворец.

Здесь в 1886 г. я с пользой провел много часов в беседах с офицерами военной разведки, успевшими накопить большой опыт. От них я узнавал, как заставить действовать главные правительственные учреждения, обычно беспрерывно обсуждавшие разные вопросы, но на деле ничего не предпринимавшие. Когда главой отдела разведки на Куин-Эннис-Гейт стал покойный сэр Генри Брекенбери, артиллерист, с хорошей головой и большими административными способностями, ему удалось доказать, что собирание сведений об иностранных армиях является лишь средством для достижения какой-то цели. Надлежало сделать следующий шаг и уяснить себе, как наилучшим образом использовать собранную разведкой информацию. Наконец, был усвоен урок, который преподала миру прусская армия в 1870 г. своей быстрой мобилизацией, — тогда в сферу деятельности Брекенбери были включены вопросы мобилизации.

В 1887 г. возглавляемый Брекенбери отдел разведки был подчинен покойному лорду Уоллсли, который в качестве победоносного военачальника пользовался большим авторитетом в военных и политических кругах. Затем отдел генерал-адъютанта поглотил организацию, созданную Брекенбери. В 1888 г. секция, занимавшаяся вопросами мобилизации и прочими делами, не относящимися к иностранной разведке, была переведена в военное министерство на Пел-Мел, а Брекенбери, реформировавший отдел разведки, через три года был послан в Индию с важными

военными заданиями. Его преемниками был ряд выдающихся людей, в том числе (в 1896 г.) сэр Джон Ардаг.

Рассказ о проведенных за те годы реформах в армии был бы неполон без упоминания лорда Сиденхэма, в то время капитана королевских инженерных войск Д. С. Кларка, служившего в отделе генерал-инспектора фортификации и саперных работ. Это был лучший друг британского флота среди офицеров сухопутных сил. В вопросах обороны он держался революционных взглядов, а занимаемый им пост секретаря комитета обороны колоний позволял ему проводить в жизнь свои идеи. Насущной необходимостью стало сотрудничество между армией и флотом. В одном из планов, разработанных в отделе военной разведки, указывалось, как предполагается в случае возникновения большой войны перераспределить войска, несущие гарнизонную службу в британских колониях. Но при этом не было запрошено мнение флота о безопасности и приспособленности для этих целей морского транспорта. По этой схеме предполагалось, например, перевести в Аден с острова св. Елены одного из находившихся там тринадцати солдат. Предусматриваемая этим планом полная перегруппировка военных сил привела бы к расстройству всех морских планов в самый критический момент. Упоминая этот пример, типичный для былых дней, я хотел показать, каких успехов мы добились за годы, предшествовавшие мировой войне.

Мое дальнейшее знакомство с работой военной разведки и контрразведки происходило в действующей армии. Это было во время англо-бурской войны 1899—1902 гг., когда впервые начали появляться заместители генерал-адъютанта по разведывательной службе в штабах дивизий британского экспедиционного корпуса. Во время кампании 1898 г. по покорению Судана Китченер организовал отдел полевой разведки, но я ручаюсь, что его задачи не были ясно определены. Традиция сказывалась.

Находясь при главной квартире лорда Робертса в Блумфонтене, я работал некоторое время с такими коллегами, как, например, фельдмаршал сэр Уильям Робертсон (в то время капитан), а затем я был откомандирован к одной из дивизий на смену сэру Джорджу Милну (в то время бывшему капитаном артиллерии; в настоящее время он — фельдмаршал, начальник имперского генерального штаба), который вызывался в главную квартиру лорда Робертса для выполнения других обязанностей. Тут я обнаружил, что молодого офицера разведки рассматривают как ма-

стера на все руки и на него возлагают самые странные и самые разнообразные обязанности.

В небольшой армии Китченера, покорившей Судан, штабные офицеры постоянно меняли свои обязанности, а Китченер лично выполнял большую часть работы своего штаба. Этот метод использования людей укоренился в практике, и офицеры разведки выполняли так много чужих обязанностей, что для собственной работы у них оставалось мало времени. Так, в Южной Африке я оказался вскоре чем-то вроде мэра одного занятого нами города. Мне пришлось организовать там полицейскую службу, заботиться о выпечке хлеба для войск, успокаивать бурских старух, жаловавшихся на нехватку спичек. Такие функции, как реквизиция овец (дело интендантства), ответственность за охрану сотен пленных, за их оружие, коней, лошадиную сбрую, также входили в мои обязанности. И все это в дополнение к важной работе по определению местонахождения неприятеля, изготовлению карт, подготовке проводников и переводчиков — словом, ко всем обычным делам, входящим в круг обязанностей современного офицера разведки. Притом у меня не было ни канцелярии, ни сотрудников.

Южноафриканская война на некоторое время пробудила среди английской публики интерес к реформе армии. Тогда разведывательный отдел военного министерства был расширен и его влияние беспрерывно росло. В 1901 г. он был переведен в Винчестер-хауз, близ старого помещения военного министерства на улице Пел-Мел, а когда министерство перешло в нынешнее внушительное здание в Уайтхолле, военная разведка и секретная служба впервые оказались под одной крышей с высшими военными учреждениями.

Инициатива создания генерального штаба, важным отделом которого является разведка, принадлежит покойному Арнольду Форстеру, предпринявшему этот шаг незадолго до того, как он покинул пост военного министра в кабинете консерваторов, вышедшем в отставку в 1905 г. Заслуга преобразования британского генерального штаба на его нынешних основаниях принадлежала покойному лорду Холдену. Это был лучший из всех наших военных министров; он явился создателем того небольшого экспедиционного корпуса, который вызвал восхищение врага при отступлении от Монса в 1914 г.

Начиная с 1906 г. серьезность германской угрозы становилась все более очевидной для всех мыслящих военных и

для очень немногих видных государственных деятелей, но эту угрозу понимала лишь весьма ничтожная часть нации в целом. Общественное внимание было занято главным образом внутренними делами, в том числе и волнениями в Ирландии.

Не так обстояло дело в высшей военной школе в Кемберли. Как один из руководителей этой школы в 1904—1908 гг. я поддерживал постоянный контакт со своим старым другом и соучеником по военной школе, ставшим главой отдела военных операций. Разведывательный отдел был подчинен его контролю. Я совершенно уверен в полноте той информации об иностранных армиях, которую доставлял его отдел тем, кто нуждался в ней для разработки планов операций нового, созданного им (Холденом) экспедиционного корпуса при всех мыслимых обстоятельствах против армии любой страны. Разведывательный отдел военного министерства состоял в то время из подотдела географического и стратегического; последний занимался разработкой реальных планов — наряду с нашими примерными теоретическими проектами. Вскоре был создан еще Особый отдел, которому была доверена наиболее секретная работа. Ниже мы столкнемся с его деятельностью по раскрытию иностранных тайных агентов.

Здесь мы снова на некоторое время можем оставить разведывательную службу военного министерства. В начале 1908 г. я стал начальником штаба британской армии в Южной Африке, главнокомандующим которой был лорд Метюэн, с самостоятельным, находившимся в моем ведении, отделом разведки. То был критический период, когда создавался союз прежних южноафриканских колоний, и мое внимание было занято главным образом волнениями среди туземного населения, а также положением в германских колониях Юго-западной Африки. Я не стану распространяться на тему о туземных волнениях: чем меньше говорить об этом, тем лучше. Торговцы наживали большие прибыли, доставляя крупные партии современного оружия в Базутоленд. Некоторые органы прессы и официальные лица сомнительной репутации постоянно без каких-либо причин кричали о столкновениях с туземцами, надеясь, повидимому, нажиться на войне. Моя разведывательная служба дала мне возможность доложить верховному комиссару лорду Сельборну, что для подобных слухов нет никаких оснований. Желая положить конец этим слухам, он распорядился открыть ранее закрытые проходы на Дракенсбергском хребте, между Базутолендом и На-

талем. В сопровождении лэди Сельборн он затем проехал в фургонах, без всякого военного эскорта, из Оранжевой республики с запада на восток через Базутоленд в Наталь. Но даже после этого наглядного урока слухи о войне не прекратились.

Главным обстоятельством, содействовавшим пополнению наших сведений о германской Юго-западной Африке, был разрыв кабеля в Свакопмюнде в 1911 г., примерно в период агадирского инцидента 1911 г. Немцы в то время начали приводить в действие свои планы обороны, полагая, что война уже объявлена. Я узнал, таким образом, все детали их планов, и это оказалось для меня чрезвычайно полезным в августе 1914 г., когда военное ведомство поручило мне сделать доклад по этому вопросу.

В то время как я находился в Южной Африке, покойный лорд Хейг был начальником генерального штаба в Индии; кроме того, по всей империи было рассеяно много новых офицеров генерального штаба. Мы договорились между собой, независимо от военного министерства, каждый месяц снабжать друг друга сообщениями о событиях, происходивших в разных частях света. Таким путем обмен информацией происходил гораздо быстрее, чем при пересылке ее через Лондон. Эта система действовала прекрасно.

После возвращения в Англию в 1913 г. я был переведен из военного министерства в адмиралтейство; но я с интересом продолжал следить за деятельностью моих прежних коллег в армии. В военном министерстве была небольшая секция разведывательной службы, занимавшаяся раскрытием шпионов. В мирное время в ней состояло 14 человек; в конце 1918 г. число ее сотрудников выросло, примерно, до 800. С самого начала Комитетом имперской обороны была установлена телеграфная цензура; для почтовой цензуры также содержался огромный специальный штат, насчитывавший во время войны до 4 тыс. человек. Эта работа включала исследование миллионов почтово-телеграфных отправлений, для чего была необходима помощь экспертов, владеющих всеми языками мира; нужны были и химики, которые должны были раскрывать тайны разнообразных невидимых чернил, применявшихся германскими агентами; искусные расшифровщики здесь работали над разгадыванием самых запутанных шифров. Кроме этого, приходилось заниматься пропагандой, контрпропагандой и разными другими делами.

Когда в январе 1916 г. лорд Китченер провел реорганизацию генерального штаба, Особый отдел стал большим

государственным учреждением с директором во главе, и его деятельность распространилась не только на армию, но и на все остальные виды вооруженных сил. По каким-то соображениям этот большой департамент, насчитывавший уже в феврале 1915 г. 6 тыс. сотрудников и обслуживавший ряд других ведомств, продолжал оставаться в подчинении у военного разведывательного отдела, хотя деятельность последнего была связана только с чисто военными операциями. Такая структура была ошибочной.

Больше всего нам придется говорить о деятельности той секции Особого отдела разведки, которая занималась контрразведкой. Эта работа включала контроль над иностранными подданными (в Англии проживало около 30 тыс. немцев) и нежелательными элементами. Этот контроль проводился совместно с министерством внутренних дел. Контрразведка совместно со Скотленд-ярдом раскрывала и предавала суду тайных вражеских агентов. Кроме того, она занималась тщательной слежкой за всеми портами и пограничными пунктами, через которые происходило передвижение гражданского населения в зону военных действий или обратно. Вдобавок ко всему этому приходилось тщательно выяснять подноготную каждого иностранца, желавшего поступить на военный завод, в организацию Красного креста или в какое-либо другое учреждение, где открывалась особая возможность для подрывной работы или шпионажа. Необходимо было также контролировать аналогичную работу по всей империи и следить за мятежными движениями в Индии и на Дальнем Востоке.

Иногда я задавался вопросом: вспоминали ли во время войны многочисленные сотрудники военной разведки и Особого отдела о той небольшой группке военных, которые после крымской войны работали в каретном сарае и конюшне Уайтхолла и которых перебрасывали из одного помещения в другое, до тех пор пока в начале столетия не разместили в новом здании военного министерства? Вероятно эти люди были слишком заняты задачами текущего момента и не могли предаваться воспоминаниям. Но я содрогаюсь при мысли о том, что случилось бы с нашей страной, если бы ко времени великого потрясения 1914 г. не существовало прочно организованной разведки, фундамент которой заложили первые пионеры этого дела в те старые годы, когда лишь немногие из высших военачальников уделяли этому делу сколько-нибудь внимания.

В одной из следующих глав мы приведем примеры тех услуг, которые контрразведка оказала делу достижения

победы. В то время я имел счастье быть в дружеских отношениях с одним из таинственных сотрудников этого учреждения. Он носит много знаков отличия, но мало кто знает, с каким полным основанием они заслужены. Это неизвестное лицо мы будем называть «Иксом».

ГЛАВА II

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКЕ

(1886—1890)

До 1887 г., насколько мне известно, в британском адмиралтействе не существовало самостоятельного отдела, специально занимавшегося собиранием и разработкой сведений об иностранных военных флотах и береговой обороне. Некоторые сведения, ценные для судостроителей, сообщались военно-морскими конструкторами. Гидрографический отдел занимался преимущественно составлением навигационных карт для моряков всего мира, но топография суши в большинстве случаев наносилась на эти карты слишком неточно, и потому они не имели никакого значения для целей нападения или береговой обороны. С известной точностью были отмечены лишь пункты, имеющие значение для навигации; все, что касалось суши, наносилось на карты грубо, на-глаз, без картографической съемки. Добавочную информацию, которая могла бы принести пользу при десантных операциях, можно было найти в выпускаемых тем же отделом адмиралтейства лоциях и мореходных инструкциях. Был также справочник о доках всего мира «Док-бук» и «Карта угольных станций и телеграфной связи», на которую были нанесены главнейшие угольные базы и телеграфные кабели.

Когда покойный сэр Джордж Трайон, адмирал с передовыми взглядами, состоял секретарем адмиралтейства, он использовал свое влияние для учреждения «Комитета иностранной разведки». Этот комитет, возглавлявший морским офицером, должен был разрабатывать всю доступную ему информацию, которая могла бы оказаться полезной для адмиралтейства. Вообще тогда полагали, что после составления сводки собранных сведений потребуется лишь небольшое количество работников для пополнения этой сводки. В первоначальном проекте нового здания адмиралтейства, занимающего теперь все пространство от Пел-Мел и Конногвардейской площади до Уайтхолла, для

отдела военно-морской разведки были отведены всего две небольшие комнаты. Теперь этот отдел занимает значительную часть огромного здания.

Мои личные воспоминания о работе в старом здании могут представить известный интерес для читателя.

Весной 1886 г. я шел по Хангрфордскому мосту через Темзу, направляясь от Ватерлооского вокзала к Уайтхоллу. Со мной шел попутчик, с которым я познакомился в поезде. По дороге обнаружилось, что мы оба держим путь в адмиралтейство. Я тогда был младшим офицером морской артиллерии, только что окончившим трехлетний срок морской практики. Мой попутчик занимал крупный пост на гражданской службе и работал также в секретариате адмиралтейства, которым тогда заведывал сэр Эван Мак-Грегор. Узнав, куда я направляюсь, он сказал: «В таком случае вы, должно быть, офицер новой разведки». Тут он и посвятил меня в некоторые тайны моей новой работы, которую я должен был выполнить в качестве сотрудника Комитета иностранной разведки, учрежденного при подотделе военных, секретных и политических вопросов, входившем в состав секретариата адмиралтейства. Все мое участие в качестве молодого морского офицера в поддержании британской морской мощи до тех пор состояло в том, что в течение своей трехлетней службы на флагманском корабле средиземноморской эскадры я через день нес дежурство, отдавал честь адмиралам и в промежутках проверял часовых. У нас говорилось, что самыми большими бездельниками на британских военных кораблях являются капеллан, который не делает ничего, и старший морской офицер, который делает еще меньше, так как за него все делают два младших офицера. На мою долю приходилась третья часть этого трехлетнего ничегонеделания — плохая подготовка для офицера разведки, прежнее образование которого также было недостаточным. В артиллерийской школе в Истнее, на борту старого крейсера «Экселлент» и в минной школе в Верноне я научился обращаться с любым орудием как на море, так и на суше, с применяемыми во флоте торпедами и минами, но неизмеримо было мое невежество в области международных дел, географии и новых языков. Надо полагать, что решающим обстоятельством, приведшим к моему назначению в разведку, было донесение капитана первого корабля, на котором я служил, покойного сэра Генри Ройсон, что я проявляю «такт в обращении с людьми», что в течение трех лет я отличался трезвым поведением (если бы этой

оговорки не было, то во флоте в те времена само собой подразумевалось бы обратное) и что он вполне доволен мной.

Во главе Комитета иностранной разведки стоял покойный капитан В. Х. Холл — отец сэра Реджинальда Холла, бывшего в то время гардемарином и ставшего впоследствии, во время мировой войны, знаменитым в качестве руководителя военно-морской разведки адмиралтейства.

Правила, которыми в те далекие времена руководствовались высокопоставленные лица, отвечавшие за оборону Британской империи, напоминали непочтительной молодежи фразу из одной старой пьесы: «Все уладится этой ночью». Никакой подготовки к войне не было. Когда обострялись отношения с какой-либо иностранной державой — обычно с Россией, — наступала всеобщая паника. Палата общин поспешно отпускала военные кредиты, и это успокаивало общественное мнение. Конфликт с Россией в 1878 г. (период «почетного мира») вызвал к жизни «джингоистов», которые в своей ура-патриотической песенке хвастливо заявляли, что, если дело до драки дойдет, — у нас и корабли, у нас и люди и деньги для победы! Такой взгляд был распространен больше среди широкой публики, чем среди специалистов в Уайтхолле и, я думаю, также среди экспертов русской разведывательной службы. Британский флот предотвратил занятие Константинополя русскими войсками; но броненосцы не могут взбираться на горы, а Индия вечно была озабочена пресловутым продвижением России к ее северо-западной границе. Угроза, вызванная в 1885 г. русско-афганским конфликтом в Пенджахе, снова вызвала острую панику в Индии и в Лондоне; общественное мнение было взбудоражено, и дождем сыпались запросы в Комитет иностранной разведки при адмиралтействе.

Мало известен тот факт, что во время пенджахской угрозы мы не были готовы к войне. Мобилизация флота тогда не могла быть проведена. Это обнаружил покойный лорд Бересфорд (в то время лорд Чарльз), когда он в 1886 г. был назначен младшим морским лордом адмиралтейства. Он пришел к заключению, что в случае внезапной войны в военно-морских делах наступит полнейшая неразбериха и что Британия может потерпеть поражение на море. Коллеги лорда Бересфорда не обращали ни малейшего внимания на его предупреждения, но он добился разрешения морского министра сэра Джорджа Гамильтона сделать доклад о положении премьер-министру

лорду Солсбери. Последний, обсудив положение с тремя старшими адмиралами, не входившими в состав адмиралтейства, предписал морскому министру учредить как можно скорее разведывательный отдел для нужд военно-морского флота.

Старое адмиралтейство было привлекательным местом, где можно было работать в обществе приятных сослуживцев. Это были культурные люди, в большинстве с университетским образованием, писавшие на хорошем английском языке и прекрасно справлявшиеся с делами самого учреждения и с перепиской с другими отделами. Секретариат адмиралтейства представлял собой замкнутый круг, и морские офицеры туда не допускались на постоянную работу. В Комитете иностранной разведки было несколько моряков, но их только-только терпели, и то лишь потому, что они были необходимы в делах, требующих специальных познаний. Работа по управлению флотом в мирное время успешно выполнялась штабом, и если случалось, что министерство иностранных дел вдруг потребует в самом спешном порядке — как они выражались — «отправить канонерку» для подкрепления своих требований в той или иной части света, то военный корабль сразу появлялся в нужном месте. Работа шла гладко, за исключением небольших инцидентов, которые иногда нарушали монотонность рутины мирного времени.

Моему начальнику капитану Холлу временами приходилось преодолевать мертвый груз равнодушного отношения к тому уроку, который немцы дали армии в 1870 г. Урок этот заключался в том, что в современных условиях войну можно выиграть только при условии тщательной подготовки к ней задолго до начала военных действий. А для того чтобы провести такую подготовку, необходимо было прежде всего иметь как можно больше сведений о флотах иностранных государств, об их береговых укреплениях, путях сообщения и других подобных вопросах.

Обо всем этом знали в адмиралтействе очень мало, так как никто этими делами не занимался. Лорд Чарльз Бересфорд, будучи младшим морским лордом, настаивал на необходимости выработать «план кампании», и его нельзя было заставить успокоиться. Какой-то остроумный карикатурист, сотрудник адмиралтейства, подражая широко известной рекламе, изобразил лорда Чарльза в виде пухлого голого младенца, старающегося вылезть из ванны, чтобы достать лежащий на полу кусок мыла с этикеткой «План кампании». А под рисунком было написано: «Он не

успокоится, пока не достанет его». Он и его единомышленники добились в конце концов разработки такого плана, но это произошло лишь накануне великого испытания, начавшегося в августе 1914 г. Высшее начальство старого флота относилось с большим предубеждением к идеям младших офицеров. Я помню случай, когда один из лордов адмиралтейства на одном важном предложении сделал пометку: «По какому праву выдвигает этот *лейтенант* подобное предложение?». Это относилось к покойному адмиралу британского флота сэру Доветону Спарди, бывшему в то время лейтенантом на флагманском корабле североамериканской эскадры и предлагавшему учесть при формировании резервов для флота симпатии прибрежного населения Канады.

В такой обстановке я начал, около сорока лет назад, свою новую карьеру, весьма привлекательную для юноши, так как разведывательная работа была связана с проблемой шпионажа, которой я интересовался с раннего детства.

Капитан Холл сообщил мне, в чем должна состоять моя работа, и я до сих пор помню его инструкции. Я должен был изучить все, что касалось британских защищенных гаваней как в самой Англии, так и вне ее, их укреплений и оборонных средств, имеющих значение для флота; я должен был собрать сведения о средствах связи (подводных кабелях) британских и иностранных, об иностранных орудиях (морских и береговых), об орудийных установках, боевых припасах, броне, прожекторах, торпедах, подводных минах, а также «об экспериментах, проводимых в этих областях». К этим вопросам вскоре была добавлена еще тема: «британская и иностранная торговля; оборона и нападение». С самонадеянностью юности я с радостью взялся за работу. Но это были зачатки дела, семена, которые к концу мировой войны дали огромные всходы.

Капитан Холл добавил, что ему хотелось бы, чтобы я начал с Гонконга, так как наши адмиралы не знают состояния береговых укреплений, а это может привести к неприятным последствиям.

Отыскав с помощью географического атласа местонахождение Гонконга, я уселся за стол, заваленный большим количеством бумаги, деловыми папками и канцелярскими принадлежностями, и приступил к работе офицера разведки. Так началась моя многолетняя работа в этой интереснейшей области деятельности на суше и море. За другим столом в той же комнате сидел гражданский чиновник отдела секретариата адмиралтейства Грэхэм Грин, став-

ший впоследствии во главе этого отдела. Он был для меня образцом усидчивости и рвения к работе; он всегда приходил первым, уходил последним; он завтракал, не отрываясь от служебного стола, заваленного бумагами. От него я узнал также секрет успешного проведения дел через правительственные учреждения Уайтхолла. Он рекомендовал не обращаться непосредственно к начальнику того или иного ведомства; нужно предварительно подготовить почву при помощи его сотрудников — лучшими мозгами в учреждении обладает иногда самый мелкий чиновник, идите к нему и поговорите с ним. Прежде чем писать официальное письмо в другой отдел, лучше всего зайти туда и, если возможно, самому там же составить желаемый ответ.

Остальные два стола были заняты морскими офицерами. Все страны мира были разделены на две группы. Эти офицеры должны были собирать разнообразные сведения о военно-морском флоте, доках и береговых укреплениях других стран. Мы имели для собирания сведений на всю Европу только одного разъездного военно-морского атташе. Британский флот занимал преобладающее положение в мире. Британия всеми признавалась «владычицей морей», и мы так низко расценивали флоты других стран, что представителям иностранных держав разрешали почти свободный доступ во все наши доки и в другие морские предприятия и учреждения. Считалось, что, чем лучше они будут знать наш флот, тем меньше будет опасность осложнений с иностранными державами. Я вспоминаю, что в одном случае разведывательный отдел военно-морского флота США оказал нам большую услугу: ему мы обязаны первым знакомством с карточным каталогом для классификации сведений, присланным нам из США. Мы были слишком консервативны, чтобы сразу вводить карточную систему; всю собираемую мною информацию я записывал в огромные гроссбухи. Теперь отдел разведки, вероятно, набит такими карточками.

В феврале 1887 г. стараниями лорда Чарльза Бересфорда и других был учрежден Отдел военно-морской разведки; в состав его вошел наш Комитет иностранной разведки, который был несколько расширен и стал называться подотделом разведки. Был создан также небольшой подотдел мобилизации. Начальниками этих подотделов были, соответственно, капитаны Эрдли Вильмот и Кастенс (ныне адмирал сэр Реджинальд). Работа была напряженной и временами очень скучной. Мы работали в учреждении 6 дней в неделю, около 9 часов в день, и часто брали еще

работу с собой на дом. Большая часть времени уходила на классификацию сведений и составление сводок; информация стекалась к нам в большом количестве. Эта работа заменила те опасные приключения в чужих странах, о которых я прежде мечтал.

Капитан Холл, наш начальник, служил нам достойным примером. Вполне я оценил его только тогда, когда стал бывать у него дома, где познакомился и с его семьей. Он работал дома перед завтраком с 5 до 8 час. утра. Он приходил в адмиралтейство к 10 час., работал там до 7 час. вечера, а после обеда еще работал дома часа полтора. Он умер вскоре после ухода из адмиралтейства, но ушел он тогда, когда уже были заложены крепкие и надежные основы для созданного впоследствии огромного военно-морского штаба, начавшего разработку планов и включавшего отделы: разведывательный, исторический и мобилизационный. Холлу следовало бы поставить памятник в адмиралтействе.

По временам происходили интересные инциденты, и один из них дает мне повод рассказать некоторые подробности о том, каким образом добывалась собираемая нами информация. Выше уже упоминалось о Гонконге. Однажды я получил ценное сообщение от молодого армейского офицера, служившего там в гарнизоне. Мы почти ничего не знали об орудиях на укреплениях Владивостока. И вот однажды этот предприимчивый молодой офицер направился туда, пробрался во время метели, когда часовые укрывались от непогоды, за линию укреплений и получил полную информацию. Имея в виду близость Сибири, о которой рассказывались всякие ужасы, от этого офицера требовалось большое мужество, чтобы предпринять подобное дело по собственной инициативе.

Воодушевленный его примером, я решил использовать несколько дней отпуска для того, чтобы во время ближайшей метели навестить наших друзей по ту сторону Ламанша, разумеется, вовсе не из чувства враждебности по отношению к французам. Разведывательные учреждения собирают информацию обо всех государствах, в том числе и о дружественных; никогда нельзя знать, что произойдет в будущем. В то время немцы убеждали нас усилить наш флот в ответ на французскую программу военно-морского строительства. Могущественный британский флот вообще считался лучшей гарантией мира в Европе.

Я побывал в Дюнкерке, Кале и Булони. Был жестокий

холод, все искали от него убежища, и я уберегся от подозрительных взглядов. Какой-то паникер, обладающий пылким воображением, увидев производившиеся в порту в Дюнкерке строительные работы и прокладываемую вдоль набережной железную дорогу, пришел к заключению, что все это предпринято с целью сосредоточения войск для неожиданного нападения на Англию. А кроме того, мы ничего не знали о фортах, защищающих Кале и Булонь, несмотря на непрерывный поток британских туристов и путешественников, проезжавших эти места или живших там в течение ряда лет.

Я плохо знал тогда правила подобного шпионажа, так как это был мой первый опыт. Вообще, когда мне приходилось посещать иностранные государства в мирное время, я никогда не скрывал, что ношу звание офицера британской службы. Однажды ко мне подошел явный провокатор и предложил купить у него планы одного укрепленного пункта. Я ответил, что они меня не интересуют. Строительство форта еще не было совсем закончено, и мне нужно было только узнать, содержится ли там гарнизон. Я уже знал об этом до предложения провокатора: солдаты этой страны носят сапоги, на подошве которых гвозди расположены особым узором; дорога, ведущая к форту, была грязная, и на ней виднелись следы многочисленных солдатских сапог, а отсюда легко было сделать вывод о существовании гарнизона.

Всякий офицер, знающий свое дело, может издали увидеть то, что ему надо знать относительно береговой обороны иностранного государства. Чтобы подавать снаряд для тяжелого орудия, применяются подъемные краны; эти краны бывают различных размеров и видов, в зависимости от типа артиллерийского орудия. В печатных военных справочниках можно найти снимки этих кранов, и когда эти подъемные краны виднеются на горизонте, то все остальное становится ясным. Если нужно было видеть внутреннюю часть форта, то обычно по соседству попадался высокий маяк, который можно было посетить за небольшую плату. Во время упомянутой поездки во Францию я подошел к одному маяку и спросил у маленькой девочки, можно ли ascendre (подняться наверх): это было единственное слово, которое я знал тогда по-французски. Она убежала от меня, и мне оставалось только надеяться, что отец ее не солдат и не жандарм. Я не сел в тюрьму из-за этого инцидента, но я был рад, когда благополучно прибыл в Дувр. У моих соседей за табль-

дотом в постоялых дворах, где я останавливался, создалось, кажется, впечатление, что я навещал в метель эти приморские курорты с целью найти пансион подешевле, куда летом можно было бы привезти мою жену (в природе не существовавшую). Разумеется, я знал по-французски слишком мало для того, чтобы сознательно внушить такое впечатление. Я помню, что расспрашивал, как пройти к морю, а людям казалось, что я ищу свою мать [1].

Обычно я носил свои материалы в незапертом саквояже. Мне кажется, что лучший метод хранения секретных бумаг, не возбуждая подозрения посторонних лиц, — делать вид, что они не имеют серьезного значения. Но, признаюсь, однажды, провозя планы минных заграждений портов одной крупной иностранной державы, я дрожал в глубине души, как бы мой метод не оказался ошибочным; все же эти планы были доставлены благополучно. Я помню только два случая, когда я прибегал к театральным трюкам, применяемым героями шпионских романов при перевозке секретных планов или бумаг. Однажды, проезжая по железной дороге, я неожиданно прибыл на границу ночью — раньше, чем я рассчитывал. Я ехал будто бы на охоту, и у меня было с собой много патронов; на границе с меня потребовали большую пошлину, а у меня нехватило денег. В четырех патронах у меня вместо дроби были заряжены секретные материалы, сверху забитые пыжами; я полагал, что в случае ареста я сумею уничтожить свои секретные бумаги, расстреляв патроны. Очень трудно было на границе спрятать эти четыре патрона в карман, не возбуждая подозрений. Было бы лучше, если бы я не отступил от своих обычных приемов и не пытался прибегнуть к игре в трюки.

В другой раз в туристском агентстве Кука мне сказали, что мной заинтересовалась полиция. Я решил, что для обеих сторон будет лучше, если я уеду следующим пароходом. Я отправился в отель уложить свои вещи. Когда я сел за стол в своей комнате и, разложив перед собой один секретный план на очень тонкой бумаге, начал наносить на него некоторые исправления, вдруг кто-то громко постучал в дверь. Я не знаю, разгадали ли психологи тайну того подсознательного аппарата, который заставляет человека в минуты опасности действовать инстинктивно-подсознательно. Игрок в крикет иногда обнаруживает мяч

---

[1] По-французски слова «La mère» — мать и «La mer» — море звучат почти одинаково. — *Прим. перев.*

в своих руках, не имея представления о том, как он к нему попал, — как будто благодаря действию какого-то особого аппарата. Он и заставил меня мгновенно засунуть мой секретный план в пустую трубку, прибавить сверху немного табаку и закурить, прежде чем сказать на иностранном языке слово «войдите». Вся операция заняла у меня столько же времени, сколько уходит у игрока в крикет на то, чтобы поймать мяч. Мне хотелось бы закончить свой рассказ описанием того, как полицейские агенты, пришедшие арестовать меня, начинают обыск, а предмет их поисков исчезает на их глазах в виде трубочного дыма. Но на сей раз это была всего лишь прислуга отеля, пришедшая справиться о моем багаже.

Лишь однажды мне не повезло, и я привлек к себе внимание жандарма. Это было на Парижской выставке 1889 г., на которой я хотел осмотреть выставленные военные материалы. Жандарм запретил мне зарисовать прицельный механизм для стрельбы из судовых орудий при совершенно горизонтальном положении палубы. Этот механизм разрешал, таким образом, проблему точного прицела при обстреле береговых укреплений с корабля — проблему, сильно меня интересовавшую (галлиполийская кампания могла бы кончиться совершенно иначе, если бы мы располагали подобной аппаратурой). Этот инцидент настолько вывел меня из равновесия, что я уже не решался ткнуть зонтиком выставленные там большие орудия или постукивать по ним костяшками пальцев. Я отправил донесение о самом крупном из этих орудий. Это был экспонат какого-то нового завода, и я в своем докладе особенно подчеркивал быстроту, с которой завод изготовил такое огромное орудие. Когда донесение было отправлено, я узнал, что проклятое орудие было сделано из папье-маше. Лорд Сиденхэм (в то время капитан Кларк) и сэр Десмонд О'Каллаган (в то время капитан) донесли военному министру об этом орудии, но я упросил их не выдавать меня и не упоминать в своем донесении о папье-маше.

Примерно в то же время поднялся большой шум по поводу французского взрывчатого вещества под названием мелинит, которое, как полагали, подобно большинству новых изобретений, «произведет революцию» в способах ведения войны. Нам разрешалось заказывать на определенную сумму новые иностранные книги, относительно которых мы думали, что в них найдутся полезные для адмиралтейства сведения. Увидев объявление о книге

«Мелинит», я заказал себе один экземпляр через помощника секретаря адмиралтейства (Р. Д. Одри), который без особой симпатии относился к деятельности нового отдела морской разведки. Вскоре я получил фривольный французский роман с изображением на обложке героини, которую звали Мелинита. Я получил книгу от помощника секретаря с запиской, в которой он, передавая мне привет, спрашивал: «Разве собирание подобной информации также входит в обязанности офицеров разведки?» Совет Талейрана начинающему дипломату гласил: «Главное — не усердствуйте чрезмерно». Если он прав, то мне еще многому надо было учиться.

В те годы ходило множество рассказов о различных промахах других военных работников. Военный атташе в Париже (ныне знаменитый генерал в отставке) докладывал, что новая французская винтовочная пуля покрыта кожей («cuir»); так он понял французское слово «cuivre», означающее медь. Другие рассказы в том же роде вносили развлечение в нашу работу. Один из наших военно-морских атташе был приглашен присутствовать при испытании иностранного бронебойного снаряда, состав которого являлся секретом. Ввиду торжественной обстановки атташе явился в полной парадной форме. Присутствовало много высших иностранных офицеров. Наш атташе подобрал обломок одного из только что выпущенных снарядов, собираясь отправить его для анализа в Англию. Немного спустя окружающие с изумлением заметили, что из-под полы парадной фрачной формы нашего атташе поднимается струя дыма. Оказалось, металл был еще горячий; атташе пришлось при всей публике вытащить его на свет, хотя некоторое время он героически пытался подражать тому спартанскому мальчику, который спрятал живого лисенка под одежду и не выдал себя, несмотря на боль от укусов зверя.

Эти годы напряженной работы в центре паутины, которая должна была с течением времени опутать все части света, дали нам хорошую тренировку для будущего, и, надеюсь, я не был слишком многословен, рассказывая о них. Важнейшим результатом учреждения военно-морской разведки был полученный ею вывод, что если мы не усилим наш флот новыми кораблями и моряками, то некоторые иностранные государства легко смогут отнять у Великобритании ее историческое превосходство на море, которое не оспаривалось со времени битвы при Трафальгаре. Акт военно-морской обороны 1889 г. был проведен,

вопреки желанию адмиралтейства, под давлением общественного мнения и в результате агитации, в которой виднейшую роль сыграли: Лондонская торговая палата, лорд Чарльз Бересфорд, «Pall Mall Gazette» и ее редактор покойный В. Стид и поэт-лауреат Теннисон.

Разведывательная работа велась с минимальной затратой средств. Не стремление к наживе, а патриотизм был побудительным мотивом для тех, кто добывал информацию об иностранных флотах, береговой обороне и вооружениях. Работа требовала технических познаний, и, прежде чем отправляться на поиски новых сведений, необходимо было полностью освоить все, что уже известно. В противном случае получалось бы бесполезное дублирование. Лицам, собиравшим сведения, приходилось доверять всю ранее полученную информацию. Насколько мне известно, ни один иностранец не был привлечен к этому делу, и мы никого не соблазнили изменить его родине. С другой стороны, иностранные агенты, среди которых были и безвредные и опасные, пытались выведывать секреты у наших государственных служащих. Однажды рассыльный адмиралтейства имел серьезную неприятность. Один из лордов адмиралтейства, уходя завтракать, оставил ящик своего стола неплотно закрытым. Там было устроено приспособление, посредством которого при открывании ящика раздавался звонок в соседней комнате, где сидел личный секретарь адмирала. Как только адмирал вышел из комнаты, раздался тревожный звонок, и личный секретарь, войдя в комнату, застал у ящика рассыльного.

Мы установили, что секретные документы, которые нужно было иметь в печатном виде, оставались секретными только в том случае, если печатание производилось в типографии министерства иностранных дел; там они печатались на особой бледнозеленоватой бумаге и оттуда разносились в запертых на ключ ящиках. Бесполезно было нумеровать все экземпляры и держать под ключом те из них, которые оставались после раздачи остальным официальным лицам, — прежде всего необходимо было каждый раз уничтожать набор и сжигать все корректурные оттиски. Торговля корректурными экземплярами и даже изорванными клочками секретных материалов велась в международном масштабе и доставляла большие барыши. Об этом я снова вспомнил в 1919 г., во время мирной конференции в Версале. Свой экземпляр секретных протоколов большинства комиссий я получал через два или три дня после каждого заседания, но к тому времени

я уже знал большую часть содержания этих документов по статьям парижских газет.

Когда я оставил адмиралтейство и поступил в высшую военную школу в Кемберли, моя работа в отделе разведки была распределена между двумя секциями и во главе каждой был поставлен отдельный офицер. В дальнейшем они пустили новые ростки, а во время мировой войны из всех этих секций образовались многочисленные отделы и подотделы разведки. В 1913 и 1914 гг., работая снова в адмиралтействе, я подробнее ознакомился с деятельностью морского штаба. Тогда я разыскал в архиве много бумаг, напомнивших мне об этих прошлых днях, в том числе и вышеупомянутый план одной иностранной базы миноносцев, на котором остались следы табачного никотина. Без преувеличения можно сказать, что на той работе, с которой в мирное время в восьмидесятых годах прошлого века справлялась маленькая группка сотрудников капитана Холла, во время мировой войны было занято не меньше тысячи человек.

Другая моя работа, связанная с военно-морской разведкой, была еще более интересной, поскольку я был в ней совершенно самостоятелен и имел дело непосредственно с главнокомандующим морскими силами на Средиземном море. Это была первая военно-морская база, располагавшая собственным разведывательным отделом, учрежденным между 1892 и 1895 гг. К сожалению, эта система не была распространена перед 1914 г. на все наши эскадры. Так, в начале войны на флагманском корабле австралийской эскадры еще не было ни одного офицера разведки. К каким результатам это приводило, может показать следующий пример. Главнокомандующий австралийской эскадры вскоре после начала войны получил предписание направиться к Новой Гвинее с целью уничтожить мощную германскую радиостанцию в пункте под названием Рабол. Ему пришлось вернуться, так и не разыскав эту станцию (она была найдена позже). Вообще в августе 1914 г. мы испытывали большие трудности, когда нам нужно было установить местонахождение новых германских радиостанций на Тихом океане. Сведения об этом нам были нужны безотлагательно, и на всех базах, где своевременно была учреждена разведка, подобные сведения, разумеется, были собраны. Но как бы то ни было, создание в 1892 г. на Средиземном море военно-морской разведки было значительным достижением, а к 1914 г. она уже существовала в большей части других эскадр.

В 1892 г., когда я был направлен в качестве младшего офицера на флагманский корабль сэра Джорджа Трайона, для целей разведки не отпускалось никаких средств. Для предоставления мне каюты пришлось перевести одного из младших офицеров на новую должность. Незадолго перед тем я получил небольшое наследство, которое я расходовал на работу разведки. В конце третьего года моей работы эта должность стала постоянной, хотя оплачивалась, как сверхштатная. Меня сменил на этом посту один из офицеров разведки, оставшихся после меня в адмиралтействе. Эта система постепенно распространилась на другие военно-морские базы и оправдала себя во время мировой войны.

ГЛАВА III

СЛУЧАЙНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Прежде чем перейти к описанию роли, которую разведывательная служба играла в отдельных событиях мировой войны, будет, пожалуй, небесполезно привести некоторые воспоминания о том раннем периоде, когда я был связан с разведывательными органами адмиралтейства и военного ведомства, история которых изложена в предыдущих главах.

Посещение Меца в 1891 г., в бытность мою слушателем высшей военной школы, ярко выделяется в моей памяти как факт, оказавший решающее влияние на мои политические взгляды. Работая в отделе морской разведки адмиралтейства, я убедился в крайней необходимости подготовки наших вооруженных сил к войне и потому считал необходимым для себя самого получить серьезное военное образование. Я посетил Мец вместе с группой студентов, под руководством профессора, покойного сэра Фредерика Мориса. Нашей целью было изучение на месте хода некоторых сражений в франко-прусской войне 1870 г. Мы действительно узнали кое-что о тактическом использовании местности, но главное впечатление, которое мы вынесли, заключалось в том, что немцы обрушились на французов, когда те еще не были готовы к войне, и таким образом выиграли войну.

Нам постоянно твердили, что тот процесс, который привел к такому результату, называется «мобилизацией», но нам очень мало объясняли, что же означает мобилизация на деле. Мы имели некоторое представление об одной

характерной ее черте: германская армия, которая должна была быть брошена на поле сражения в начале войны, в мирное время была размещена таким образом, что резервисты для пополнения ее рядов жили вблизи тех частей, в которые они должны были вливаться. Французские же резервисты были не так размещены, вследствие чего было потеряно несколько дней на сложные железнодорожные переброски и на распределение людского состава. Но мы плохо понимали, что̀ такое прусская аккуратность и внимание к мелочам, — качества, которые дали возможность сэкономить не только дни, но и минуты.

Посещение Меца входило составной частью в наши практические занятия по изучению военной истории и тактики; мы вовсе не намеревались заниматься шпионажем. Сведения, из которых мы извлекли важнейший урок, попали к нам совершенно случайно.

Нас с помпой принимал германский кавалерийский полк в Меце. В программу приема входил торжественный обед, длившийся с 5 час. 30 мин. до 11 час. 30 мин. вечера; спиртные напитки подавались в невероятном количестве. На следующее утро, когда мы пошли в казармы осматривать квартирмейстерский цейхгауз, наши головы трещали от боли. Мне бросилось в глаза, что одежда каждого резервиста лежит на отдельной полочке и покрыта одеялом. Такое внимание к мелочам сберегало много часов мобилизации: проходя через цейхгауз, солдат мог сразу взять одеяло, завернуть в него остальные вещи и пойти дальше. Этот цейхгауз, особенно в сравнении с цейхгаузами нашей армии, поразил меня больше, чем что-либо другое, свидетельствуя о тщательности подготовки Германии к войне. Как в то время, так и сейчас я держусь мнения, что основная причина страха, испытываемого нациями континента перед своими соседями, — не столько потенциальная мощь армий, сколько состояние немедленной готовности, в котором эти армии поддерживаются. Когда страх достигает высшей точки, начинается война. Урок, полученный Францией в 1870 г., никогда не может быть забыт.

Эти случайные наблюдения в Меце в 1891 г. дали нам гораздо более ценные сведения о быстроте мобилизации германской армии, чем любые донесения о немецких крепостях. Вообще от крепостей мы стремились держаться вдали. Если германская армия раньше вторгнется в соседнюю страну, то войскам последней, вероятно, никогда не удастся достигнуть германских крепостей. Наши хозяева

говорили об этом вполне откровенно. Тем не менее, в более поздние годы мы в высшей военной школе относились сравнительно хладнокровно к активности германских офицеров у нас в Норфольке, где они, как сообщалось, проходили нечто вроде штабной практики. Мы полагались на свой флот.

Мне приходит на память, как вскоре после начала мировой войны у нас отдавались приказы подготовить к отправке в глубь страны все такси и всех извозчиков из морских курортов нашего восточного побережья, чтобы ими не мог воспользоваться вторгшийся неприятель. Когда-нибудь интересно будет рассказать историю страхов перед вторжением немцев в Англию во время мировой войны. Сэр Уильям Робертсон в своей книге «Военные и государственные деятели» рассказал все, что можно опубликовать в настоящий момент.

Упоминание о том, что, пожалуй, может быть названо шпионажем в крепостях иностранного государства, приводит мне на память инцидент, имевший косвенное отношение к событиям мировой войны. В 1892 г., вскоре после посещения Меца, где я получил представление о том, как тщательно Германия готовится к войне, я находился в Константинополе в штабе сэра Джорджа Трайона. Германская военная миссия в Константинополе пользовалась значительным влиянием. Британское влияние, которое в предыдущие годы проводилось через военно-морскую миссию, было на ущербе. Мы установили, что Турция благодаря давлению каких-то таинственных финансовых кругов уделяла большее внимание укреплению Дарданелл, чем защите Босфора; соответственно этому распределялись средства обороны, которые поставлялись фирмами центральных держав. Было ясно, что более важным считалось держать на почтительном расстоянии не русский, а английский флот. Тем не менее, султан Абдул Гамид сам, казалось, относился к нам весьма дружественно, о чем можно судить по следующему инциденту.

Как офицер разведки я, естественно, интересовался укреплениями Босфора, и мне хотелось сравнить их с укреплениями Дарданелл, которые я наблюдал во время путешествия в Константинополь. Возведение новых фортов в Дарданеллах было уже закончено, и ходили слухи о сооружении новых фортов для защиты Босфора. Как-то раз во время послеобеденной прогулки я, отделившись от товарищей, направился в ту сторону, желая осмотреть возвышенную местность на европейском берегу близ Ру-

мели Кавака. Там я некоторое время сидел на небольшом холмике, с которого открывался вид на новую батарею. Признаки производившихся работ уже можно было ясно различить, и поэтому я сделал фотоснимок при помощи карманного аппарата. Щелкнув затвором, я осмотрелся кругом и увидел, что, пока я глядел в видоискатель, меня заметил турецкий часовой. Он крикнул что-то, и группа солдат начала взбираться на холм.

Неподалеку от меня был мой пароходный спутник. Я спрятал фотоаппарат в карман и, окликнув своего спутника, попросил его посидеть там несколько минут и присмотреть за моими вещами, а сам пошел в ту сторону, куда направились капитан Ноэль и капитан Вильсон (покойные сэр Джерард Ноэль и сэр А. К. Вильсон, оба впоследствии адмиралы). Чувствуя усталость, мой спутник рад был оказать мне такую услугу. Я догнал своих капитанов с максимальной быстротой, после чего мы все вместе медленно вернулись на холм. Там мы застали моего приятеля в сильном волнении. Он был окружен группой возбужденных турок, вооруженных до зубов. Сильно жестикулируя, они что-то кричали на незнакомом языке. Мы присоединились к этой группе. Был вызван турецкий офицер, который немного говорил по-французски, и он объяснил нам, что солдаты видели, как мой товарищ делал снимок укрепленного пункта. Мы порекомендовали нашему другу подчиниться, в виде уступки, оскорбительному акту обыска, чтобы доказать свою невиновность. Его обыскали и ничего не нашли, не заметив фотокамеры, оттопыривавшей мой карман. Мы заявили туркам, что теперь они должны быть полностью удовлетворены, а нам пора вернуться на корабль. На этом мы их покинули, а они принялись обследовать все расщелины и камни в окрестности.

Об этом инциденте, без сомнения, было сообщено в Константинополь, так как вечером меня вызвал к себе адмирал и рассказал, что султан спрашивал его, не интересуемся ли мы укреплениями Босфора, и если да, то нам будет разрешено посетить все форты, которые мы пожелали бы осмотреть. В результате нам были предоставлены все возможности проверить слухи о том, что линии укреплений, обращенной к Средиземному морю, уделяется больше внимания, чем укреплениям, выходящим к Черному морю.

Эта старая история, несомненно, наведет читателя на мысль, что трагическая дарданелльская кампания 1915 г., о которой мы будем говорить в соответствующей главе,

могла бы иметь другой исход, если бы русские, в интересах которых эта кампания якобы велась, приняли активное участие в операциях, предприняв одновременно наступление со стороны Черного моря. Но политические стремления не всегда совпадают с возможностью проведения эффективных военных операций. По отношению к данному эпизоду это подтверждено сделанными впоследствии разоблачениями.

В виде вступления к главам, посвященным событиям мировой войны, пожалуй, полезно включить здесь еще несколько замечаний о моей работе за последние годы перед войной, когда я не был непосредственно связан с военными и морскими кругами в Уайтхолле, а также о том, какое впечатление производила у нас германская угроза.

Когда я в 1908 г. оставил высшую военную школу, у меня не было никаких сомнений в том, что среди военных деятелей господствовало мнение, высказанное сэром Генри Вильсоном, а именно, что в случае войны с Германией нам придется немедленно отправить во Францию британский экспедиционный корпус. Морские же круги, насколько мне известно, не шли так далеко. Мои дальнейшие замечания относительно позиции отдельных лиц в этом вопросе будут приведены в следующих главах. Здесь еще стóит упомянуть о конференции по обороне, созванной в Лондоне в 1909 г., вскоре после того, как из конфиденциальных источников было установлено, что Германия собирается форсировать выполнение своей программы военно-морского строительства. Я присутствовал на конференции вместе с делегатами от южноафриканских колоний, приехавшими в Англию в связи с консолидацией союза; на конференции они еще не могли выступать от имени всей Южной Африки, так как оформление Южноафриканского союза не было закончено. Все ясно сознавали все растущую угрозу со стороны германского флота и политику, которая привела к его усилению. Что касается военных кругов, то новый генеральный штаб армии делал все возможное, чтобы установить единообразие в обучении, организации и снаряжении всех военных сил империи. Вдохновителем в этом деле был сэр Спенсер Эварт, состоявший тогда руководителем отдела военных операций; покойный сэр Чарльз Колуэлл был деятельным его помощником. В то время никто не мог себе представить, какая масса войск потребуется в случае войны с Германией. В предвоенные годы все полагали, что в деле защиты Британской империи решающим фактором войны будет британский флот,

если боевая мощь его будет поддерживаться должным образом. В военных кругах предполагали, что отправкой в помощь французам британской армии из шести дивизий будет создан необходимый для победы перевес сил. Я убедился в существовании такой точки зрения из разговоров с членами генерального штаба в военном министерстве, когда служил в адмиралтействе в 1913 и 1914 гг.

Такие взгляды господствовали в военных кругах. Но в своем личном дневнике за январь 1909 г. я нашел указание, что покойный лорд Холден в свою бытность военным министром обладал более широкой перспективой и лучше понимал, какое большое военное напряжение может потребоваться от Британской империи, если «мы окажемся припертыми к стене», что оказалось в 1914—1918 гг. Я в то время приехал в Англию из Южной Африки на короткое время, чтобы присутствовать в Кемберли на первом заседании проектировавшегося имперского генерального штаба. Привожу запись из моего дневника, помеченную средой 27 января 1909 г.:

«Пожалуй, большой день. Завтрак с министром Холденом, присутствовали сэр Эдуард Грей и генерал Дуглас Хейг. Мистер Холден с удовлетворением заметил, что наша работа в Южной Африке вполне соответствует основной линии общеимперской политики как в данный момент, так и в отношении ее перспектив. Он надеется, что учреждение имперского генерального штаба явится большим достижением. Он разъяснил проект создания седьмой дивизии (из британских войск в Южной Африке и других местах) и подчеркнул его преимущества по сравнению с планом Кордуэлла: налицо будет военная часть, готовая к выступлению, а не импровизированное соединение случайных батальонов. По его расчетам, у нас будут, кроме семи дивизий и тех, которые находятся в Индии, еще четырнадцать территориальных дивизий в Англии и несколько дивизий в заокеанских доминионах».

Далее у меня записано, что Холден первый понял еще тогда, что в борьбе за правое дело вся империя сплотится и выставит войско, в составе которого в случае серьезной опасности будут армейские корпуса и целые армии. Я вспомнил эту запись в своем старом дневнике, когда Холден в самые мрачные дни мировой войны подвергся жестокой критике со стороны некоторой части прессы. В результате этой газетной кампании одно время ходил даже слух, что он, человек, сделавший больше, чем кто-либо другой из государственных деятелей нашего времени

для подготовки нации и всей империи к великому испытанию, заключен в лондонский Тоуэр, как изменник.

В наши дни как будто нет большой нужды в собирании секретных сведений о военных силах иностранных государств, состоящих членами Лиги наций, так как они все должны давать полную информацию о своих вооруженных силах, которая публикуется в справочниках о вооружениях, издаваемых ежегодно в Женеве. В прежнее время для офицеров, уезжавших в отпуск, и других патриотически настроенных людей, путешествовавших по чужим странам, открывалось широкое поле деятельности по собиранию соответствующих сведений. Тут возникал вопрос о пересылке сведений. Лучше всего, если это возможно, держать их в голове, даже в мирное время, когда нередко можно было отделаться легким наказанием, хотя могло последовать и заключение в крепость. Во время войны опыт показал, что опасность стать перед взводом солдат, взявших на прицел винтовки, или опасность виселицы обычно вызывается теми способами, которые применяются для отсылки информации по назначению. Почти все неприятельские шпионы, раскрытые в Англии во время мировой войны, были осуждены на основании письменных улик.

Для передачи информации во время мировой войны почти всеми странами усиленно применялись почтовые голуби. Неоднократно человек рисковал своей жизнью, если его видели в обществе этих своеобразных посланцев, которыми люди пользовались в течение веков.

Когда я начал работать в военно-морской разведке, меня сильно стал привлекать вопрос о голубиной почте. В начале своей службы в адмиралтействе я изучал методы Нельсона по добыванию сведений, наиболее важных для морского командования, — сведений о передвижениях неприятельских судов. Нельсон всегда пользовался фрегатами для наблюдения за всеми гаванями, где стояли, по его данным, неприятельские суда: фрегат либо передавал информацию непосредственно, либо (как это было перед Трафальгарской битвой) сигнализировал сведения другим судам, расположенным поблизости, для передачи сообщения дальше. Когда была изобретена и потом беспрерывно совершенствовалась торпеда Уайтхеда, я считал, что пользоваться для наблюдений ценными крейсерами вблизи укрепленных иностранных гаваней, кишащих миноносцами, — предприятие слишком дорогое. Небольшие быстроходные яхты или даже рыболовные суда могут с тем же

успехом наблюдать за иностранными гаванями: в случае нападения они могут уйти и послать сообщения голубиной почтой. Я был слишком молод в то время, чтобы самому лично выдвинуть такое предложение, а потому убедил некоторых друзей в министерстве иностранных дел и в военном министерстве выдвинуть эту идею и привлечь внимание адмиралтейства к экспериментам, проводимым с почтовыми голубями за границей. Но мое предложение было в то время отвергнуто чиновником, наложившим на бумаге следующую резолюцию: «Оставить без внимания. Эти птицы могут доставить неверную информацию». Я решил тогда за свой счет завести голубиную станцию в Портсмуте, а впоследствии на крейсере «Экселлент» снова поднял этот вопрос. Я до сих пор не могу понять, что смутило упомянутого чиновника: неужели он думал, что враг может поймать живьем голубя, летящего над морем, и заменить дезинформацией отправленное сообщение?

Впоследствии, получив назначение на Мальту, я взял с собой голубей и основал там клуб любителей голубей. Я ставил своей целью организовать ежедневную голубиную почту между Сицилией и Мальтой, чтобы сохранить быструю связь, если кабели во время войны будут перерезаны.

Вскоре появился радиотелеграф, и мой проект был заброшен. В ночь со 2 на 3 августа германский броненосный крейсер «Гебен» вместе с «Бреслау» пришел в Мессину. На них погрузили уголь, и они ушли 6 августа в 5 часов утра. Весть об этом дошла до британского адмирала с опозданием. Таким образом, «Гебен» ускользнул от превосходных британских сил и 10 августа невредимым успешно достиг Константинополя. Это было главным фактором, склонившим Турцию присоединиться к центральным державам, что полностью изменило всю картину войны и затянуло ее, вероятно, года на два. Я до сих пор убежден, что агент разведки в Мессине или близ Мессины мог бы послать сообщения о передвижениях «Гебена» скорее, если бы британский военно-морской флот имел в своем распоряжении голубей.

ГЛАВА IV

ХОРОШО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА (1914)

Мы намерены говорить о двух хорошо сохраненных секретах, относящихся к первым дням войны, — об отправке во Францию небольшого британского экспедиционного

корпуса генерала Френча и о том сюрпризе, какой германцы преподнесли французам, выставив на поле сражения армию, гораздо более сильную, чем предполагал французский генеральный штаб. К счастью для дела союзников, первый из этих фактов создал противовес другому.

Только полная неосведомленность о численности тех германских армий, с которыми в самом начале должны были столкнуться французские войска, могла побудить французов задумать знаменитый «план № 17». Этот план сразу подверг их серьезным бедствиям: они попали в «кровавую баню» у Моранжа и в других местах; пятая армия Ланрезака вклинилась острым выступом между Маасом и Сомбром, где подверглась атакам германских сил с востока и севера, будучи открытой также для натиска с запада. Это привело бы ее к новому грандиозному «Седану», если бы первый секрет не был строго сохранен. Неприятель численностью свыше трех четвертей миллиона бойцов обрушился бы на эту армию с трех сторон.

Интересно проследить, каким образом сохранение британской тайны спасло положение и как эта тайна была сохранена.

Британское военное командование стояло перед трудной проблемой. В стране, где во всех закоулках кишели вражеские шпионы, приходилось тайно стягивать из множества мест десятки тысяч людей и лошадей, массу орудий и транспортных средств, чтобы сформировать свою «маленькую армию», которая, однако, если бы растянуть ее вдоль дороги, заняла бы сотню миль. Всю эту громаду необходимо было поместить в поезда и развезти по британским и ирландским портам в Саузсемптен (Southampton), Эвонмаузс, Ньюхевен, Ливерпуль, Глазго, Дублин, Корк или Бельфаст. Своевременно надо было сосредоточить на различных железнодорожных станциях огромное количество подвижного состава.

В течение пяти наиболее горячих дней понадобилось 1 800 специальных поездов; восемьдесят составов прибыло в доки Саузсемптена, где шпионам особенно легко было вести наблюдение. Для остальных портов цифры были аналогичны.

Затем наступила очередь морского флота обеспечить тайну. В те дни адмиралтейство перебрасывало войска по морю, теперь эту задачу выполняет министерство торговли. Нужно было быстро сосредоточить транспорт — процедура очень подозрительная. Нужны были суда для людей, специально оборудованные суда для лошадей, суда

для повозок, суда для грузовиков, которых в то время было немного; суда для боеприпасов и суда для продовольствия — словом, суда всех размеров и различных скоростей. Все они должны были быть нагружены, без риска доставлены в порты назначения и разгружены — и все требовалось сделать надежно и тайно, а тайна на войне означает безопасность. Нужно было избежать взоров вражеских агентов, которые могли быть расположены на длинных побережьях Саузсемптонской бухты, пролива Солент и острова Уайта.

Затем снова наступает очередь армии, которая должна была принять всю массу людей, лошадей, повозок и орудий, двинуть их к месту назначения и поспеть во-время, чтобы заполнить зияющий пробел между левым флангом всей французской армии и морем. Сохранение тайны было важнейшей задачей, но она казалась неосуществимой в данных условиях. Личные воспоминания человека, хорошо помнящего те дни, могут представить интерес для читателя.

Впервые в истории британскому военному ведомству была дана возможность заблаговременно разработать свои планы, хотя оно до последнего момента не знало, будут ли эти планы санкционированы кабинетом. Правительством было дано Франции только обещание совместно обсудить положение, но обязательства предпринять какие-либо действия не было. За это я могу поручиться. Переговоры генеральных штабов не связывали и не могли связывать правительство.

Генеральный штаб армии был создан недавно. Он был утвержден в то время, когда я между 1904 и 1908 гг. преподавал «имперскую стратегию» в высшей военной школе в Кемберли под руководством покойных лорда Роулинсона и сэра Генри Вильсона. Все преподаватели этой школы стали офицерами генерального штаба. Как только лорд Холден, лучший военный министр Англии в новейшее время, создал экспедиционный корпус, мы разработали, как нам полагалось, различные проекты использования его при всех мыслимых условиях в любой части света, включая Бельгию. Начиная с 1906 г. наш проект предусматривал использование этого корпуса в первую очередь в Бельгии, и отчасти вот по какой причине.

Генри Вильсон, посвященный в сокровеннейшие тайны военного министерства, являлся нашим руководителем. Он был в курсе «военных переговоров» с французским генеральным штабом, начавшихся примерно около того вре-

мени. Вопрос о том, как использовать британский экспедиционный корпус, если бельгийский нейтралитет будет нарушен Германией, тогда приобрел особое значение. Во время своих отпусков Генри Вильсон не раз объезжал на велосипеде бельгийские границы и поощрял слушателей школы делать то же самое. Так были обнаружены новые железнодорожные ветки, а также другие признаки того, что Германия намерена в соответствующий момент сосредоточить войска в районе Экс-ла-Шапель — Мальмеди. Таким образом, мы уже тогда уясняли себе общий характер знаменитого плана Шлиффена, который незадолго до того был принят генеральным штабом в Берлине. Все подробности этого плана еще до сих пор не раскрыты. Они, наверно, хранятся в архивах того зловещего здания в Берлине, которое занимал генеральный штаб. Этих подробностей не отыщешь в непроходимой чаще слов, произнесенных или написанных государственными деятелями и дипломатами. Военные архивы вообще ревниво оберегаются от беспристрастных исследователей.

Итак, имелось три плана: германский шлиффеновский план — направление решительного удара было предугадано нами в военной школе, причем сила удара оставалась неизвестной; французский «план № 17», явно основанный на незнании вражеских сил и намерений (британские военные органы, повидимому, до августа 1914 г. знали мало или совсем ничего не знали о «плане № 17»); план британского генерального штаба об использовании британской армии; его немцы, на свою беду, не сумели раскрыть.

Одно время британские военные власти считали наиболее целесообразным послать армию морем в Антверпен, не учитывая того факта, что оба берега Шельды принадлежат Голландии. Невозможно себе представить, чтобы такой план был одобрен каким-либо разумным английским кабинетом. Мы в высшей военной школе лучшим проектом считали высадку наших войск во французских портах, с тем чтобы немедленно установить связь с левым флангом французской армии, где бы он ни находился. Теперь все знают, что именно этот план и был принят в 1914 г. Поразительно, что этот секрет, как будет видно из дальнейшего, не был раскрыт немцами.

Здесь я приведу еще некоторые личные воспоминания, чтобы довести до конца рассказ о моей работе в предвоенный период.

Прослужив до 1912 г. начальником генерального штаба

при лорде Метюэне, я оставался в Южной Африке до ранней весны 1913 г., помогая новому правительству Союза, в котором генерал Смэтс был министром обороны, организовать и обучить южноафриканские военные силы. В эти годы мы все более приближались к краю пропасти. Я несколько раз приезжал в Англию, поддерживая таким образом постоянный контакт с моими коллегами из генерального штаба армии, с комитетом имперской обороны и адмиралтейством. От самого Генри Вильсона я узнал об его личной дружбе с его французским коллегой генералом Фошем, имевшей в дальнейшем столь важные последствия.

По возвращении в Англию я вошел в состав нового «военного штаба» адмиралтейства и начал работать над некоторыми проблемами подготовки к войне в любом варианте, уделяя особое внимание тем пунктам, потеря которых поставила бы флот в крайне тяжелое положение.

У меня нет желания облегчить труд иностранным тайным агентам приведением списка таких пунктов; на составление его я потратил почти год, причем прибегал к помощи всех компетентных лиц в адмиралтействе. Всем известно, что, несмотря на разные пакты об упразднении войны, разведывательные органы даже наиболее миролюбивых наций и в наше время всячески стараются проникнуть в тайны других стран. Достаточно упомянуть, что, подходя к вопросу с точки зрения интересов флота, я открыл множество таких пунктов, где люди, которых в Уайтхолле называют «злонамеренными лицами», могли в те дни причинить затруднения флоту. На этой работе я хорошо ознакомился с этим типом людей, а также с лучшими способами пресечения их зловредной деятельности.

Итак, я предъявил читателю свои верительные грамоты, а сейчас перехожу к истории великой британской тайны и к рассказу о том, как она была сохранена.

Насколько мне известно, никто до сих пор не рассказал полной правды о двух званых обедах на Куин-Эннис-Гейт в роковое воскресенье 2 августа 1914 г., на которых присутствовали члены кабинета. От лорда Холдена я услышал незадолго до его смерти, что во время обеда в его доме в 7 часов вечера было получено известие о германском ультиматуме Бельгии; другой обед состоялся в доме весьма известного лица, расположенном почти рядом с домом Холдена. Участники этих обедов по-разному отнеслись к полученному сообщению. Но когда в понедельник утром на заседании кабинета полнее выясни-

лось значение упомянутого известия, то разногласия прекратились, и только два министра, лорд Морлей и Джон Бернс, вышли из состава правительства. В тот же день (3 августа) в 3 часа пополудни сэр Эдуард Грей произнес свою знаменитую речь, сплотившую воедино нацию и империю. Это было в день августовских «банковских каникул». Военное министерство оказалось в затруднительном положении. Германский ультиматум прозвучал в полном смысле слова, как гром с ясного неба, и сбор территориальных войск для обучения еще не был отменен. Приостановка этих занятий по обучению привела бы к усилению активности германских шпионов, и в пятницу еще была надежда на сохранение мира.

Нет нужды теперь копаться дальше в невыясненных подробностях: нам нужно было лишь наметить верные даты и показать, что каждый час в то время был дорог. Немцы вторглись в Бельгию во вторник (4 августа) рано утром. Приказ о мобилизации британской армии был разослан в 4 часа дня. Флот был мобилизован уже раньше. К полуночи Англия находилась в состоянии войны с Германией.

В среду в коридоре адмиралтейства я встретил Генри Вильсона, состоявшего тогда начальником отдела военных операций. Он был очень озабочен. Соглашение о возможной поддержке нами французов, достигнутое во время военных переговоров, в которых он принимал активное участие, предусматривало одновременно с мобилизацией французской армии мобилизацию британской армии и отправку наших шести дивизий во Францию. Исходя из этого предположения, были составлены подробные расчеты. Однако лишь в четверг 6 августа кабинет, наконец, принял решение о немедленной отправке четырех дивизий в места, указанные французами.

Заглянем теперь в «военную комнату» адмиралтейства, где всю стену занимает карта мира. Днем и ночью дежурный стоял у дверей, преграждая вход в эту комнату всем лицам, как злонамеренным, так и благонамеренным, если они не имели особого разрешения. Там в начале войны мы следили за передвижением «Гебена» и «Бреслау», которые проскользнули через нейтральные воды Мессинского пролива и таким образом ушли от преследования британского флота за несколько часов до объявления войны; после этого они никогда более не попадались в поле зрения таких мощных британских кораблей, которые были в состоянии вступить в бой с «Гебеном».

В этой комнате перебывало много высокопоставленных посетителей, в том числе и таинственная «персона».

В другой комнате мы обычно следили за всеми передвижениями армий, стоявших друг против друга на протяжении длинной линии фронта, южный фланг которого упирался в швейцарскую границу.

Кабинет назначил сроком начала передвижений британской армии воскресенье 9 августа. Суда для них были готовы раньше. Джон Френч пересек Ламанш 14 августа. К 20-му его армия была сосредоточена между Мобежем и Ле Като. К 22-му армия была уже около Монса, впереди левого фланга французской армии, которая готовилась двинуться вперед, прямо в пасть германской армии, не имея представления о численности огромных германских сил к северу от Мааса.

Знал ли враг о наших передвижениях? Настали напряженные минуты для тех, кто наблюдал за перестановкой флажков на карте, зная, что́ за этим скрывается: мы должны были ни больше ни меньше, как спасти положение, ибо «план № 17» уже вел к неизбежному финалу. Смысл этого плана стал для меня ясным из разговора с одним французским офицером тогда же, в августе, не помню точно, какого числа. Недоумевая по поводу передвижения флажков на военной карте, я обернулся к нему и спросил: «В чем же состоит план Жоффра?» Он ответил жестом: движением кулака из района Нанси к северо-востоку он показал направление удара. Но даже в случае временного успеха этот удар не мог бы предотвратить неминуемой катастрофы для отдаленного левого фланга.

В то время, примерно 22 августа, бельгийский генеральный штаб должен был иметь сведения о продвижении огромной массы германских войск через Бельгию севернее Мааса; для установления этого он имел много возможностей. Я до сих пор не могу понять, почему сэр Джон Френч знал так мало об этом. Вторая армия Бюлова наступала на французов. Намюр был накануне падения. Первая армия Клука наступала большой дугой; за ней вытянулась армия Марвица с целым корпусом кавалерии. Бельгийцы перед лицом превосходных сил противника отступили к Антверпену. Начиная с 18-го на пространстве между длинными колоннами Клука и британским экспедиционным корпусом не оставалось никаких флажков. Клук должен был, казалось нам, знать, что перед ним имеется только небольшой британский экспедиционный корпус и

где именно он находится, хотя, быть может, он не знал, какова его сила или, точнее, слабость. Сам он имел не меньше шести армейских корпусов; из них два «резервных корпуса» — сюрприз, который немцы преподнесли французам. Кроме того, он имел или, вернее, к нему был придан целый корпус германской кавалерии, который в данный момент не состоял под командованием Клука, но был наготове и нуждался только в сведениях о позициях англичан, чтобы ударить им во фланг, в то время как с фронта они будут атакованы войсками Клука.

Знал ли об этом Клук? В этом было все дело. Мы можем, мне кажется, не придавать значения тому, что мощная германская радиостанция в Науэне оповещала весь мир о том, что англичане бросили французов на произвол судьбы, не послав им на помощь своей армии; возможно, что это был лишь агитационный прием. Мы знали, что немцы от своих шпионов до войны получили сведения о том, что если британцы пошлют войска, то высадят их в Зеебрюгге, близ голландской границы с Бельгией. Когда-то я сам писал в одном донесении, что Зеебрюгге — отличное место высадки, но занимает невыгодное местоположение. Германское командование было введено в заблуждение, и это говорит в пользу британской контрразведки. Клук был твердо уверен, что британская армия намеревалась высадиться в бельгийских портах, но потом выбрала французские гавани Дюнкерк, Кале и Булонь. Мы не собирались высаживать войска в бельгийских портах, мы не высадили никаких частей ни в Дюнкерке, ни в Кале, а в Булони высадили лишь небольшие силы. Еще до 20 августа Клук «пребывал в уверенности», что британский экспедиционный корпус высадился 18 августа в некоторых «французских гаванях», не зная, в каких именно и куда направляются войска.

22 августа вечером (в 9 ч. 30 м.) Клук обнаружил перед собой лишь один эскадрон британской кавалерии. Он издал тогда обычный походный приказ, будучи уверен в том, что местность на 50 миль впереди свободна. В роковое воскресенье 23 августа его авангард, не получивший никакого предупреждения, неожиданно наткнулся на британскую армию, преграждавшую ему путь. Германский кавалерийский корпус, который мог бы обогнуть британскую армию с фланга и отрезать ей отступление, находился в то время, примерно, в 40 милях, разыскивая британцев близ Куртре.

Спасение принесла тайна, и это приводит нас к вопросу:

каким образом эта хорошо оберегаемая военная тайна сбила с толку и запутала Клука?

Мы много слышали о «мобилизации», проводившейся в памятные первые дни августа, и очень мало о предшествовавшем ей «периоде предварительных мер предосторожности». Не было надобностей рекламировать ее объявлениями о призыве резервистов. Предосторожность, спасшая небольшую армию сэра Джона Френча, состояла в том, что враг был сбит с толку.

Чтобы понять дальнейшее изложение, нужно иметь представление о германской системе шпионажа. Мы легко можем установить ее отличие от британской системы, процитировав основные руководящие принципы шпионажа из довоенных британских и германских учебников. Британский девиз гласил: «Вводи противника в заблуждение и направляй на ложный путь»; германский девиз учил: «Действуй насилием и хитростью». В первом больше гибкости, второй более агрессивен. Германцы проводили массовую атаку своими легионами обученных шпионов, вымуштрованных, применявших везде одни и те же приемы и всегда ожидавших от начальства инструкций, как они должны обращаться с «глупым», стоящим ниже их врагом. На британской стороне работало небольшое количество тщательно отобранных людей, которые раньше проверялись на мелких поручениях, затем привлекались к выполнению важных заданий, а в дальнейшем могли перейти и в высшую категорию британской контрразведки. Эта система британской контрразведки удостоилась после войны высоких похвал от таких лиц, как полковник Николаи, начальник германской разведывательной службы во время мировой войны, и от некоего Винфрида Людеке, опубликовавшего два года назад ряд статей в германской и швейцарской прессе.

Ранним утром 4 августа 1914 г. германские войска начали переходить бельгийскую границу. Они двигались тремя большими армиями, под командой Клука, Бюлова и Хаузена; в этих армиях насчитывалось соответственно 320 тыс., 260 тыс. и 180 тыс. человек; Бюлов и Хаузен должны были обрушиться на французскую армию Ланрезака; огромная армия Клука должна была обойти ее с левого фланга. Британия тогда еще формально находилась в состоянии мира. Тем не менее, дорожа каждой минутой, британская контрразведка начала действовать до того, как был издан приказ о мобилизации армии, арестовав, правда, лишь горстку германских шпионов,

работавших, как им казалось, в полной безопасности. Почему взяли лишь нескольких, оставив на свободе остальных? В контрразведке, как во всяком другом предприятии, основанном на конкуренции, успех зависит от уменья взглянуть на дело с точки зрения противника. Путем изучения, а еще лучше инстинктивным чутьем можно определить, что̀ он будет думать и как он будет действовать. Политический деятель должен угадывать ближайший поворот изменчивого флюгера — общественного мнения. То же самое приходится делать и журналистам. Солдат, говорил Фош, должен знать характер своего врага и делать соответствующие выводы о том, как он будет реагировать на перемену обстановки.

По меньшей мере за четыре года до войны (агадирский инцидент, когда мы были на волоске от войны, имел место в 1911 г.) в Англии было обнаружено много германских шпионов.

Они не были арестованы. В мирное время они не могли принести большого вреда, а если бы их тогда изъяли, то к наступлению критического момента появились бы другие. Полковник Николаи утверждает, если память мне не изменяет, что мы якобы арестовали пятерых. Быть может, так оно и было, но я не припоминаю этих случаев: я помню лишь суд над одним обманутым и несчастным британским офицером. Мы держались того мнения, что высшая необходимость соблюдения тайны возникнет в самый последний момент, если нам когда-нибудь придется воевать с Германией. Основной оберегаемой тайной тогда явится тот день и час, когда наша армия начнет свое передвижение, и то направление, куда она двинется. Немцы не могли не знать численности английской армии, так как об этом писалось открыто. Они могли знать кое-что о ее боеспособности, наблюдая наши маневры и читая опубликованные сообщения о стрелковых состязаниях. (Тот факт, что они не изучили этих отчетов, к делу не относится; одно ясно, — что в противном случае они не приняли бы английский ружейный огонь у Монса за пулеметный.) Но момент отправки и место назначения британских экспедиционных сил — вот тот великий секрет, который требовалось сохранить.

Здесь я должен сделать одно замечание о соблюдении секретов, с которым от всей души согласятся все, когда-либо участвовавшие в разведывательной работе, а также лица, хотя и стоящие вне указанного узкого круга, но симпатизирующие нашему делу. Избранные не поверяют

своих секретов никому, даже друг другу: они знают, в каком состоянии постоянного напряжения находятся они сами, опасаясь в какой-нибудь момент беспечности выдать свой секрет. Чем меньше секретов они знают, тем лучше для них; вот почему они неохотно выслушивают сообщаемые им без нужды чужие секреты, а своими они не обременяют друзей.

В то время я не знал никаких деталей об отправке британских экспедиционных сил. В сферу моей деятельности входили только местности, из которых желательно было удалить «злонамеренных лиц», и я радовался, что, судя по результатам, они действительно были удалены. Не надо забывать, что в момент объявления войны в стране было больше 30 тыс. немцев. В Англии не было ни одного случая подрывной работы; ясно, что я не могу привести имена тех, кому мы этим обязаны. Я знал большинство этих людей до войны, с некоторыми из них я был близко знаком. Я заходил к ним, когда они сидели за работой, но никто из них не рассказывал о своих делах секретного характера.

По мнению этих людей, немецкие шпионы, как и немцы вообще, постоянно нуждаются в руководителях, без которых они беспомощны. Они уверяли, что немцы любят работать только по готовому «плану», придерживаясь его *буквы;* когда они предоставлены самим себе и вынуждены руководствоваться только *духом* своего плана, они могут совершить серьезные ошибки, находясь, повидимому, в ожидании новых инструкций. Сколько бы ни было германских шпионов в предвоенное время в Англии, Шотландии, Уэльсе или Ирландии, они могли действовать лишь под руководством своих вожаков и организаторов, а если этих последних убрать, то исполнители оказывались в беспомощном положении. Главарей надо изъять в соответствующий момент так, чтобы их невозможно было заменить новыми. В этом отношении, как впоследствии отметил начальник германской шпионской службы, Великобритания имеет большое преимущество, так как она окружена морем и не имеет сухопутных границ, через которые могли бы просочиться агенты разведки. Легче установить надзор за несколькими портами, где поток путешественников проходит через барьеры, а также за береговой линией моря, к которой можно приблизиться только на заметных еще издали судах, чем оберегать протянувшуюся на сотни миль сухопутную пограничную линию, охраняемую лишь в отдельных пунктах, между

которыми остаются большие разрывы. Мы в этом убедились на собственном опыте во время последней войны с бурами, когда нам пришлось построить на границе длинный ряд блокгаузов и даже провести проволочные заграждения.

Весть о мобилизации нашего флота застала меня в Портсмуте в воскресенье 2 августа в 3 или 4 часа утра. Работа германских шпионов в Англии тогда была еще на полном ходу. Ранним утром 29 июля Первый флот с полным экипажем вышел из Портланда в неизвестном направлении. Об этом, как и о нашей морской мобилизации, в Германии знали.

В Берлине ничего не было известно о том, что офицеры британской контрразведки в течение ряда лет прочитывали всю переписку между двадцатью двумя германскими тайными агентами в Великобритании и их хозяевами в Германии, а также о том, что эта корреспонденция раскрыла нам всю сеть шпионажа, центр которого находился в Берлине. Это открытие, приведшее к важным последствиям, произошло следующим образом. Один видный германский офицер, состоявший в свите кайзера во время одного из визитов последнего в Англию, был прослежен, когда он, уклонившись от исполнения своих официальных обязанностей, свернул с нормального маршрута в район Каледониан-род (в северной части Лондона). Там он зашел в парикмахерскую некоего Э., по происхождению немца, рожденного в Англии и женатого на немке. Оказалось, что парикмахер был лишь «почтовым ящиком» шпионской сети. За свою работу он получал всего 5 шиллингов в неделю, и лишь недавно это жалованье было повышено до 12 шиллингов 6 пенсов. В целях маскировки он был связан с какой-то фирмой, на самом же деле он работал для германской разведки, откуда исходили многие письма. С этого времени вся корреспонденция Э. стала просматриваться, и было установлено, что он получал из Германии много писем, наклеивал на них английские почтовые марки и затем переправлял их в различные адреса. Таким образом была обнаружена крупная группа германских агентов, рассеянных по всей стране. Это был сильный удар по германской разведке. Удача, скажут нам, но эта удача отчасти была вызвана пристрастием немцев к централизованной организации. Если бы все эти письма посылались с германскими марками непосредственно агентам разведки, то, возможно, с ними ничего не случилось бы.

Итак, мы подошли к кульминационному пункту нашего

успешного разоблачения: в начале войны мы спокойно и незаметно, не прибегая к военной силе, арестовали с помощью полиции двадцать одного из двадцати двух германских тайных агентов, размещенных в нашей стране в мирное время, но тренированных в качестве шпионов военного времени. Все они в течение ряда лет были известны британской контрразведке, хотя и не принадлежали к категории лиц, «известных полиции». В Саузсемптене в качестве агента «работал» Томас Кегнамер. Пять агентов «работали» в Лондоне, трое в Ньюкестле, один в Барвике, один в Брайтоне, один в Винчестере, один в Барроу-ин-Фарнесс, один в Ситтингборне, один в Пэдстоу, двое в Портсмуте, один в Веймуте, один близ Плимута и один в Фальмуте. Они были просто интернированы. Не было публичного процесса, чтобы факт их провала не получил огласки. Их хозяева были сбиты с толку. Э. как британский подданный был приговорен к семи годам принудительных работ по обвинению в том, что он состоял на службе германской разведки. Одному из всей группы агентов удалось ускользнуть на пароходе, направлявшемся в Гулль. Если у него и была секретная информация о британской армии, она оказалась безвредной; доказательством тому служит заблуждение Клука и спасение сил Ланрезака, т. е. левого крыла всей французской армии.

Помимо ареста двадцати одного агента, было установлено строгое наблюдение еще за двумястами агентов. Тысячи иностранцев были интернированы, а на следующий день рано утром были перерезаны все германские подводные телеграфные кабели.

Итак, мы можем оставить армию Клука и кавалерийский корпус Марвица, «во тьме двигающихся взад и вперед, в смятении не знающих, какой путь избрать, чтобы избежать удара невидимой руки...»[1] Удар был нанесен, по инициативе генерала Галлиени, шестой французской армией на правом фланге Клука, в то время как британская армия пробила брешь на его левом фланге.

Между тем среди части британской публики в первые дни войны наблюдалось сильное недовольство. В одном месте вдруг по неизвестной причине закрылись ставни небольшой табачной и газетной лавки, которую до войны держал иностранец. В одном большом отеле исчез лакей-иностранец, так хорошо знавший вкусы своих посетите-

---

[1] Цитата взята нами из одного автора XVII в., описывающего настроение сухопутных войск в ожидании налета неприятеля из неведомого места на морском берегу.

лей, — быть может, у него день, свободный от работы? Подозрительно странно исчезновение давнишнего знакомого — иностранного ученого, интересовавшегося геологическим строением восточного побережья Шотландии. Светские дамы вдруг лишились милой «француженки» из института красоты. Люди суеверные не могли понять, что стряслось с их любимым хиромантом или гадателем, а в первые дни войны об этом искусстве было много толков.

Вообще таким инцидентам придавали мало значения, но в воздухе носилось также много нелепых слухов, и военные власти подвергались жестоким нападкам со стороны лиц, веривших таким слухам. Рассказывали, что какая-то дама, рассматривая витрину на Бонд-стрит, споткнулась и нечаянно наступила на ногу белокурого выхоленного господина, с уст которого будто бы сорвалось немецкое ругательное слово, — ясно, что это германский офицер. Твердые корты для тенниса, недавно сделанные в садах некоторых иностранцев на окраинах Лондона, имели подозрительно толстый бетонный фундамент: молва превратила их в платформы для иностранных гаубиц. Но ведь последние куда лучше могли стрелять с любого места современного шоссе. Жители верхних этажей дымом из своих труб давали сигналы цеппелинам, в задних окнах полуподвальных помещений появлялись подозрительные огни... и т. д. Основанная на подобных слухах критика властей за отсутствием у них бдительности поощрялась официальными кругами, потому что репутация глупости — большой плюс для работы контрразведки.

Из всего изложенного вытекает, что в разведывательной службе опасно исходить из предпосылки, что другие народы отличаются недальновидностью. Попробуйте, например, состязаться с британским «буколическим» умом, которым обладают коренные жители английской деревни. Я сам многому научился в Южной Африке от одного старика-бура, которого все считали глупым.

ГЛАВА V

НАЛЕТ НА ОСТЕНДЕ

(1914)

Демонстративные атаки с небольшими силами или распространение ложных слухов, вызывающих у противника тревогу, являются признанными методами разведывательной работы во время войны. Мы переходим теперь к

блефу, предпринятому по инициативе Уинстона Черчилля, бывшего первым лордом адмиралтейства (морским министром) и членом военного совета в тот период, когда после 25 августа 1914 г. британская армия очутилась в весьма тяжелом положении. Хотя этот блеф не был крупной операцией, но его стоит описать как пример того, чего можно добиться с помощью более подвижных и должным образом снаряженных «сухопутно-морских» войск («amphibious forces»). Это рассказ не о том, как оберегалась тайна, а о том, как, стремясь повлиять на общую военную ситуацию, мы добились того, что наш «секрет» дошел до врага и ввел его в заблуждение.

После столкновения у Монса британский экспедиционный корпус начал отступать по всему фронту. Наше предприятие было задумано накануне того дня, как Смит-Дориен дал славный бой у Ле Като и задержал наступление германской армии Клука и кавалерийского корпуса Марвица, что дало возможность главным силам армии сэра Джона Френча беспрепятственно продолжать свое отступление.

Во вторник 25 августа 1914 г. поздно вечером я напряженно работал вместе с покойным адмиралом сэром Генри Джексоном в комфортабельной комнате адмиралтейства, окна которой выходили в Сент-джемский парк. День был жаркий, и, так как я работал уже с 3 августа без полного ночного отдыха, я задремал на диване в ожидании следующей партии телеграмм. В это время в комнату поспешно вошел начальник штаба покойный сэр Доветон Старди и спросил меня, есть ли у меня военная форма. Я в то время был полковником, так как недавно, по возвращении из Южной Африки, расстался со званием бригадного генерала генерального штаба армии. Я сказал адмиралу, что у меня есть синий мундир бригадного генерала, несколько тесноватый, который лежит у портного. «Прекрасно, — сказал он, — тогда придется вас снова произвести в бригадные генералы. Время не терпит. У первого лорда есть для вас задание, которое он вам лично передаст. Пройдите в его кабинет».

Я нашел мистера Черчилля с генерал-адъютантом морских войск, начальником моего корпуса. Перед ними лежала военная карта Фландрии, сплошь утыканная флажками, указывавшими расположение германских войск в Бельгии. Черчилль объяснил мне свой план, который, кратко говоря, состоял в том, что необходимо произвести высадку наспех сформированной бригады морской пехоты

в Остенде. Командование возлагалось на меня. Он задал мне вопрос: что́ нужно для выполнения задания, имевшего, по его словам, целью ввести в заблуждение немцев, отвлечь как можно больше германских войск на себя и таким образом облегчить положение сэра Джона Френча.

Он предложил мне изучить карту и дать ему ответ как можно скорее. Судя по тому, что я увидел на карте, пожалуй, удобный гроб являлся для меня наилучшим выходом из положения. Но, очевидно, не такого ответа ожидали от меня. Через три минуты я ответил: «Мне нужен хороший штабной офицер, 500 боевых патронов на человека, 500 велосипедов, карты Бельгии и письменные инструкции». Черчилль заявил: «Все нужное будет сделано. Вы должны поспеть на ночной поезд в Чатам, откуда главнокомандующий (сэр Ричард Пур) в самом срочном порядке доставит вас в Ширнес, где вы сядете на корабль «Эвриалис».

Пока я доставал свой мундир, запасался бульонными кубиками магги и некоторым количеством денег в английских соверенах, мой давнишний друг и коллега по совместной работе в былые дни в отделе разведки сэр Грэхэм Грин, секретарь адмиралтейства, быстро набросал следующий приказ:

«1. Завтра, 26 августа, днем, *если позволят обстоятельства*[1], вам предлагается высадить в Остенде части вашей бригады по мере их прибытия туда и занять город. Вы должны послать велосипедистов на разведку в Брюгге, Туру и Диксмюд. Вам надлежит укрепиться в Остенде, окружив город линией окопов, для прикрытия высадки армейской дивизии. Эскадрилья самолетов прибудет к вам до полудня, произведя предварительную воздушную разведку на расстоянии 30 миль вокруг Остенде. Эти самолеты будут находиться в вашем распоряжении.

2. Целью этого маневра является диверсия, благоприятная для бельгийцев, наступающих от Антверпена, и создание угрозы западному флангу германской армии, наступающей к югу. Следовательно, маневр должен быть демонстративным. Вы не должны продвигаться внутрь страны от Остенде, не имея дальнейших распоряжений, но аванпостные стычки допустимы. Сведения о неприятеле будут сообщены вам лично в адмиралтействе[2].

---

[1] Курсив мой. Я вспомнил эти слова, когда мне стала известна телеграмма кабинета сэру Дугласу Хейгу об отправке британских войск маршалу Фошу и ответ Хейга.

[2] Больше сведений я не получил.

3. Поставленная цель будет достигнута полностью, если значительные силы врага будут отвлечены к побережью. По выполнении задания вы должны совершить посадку на корабль.

Временно вам присвоено звание бригадного генерала».

Этот приказ, изданный от имени лорда адмиралтейства, был датирован и подписан 25 августа 1914 г. Мистер Черчилль по секрету устно добавил, что он ожидает моего возвращения через неделю.

Сэр Доветон Старди дополнил приказ указанием, что бригада должна действовать в непосредственной близости к берегу и должна иметь «такое снаряжение, чтобы она могла быстро производить и высадку и обратную посадку». Ее базой и источником снабжения должны были служить суда.

Когда я выезжал на такси со двора адмиралтейства, направляясь на вокзал Виктории, курьер поспешно вручил мне следующее сообщение:

«К СВЕДЕНИЮ

Телефонограмма из «Дейли Мейль» (от мистера Г. В. Вильсона)

Корреспонденты «Дейли Мейль», только что прибывшие из Остенде, сообщают адмиралтейству следующее (8 час. 30 мин. вечера):

Мы покинули Остенде сегодня, при приближении германских войск.

Весь гарнизон Остенде, состоящий из 4 тыс. человек, отступил в пятницу в Антверпен. Для прикрытия Остенде осталось 200 жандармов, которые вступили в стычку с 300 германских уланов, прибывших из Тилта. Потеряв 45 человек убитыми и ранеными и выполнив с честью задание, жандармы намерены капитулировать, в случае подхода более крупных германских сил».

На сообщении была пометка: «Первый лорд адмиралтейства осведомлен и решил не менять приказаний. Лорд Китченер осведомлен. Первый морской лорд осведомлен». Это дополнение было подписано инициалами начальника штаба.

Прибыв в Чатам ночью и поговорив в течение нескольких минут с главнокомандующим сэром Ричардом Пуром, я направился на его катере по реке Медуэй для посадки на «Эвриалис» — флагманское судно покойного контр-адмирала Артура Кристиена. Меня комфортабельно

устроили в свободной каюте, чтобы я мог отдохнуть в течение нескольких часов, оставшихся до утра. Затем прибыл чатамский батальон морской легкой пехоты с огромным количеством снаряжения и боеприпасов. Прибыть в Остенде днем не было никакой возможности. «Эвриалис» прошел мимо маяка Нор только к вечеру. Вечером по радио был получен из адмиралтейства зашифрованный секретный приказ. Он содержал указание, отправленное — как мы полагали — первым лордом, что если Остенде окажется занятым германской армией, то мы можем высадиться в другом месте, с тем чтобы оттуда произвести рейд на Остенде. Приказ был отправлен из адмиралтейства на «Эвриалис» в 6 часов вечера 26 августа (в день битвы у Ле Като и разгрома Лувена немцами) и получен на «Эвриалисе» в 7 час. 5 мин. вечера. Он гласил:

«Старшему на борту офицеру и генералу Астону. — Если по прибытии вы найдете Остенде занятым немцами, вы должны действовать сообразно обстоятельствам и с учетом сил неприятеля. Старайтесь, по возможности, не подвергать город бедствиям ради незначительных операций и, если возможно, совершите высадку в каком-нибудь ближайшем пункте, чтобы, действуя оттуда, выбить неприятеля из города. Последнее предоставляется целиком вашему усмотрению. Подтвердите получение телеграммой».

Мы с адмиралом обсудили положение. Море было неспокойно, и высадка на мелководном побережье, где суда должны бросить якорь в нескольких милях от берега, была совершенно исключена. Нам казалось, что лучше всего принять окончательное решение до прибытия в Остенде. Оказалось, что у адмирала было еще другое срочное задание, и он должен был направиться в Гельголандскую бухту (гельголандская морская битва произошла 28 августа). Уже почти стемнело, когда мы бросили якорь в 6 или 8 милях от Остенде. Адмирал заявил, что в темноте и при волнении на море ни в коем случае нельзя производить высадку людей с их тяжелым снаряжением в корабельных шлюпках. Офицер, посланный на катере в разведку, донес, что в Остенде нет германских войск. Я решил переночевать на небольшом судне, бросившем якорь ближе к городу, и в 3 час. 30 мин. утра сойти на берег еще до высадки десанта.

Итак, я высадился рано утром, когда было еще темно. Погода была холодная, а я вышел на берег совсем налегке; со мной не было ничего, кроме кубиков магги и английских золотых, находящихся в моей полевой сумке. У меня не

было ни штаба, ни личного аппарата связи — всего того, что полагается для командования бригадой в армии. Даже карты этой незнакомой местности у меня не было. Отсутствующий штаб заменял морской офицер лейтенант Кларк-Холл (сейчас он маршал британских воздушных сил), который превосходно выполнял обязанности бригадного майора. В последний момент я вспомнил о необходимости иметь с собой национальный флаг; Кларк-Холл, захватив с собой корабельный флаг, сошел с ним на берег. В огромном гулком здании вокзала на набережной в Остенде нас встретил мэр города и группа видных бельгийских деятелей, которые, как оказалось, ожидали нас уже в течение нескольких часов на платформе станции. Сообщая им о предстоящей высадке войск для спасения города от приближающейся германской армии, я мысленно уподоблял себя описанной в известной басне лягушке, которая затеяла сравняться в дородстве с волом.

Итак, отряд чатамской морской пехоты высадился. «Эвриалис» сейчас же отправился в Гельголандскую бухту. Днем прибыло другое военное судно со старшим офицером на борту. Он сигнализировал издали, что ему нужны рыболовные суда для высадки войск, после чего удалился; вскоре на берег высадилась портсмутская морская пехота и отряд морской артиллерии из Истнея. К ночи прибыл третий старший офицер морского флота (адмирал сэр А. И. Бетель).

В час ночи 27-го я отправил в адмиралтейство шифрованную телеграмму:

«Утвердился в Остенде сегодня к полудню. Сообщают, что Брюгге и Диксмюд свободны от неприятеля; главные колонны последнего двигаются по дороге Брюссель — Рене — Турне. Кавалерия была вчера в Менене и Ипре».

К ночи, ориентируясь с помощью плана города, взятого мной у одного из встречавших нас видных бельгийцев, я окружил город цепью пикетов, примерно на протяжении семи миль. У меня не было времени лично осмотреть местность, но этим успешно занимались батальонные командиры.

Вдруг в городе началась паника: сообщали о приближении германского аэроплана. Полагая, что это, быть может, одна из обещанных мне машин, я немедленно в реквизированном автомобиле отправился предупредить об этом аванпосты. Но я опоздал: головной самолет командира Самсона был встречен ружейным залпом, к счастью не причинившим ему вреда. Он приземлился на ипподроме, за

ним последовали другие. На следующий день прибыло еще несколько самолетов; всего их было девять; к ним был придан небольшой дирижабль. Прибыла также плимутская морская пехота. Мы расширили свои позиции и принялись рыть окопы. Нашей главной целью было ввести в заблуждение немцев и отвлечь часть их тяжелых колонн с дороги Брюссель — Турне в направлении Остенде. Обстоятельства как будто складывались благоприятно для нас.

Были кой-какие незначительные неполадки. Вместо 500 велосипедов, которых я потребовал в Лондоне, нам прислали всего дюжину или около того. Патронов было прислано по 500 на человека — судя по тому, как трудно было их выгрузить, но патроны оказались без обойм, а это означало, что мы свои магазинные винтовки сможем использовать лишь как однозарядные ружья. Из моих остальных требований не была выполнена просьба о присылке бригадного штаба и карт Бельгии. В связи с полученной мной инструкцией о таком снаряжении бригады, чтобы она могла «быстро производить высадку и обратную посадку», для меня было полной неожиданностью то, что на берег было выгружено около 300 *т* различного груза. Тут было почти все, что можно себе представить, за исключением того, в чем я нуждался больше всего: не было ни приспособлений для сигнализации, ни пулеметов, ни — главное — достаточного количества велосипедов. Я получил сведения, что одна германская дивизия находится совсем близко, в Оденарде, а велосипедисты могли бы завлечь ее к нам.

На борту «Эвриалиса» я оставил распоряжение, что при высадке солдаты должны быть снаряжены как можно легче, составив список вещей, которые они должны взять с собой. Однако в течение суток сменилось три старших морских офицера, и мое распоряжение, повидимому, было утеряно. Нам было прислано несколько полевых орудий и снаряды к ним, но без транспортных средств. Я отказался их принять, не желая оставить врагам наши орудия в случае поспешного отступления, что представлялось вполне вероятным.

Тем временем люди изо всех сил окапывались на позициях, охранявших все подступы к городу. Благоприятные обстоятельства перевешивали все указанные незначительные затруднения. Летчики под командой Самсона, проявлявшие много инициативы, показали образец хорошей летной работы. Самсон лично совершил поездку через Брюгге до Тура в блиндированном автомобиле, а один из моих

офицеров, полковник Осместон, вместе с несколькими бельгийскими офицерами в сопровождении небольшого вооруженного отряда добрался в автомобиле почти до самого Менена, приобревшего в связи с последующими событиями историческую известность. Нам удалось нанять до пятидесяти велосипедов, и я выслал велосипедные патрули в глубь страны, чтобы сделать демонстрацию как можно более внушительной.

Наибольшую пользу нам оказали такие сенсационные «факты», как слухи о русских войсках — о таинственных русских полчищах, которые, якобы, прибывали в шотландские порты и отправлялись по ночам на юг, — а также вести о том, что бельгийская дивизия, отброшенная от Намюра, погружается в Гавре на суда и отправляется в Остенде. Слухи о русских войсках, переданные мне корреспондентом газеты «Таймс», были нам чрезвычайно полезны. Мои моряки были одеты в синюю форму и носили круглые бескозырки, — германские шпионы легко могли принять их за русских. Через Остенде на юг проезжали толпы гражданского населения, и шпионская работа была очень облегчена. На вокзале я водрузил свой огромный национальный английский флаг, чтобы проезжающие разнесли повсюду весть об этом. Я позаботился и о том, чтобы слух о русских войсках был передан под *строжайшим секретом* возможно большему числу лиц. Это лучший способ добиться широкого оглашения; но, хотя я узнал впоследствии, что в Англии этому слуху поверили очень многие, мне все же в то время казалось, что было бы слишком большой самонадеянностью думать, что ему поверят эксперты германского генерального штаба.

Вот подлинные сообщения о бельгийских войсках. Первое из них — телеграмма адмиралтейства адмиралу Бетелю, командовавшему 7-м боевым эскадроном близ Остенде; она была послана 29 августа в 1 час 45 мин.:

«Бельгийские войска численностью в 4 тыс. человек погружаются на суда в Гавре сегодня и направляются в Остенде. В воскресенье и понедельник (30 и 31 августа) из Гавра будут отправлены еще 12 тыс. бельгийских солдат. Французские военные авторитеты считают Зеебрюгге, ввиду глубокой осадки судов, наиболее подходящим местом для десанта. Поставьте в известность генерала Астона».

Сообщение кончалось сведениями о битве в Гельголандской бухте, куда направился «Эвриалис».

Я сказал адмиралу, что согласен с мнением французов,

что Зеебрюгге лучший пункт для десанта, — этим облегчалась моя задача по охране значительного городского населения Остенде; бельгийские военные власти сами должны были решить, достаточно ли в Зеебрюгге снабжение водой и можно ли там разместить войска. (Я лично считал, что хорошо было бы двинуть мой отряд в Зеебрюгге и, подкрепив его достаточным количеством орудий и инженерных частей, дать мне возможность укрепиться там и удерживать эту позицию. Вообще, если иметь в виду хороший блеф, — чем больше гаваней будет использовано для десанта войск, тем лучше.)

Затем ко мне явился из Дюнкерка начальник штаба коменданта и убеждал меня в том, что Дюнкерк более удобен для десанта ввиду его системы наводняемых укреплений, наличия там 20-тысячного гарнизона и гораздо более удобной гавани, чем в Остенде. В 6 час. 15 мин. я передал адмиралу Бетелю секретным сигналом свое мнение; в 10 час. 30 мин. утра я узнал, что адмирал переслал его в адмиралтейство и поддержал меня.

Между тем, в адмиралтействе, видимо, начали слегка беспокоиться о моем слабом отряде. В 10 час. 30 мин. утра я получил оттуда приказ, как следует укрепиться в окопах и удерживать район Остенде (около 8 миль в окружности — с помощью 3 тыс. человек) «против *всех* атак», чтобы прикрыть высадку 1 600 солдат, прибывающих в Остенде из Намюра через Голландию (sic!).

Я решил, что расшифровщики в спешке пропустили один ноль и сделали ошибку относительно Голландии, нейтралитет которой был бы нарушен при отступлении через ее территорию.

В 9 час. 10 мин. вечера я послал адмиралу успокоительные известия о состоянии моих оборонительных позиций, добавив, что я хотел бы иметь сведения о том, когда ожидаются бельгийцы. Из двух сигнальных сообщений адмиралтейства и одной телеграммы, согласно которой 3 тыс. бельгийских рекрутов должны прибыть в Остенде поездом, я составил цифру в 20 600 человек (телеграмма была послана секретно, но я надеялся, что «секрет» выйдет наружу). Я прибавил также, что желательно узнать, обеспечены ли бельгийцы патронами. Казалось, что задуманный Уинстоном Черчиллем блеф проводится вполне успешно.

Нельзя не упомянуть о похвальном отзыве одного французского офицера, пославшего в газеты сообщение о наших моряках в Остенде. Он писал:

«Я видел, как они высаживались в Остенде. Никто не

подумал бы, что они идут на войну. Казалось, они замечали только юмористическую сторону дела. Они смеялись, отпускали остроты, затевали грубоватые потасовки, оглашая воздух гомерическим, заразительным хохотом. Неудивительно, что собравшаяся толпа смеялась вместе с ними. Тем не менее, в их плотно сжатых губах чувствовалась угрюмая решимость. В их взорах чувствовалось сознание серьезности предпринятого дела и твердая готовность к борьбе с любыми препятствиями».

Прежде чем закончить это повествование, отметим впечатление, произведенное остендским предприятием Черчилля на германский генеральный штаб. Об этом теперь можно прочесть в превосходной официальной истории войны сэра Дж. Эдмондса. Вот что писал по этому поводу генерал-лейтенант Таппен:

«В тот момент (30 августа) в главной квартире не было недостатка в тревожных сообщениях. Остенде и Антверпен занимали в них значительную долю. Так, распространился слух, что многочисленные британские войска высадились в Остенде и выступили по направлению к Антверпену; сообщалось также о том, что из Антверпена будут предприняты крупные вылазки. Упоминали даже о высадке в Остенде 80 тыс. русских войск. В Остенде начались работы англичан по созданию большого укрепленного лагеря. Безопасность тыла и правого фланга армии требовала пристального и напряженного внимания».

Лиддль-Харт в своей книге «Правда о войне» недавно напомнил нам, что полковник Генч, прибывший в главную квартиру Клука в критический момент битвы на Марне, сообщил, что «англичане беспрерывно высаживают свежие подкрепления на бельгийском побережье. Поступают также донесения о русских экспедиционных силах в тех же местностях. Отступление становится неизбежным».

Лиддль-Харт добавляет: «Мы знаем из других источников, что 3 тыс. солдат морской пехоты выросли в воображении германского командования до 40 тыс. и что говорилось также о 80 тыс. русских». Он придает большое значение поразительной легенде о русских войсках, распространившейся «столь таинственно».

Размышляя об этих событиях 15 лет спустя, я задаюсь вопросом: нельзя ли было сделать больше и что бы подумал германский штаб, если бы я получил и удачно использовал те 500 велосипедов, которые я требовал.

На деле 6 тыс. бельгийских солдат, переброшенных из Намюра через Гавр, были 30 августа высажены в Остенде

под прикрытием созданной мной линии укреплений. Я подружился с бельгийским генералом, сопровождавшим эти войска. Мы завтракали вместе с ним в вокзальном ресторане, и я посвятил его в свои тайные планы. Он задал мне только один вопрос: «Достаточно ли у вас велосипедов?» Я сказал, что в Остенде мне удалось достать лишь несколько штук, остальные были, очевидно, реквизированы для армии. Он комментировал мои слова одной фразой: «Желаю удачи».

Мои друзья в адмиралтействе, повидимому, все больше и больше беспокоились о моей безопасности, и адмирал сообщил мне, что получил распоряжение поддержать меня орудийным огнем с судов. Это было как раз то, чего я меньше всего желал. Стремясь выйти из этой операции с минимальными людскими потерями, я хотел провести свой тайный план: сконцентрировать свои небольшие силы и атаковать передовые части германских колонн, если они появятся в узких проходах между дамбами, пересекающими эту страну каналов и шлюзов; затем, оставив позади слабый арьергард и не подвергая опасности гражданское население Остенде отступлением через город, я предполагал двинуться к Дюнкерку, если нужно, — вдоль берега под прикрытием песчаных дюн. Суда адмирала Бетеля стояли далеко от берега, линия высоких дюн закрывала низменную местность для судовых артиллеристов. Я сам служил во флоте 12 лет и знал, как трудно стрелять с корабля по невидимой цели. Я не мог знать заранее, где будут расположены мои части во время боя, — это зависело от того, где будет к тому времени неприятель. Достаточно с нас было иметь перед собой сильную немецкую армию, а тут еще пришлось бы думать, как уберечься от тяжелых снарядов с дружественных кораблей. В конце концов адмирал сообщил мне, что когда после нашего многократного обмена сигналами адмиралтейство запросило его, почему он не поддерживает мой отряд орудийным огнем с кораблей, он ответил: «Потому что генерал Астон этого не желает».

Через несколько дней из адмиралтейства в 4 часа 30 мин. утра пришел приказ о погрузке на суда. Затем было получено сообщение адмирала, что германские радиосигналы перехватываются его судами с более близкого расстояния и что к ночи мы должны быть на борту. Судов не видно было с берега. Мне даже передали сообщение, оказавшееся ложным, что суда ушли в море. Наши люди работали великолепно, хотя и были удручены при-

казом об отступлении. Все снаряжение (около 200—300 *т*) было погружено в этой неудобной гавани при помощи одного маленького крана к 5 часам дня. Я последовал за своим отрядом с нашим национальным флагом, который не возвращался в Остенде в течение четырех лет.

ГЛАВА VI

СЛУХИ О ШПИОНАХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ШПИОНЫ

Слухи и тайна их происхождения занимают во время войны важное место в работе разведывательной службы, потому что слухи оказывают значительное влияние как на армию, так и на население в тылу, а это отражается на моральном состоянии армии. Редко удается обнаружить первоначальные источники тех или иных слухов, ибо самые панические слухи передаются из уст в уста и притом, как все сенсационные сообщения, сильно раздуваются.

Адмирал Мэген, излагая историю испано-американской войны 1898 г., упоминает о вредном влиянии, которое оказал на действия американских морских сил нелепый слух о том, что несколько небольших и плохо снаряженных крейсеров генерала Сервера, якобы, направляются через Атлантический океан с целью атаковать хорошо защищенное восточное побережье Соединенных штатов. Он обрисовал картину паники в отелях и на приморских курортах и рассказал о том, какое давление производилось на правительство, чтобы оно направило военные суда для охраны побережья. Этим замедлилось окружение эскадры Сервера, которому удалось достигнуть укрепленного порта в Сант-Яго на Кубе, и, чтобы ее разбить, пришлось послать экспедиционные силы под командованием генерала Шефтера, жестоко пострадавшие от болезней в этом нездоровом климате.

В августе 1914 г., когда разразилась война, среди гражданского населения Германии ходило немало панических слухов. Контрразведка считалась делом чисто военным и была оставлена в руках командующих армиями, которые были слишком заняты другими делами. Утверждают, что в то время еще не было специального органа по работе контрразведки внутри страны. Результаты этого оказались достаточно серьезными. В стране начала свирепствовать дикая эпидемия шпионской лихорадки. Это происходило, по свидетельству германских авторитетов, главным образом благодаря «глупости и недостаточной компетент-

ности» невежественных местных чиновников, на которых лежала ответственность за контрразведку и которые не предпринимали никаких шагов против распространения ложных слухов.

Один из таких слухов, явный продукт воображения, привел к весьма печальным последствиям. Передавалось из уст в уста, что по стране разъезжают тысячи автомобилей, нагруженных золотом, которое враги, стремясь внести разложение в Германию, намерены расходовать на разведывательную работу, на распространение мятежных доктрин и на военный шпионаж. Из достоверного источника мне известно, что один высокопоставленный дипломат на вопрос, сколько времени нужно германскому правительству, чтобы создать поворот в настроениях германского народа, к изумлению спрашивавшего ответил: «Около двух недель». Легко представить себе, какое влияние на такой легковерный народ оказывал упомянутый слух, исходивший, как вообще полагали, из официальных кругов. Распространение этой необыкновенной легенды по всей Германии привело к тому, что в некоторых районах задерживали каждый автомобиль. В пассажиров стреляли, причем было много человеческих жертв. Было убито несколько правительственных чиновников, разъезжавших по делам службы. Общественные беспорядки и паника стали настолько серьезными, что нарушали процесс мобилизации, и в конце концов генеральному штабу армии пришлось приняться за восстановление порядка. Тогда впали в другую крайность: местные власти, раньше столь сильно поощрявшие агитацию, которая быстро возродила средневековые легенды о чудовищах, совершенно притихли. Маятник слишком далеко качнулся в обратную сторону.

В связи с этими слухами о действии иностранного золота на возможных предателей родины интересно отметить секретные данные, впоследствии опубликованные полковником Николаи, о национальности лиц, осужденных в Германии во время войны по закону об измене: из них немцев — 235, иностранцев — 176, в числе последних 4 австрийца, подданных союзной страны. Среди остальных 172 иностранцев 94 принадлежали к неприятельским нациям, в том числе 46 французов и 3 англичанина; 78 человек принадлежали к национальностям нейтральных государств, в том числе 31 голландец.

Перейдем теперь к Англии. За август, большую часть которого я провел в Лондоне, я располагаю лишь небольшим количеством достоверных сведений о шпионома-

нии и нелепых слухах, распространявшихся в то время. Я жил в Гранд-отеле, на углу Норзсемберленд-авеню, против Трафальгарского сквера, а все дни и значительную часть ночи проводил в адмиралтействе. В течение дня и большей части ночи на улицах толпился народ. Для настроения масс была характерна не паника, а скорее спортивный интерес. На улице стояли толпы, наблюдавшие за тем, как устанавливали зенитное орудие (с 6-фунтовыми снарядами!!) на верхушке адмиралтейской арки. Многие поглядывали на небо в восточном направлении, как будто ожидая, что оттуда внезапно появятся неприятельские аэропланы. Они, вероятно, предвкушали свое восхищение зрелищем, как вражеская эскадрилья будет сбита этой игрушечной пушкой, еще не понимая того, что глупо собираться большими толпами во время воздушного налета. Это было еще до того, как германские бомбы весом в 300 английских фунтов преподали нам соответствующий урок. По ночам беспрерывный людской поток с песнями и возгласами проходил мимо моего отеля. Но вскоре все это прекратилось.

Сведения, почерпнутые мной из одного частного письма, давали типичную картину настроения в деревне. В нем сообщалось: «Здешний народ охотно посылает в армию своих сыновей, но ворчит, когда приходится давать своих лошадей!» Мне не приходилось слышать об общественных беспорядках или панике где бы то ни было, но в городах циркулировали слухи и рассказы о шпионах. Особому отделу Скотленд-ярда и полицейским властям по всей стране приходилось работать крайне напряженно. Особый отдел был учрежден еще в мирное время для политических целей: известно, что Англия славилась как убежище иностранцев всех национальностей. Во время войны Особый отдел выполнил огромную работу. Френсис Бэкон писал в XVI в., что «все государства, которые терпимо относятся к натурализации иностранцев, созрели для господства над обширной империей». Но Англии в его дни не приходилось сталкиваться с проблемой укрывания анархистов и тому подобных лиц, приносящих вред другим нациям, или поддерживать порядок в густо населенном Ист-Энде Лондона, где во время воздушных налетов люди в панике спасались бегством в загородные окрестности под защиту изгородей. Во время войны Особый отдел Скотленд-ярда и Особый отдел контрразведки военного министерства, соревнуясь друг с другом в области контроля над опасными иностранцами, в сущности

взаимно дополняли друг друга. Что же касается действительного положения вещей, то мне известно из достоверного источника, что в Англии за время войны не был осужден за шпионаж ни один британский гражданин.

Иначе обстояло дело с распространителями ложных слухов: людей этого типа во время войны было множество, но их всегда было немало в лондонском Вест-Энде и в мирное время. В те дни, когда женщины впервые начали кататься на велосипеде, все гостиные обошел «страшный рассказ» о безрассудной даме, которая каталась на велосипеде, не управляя рулем даже тогда, когда попадала в гущу уличного движения. Сообщалось, что она попала под омнибус, когда пересекала Найтсбридж, выезжая из Гайд-парка; ее растоптали лошади; колесо прошло по шее и отрезало ей голову... Очень многие верили этой истории, хотя ничего об этом не появилось в прессе, где был бы опубликован отчет о судебном следствии по поводу гибели бедной лэди, если бы эта история соответствовала действительности. Многие очень сердились, если их рассказу не верили. Корни этой истории, повидимому, надо искать в сентенции, высказанной старомодным джентльменом, который был шокирован пристрастием дам к велосипедному спорту: «Госпожа X столь безрассудна, что ей хочется кататься на велосипеде, не держась за руль. Что, если она потеряет голову среди шумного уличного движения?» В наиболее раздутых версиях этого рассказа лошади, запряженные в омнибус, были забрызганы кровью; добавлялись и другие ужасные подробности.

В обстановке войны слухи, передаваясь из уст в уста, «уточнялись» аналогичным образом. Появилось множество любителей охоты на шпионов. Определенные разновидности сплетен сделали свое дело, заставляя людей дрожать от страха. В наибольшем ходу были истории о «лакеях-иностранцах». Многие из этих лакеев поспешно уезжали из Англии, чтобы вступить в армию своей страны. Возможно, что среди них было немало шпионов, но я не знаю ни одного случая, где бы это было доказано. Но некоторым совершенно безвредным людям, вышедшим из призывного возраста и оставшимся на своей работе, приходилось очень скверно. В качестве примера укажу на одного «Фрица», которого я знал со времени моей и его юности. Впервые я видел его в 1887 г., когда он был официантом в баре старого Гранд-отеля на Стренде; постепенно прогрессируя, он впоследствии стал заведующим рестораном. Кажется, он был австрийцем по националь-

ности. Я мог бы поручиться за этого человека. К величайшему сожалению его британских коллег, среди которых он пользовался популярностью, он был вынужден под давлением общественного мнения оставить свою работу. Это была грустная история. Один симпатизировавший ему официант-англичанин рассказывал мне, что «Фриц» почти умирает с голоду. Затем я потерял его из виду.

Возникавшие слухи были самого разнообразного свойства: сигнализация враждебным воздушным силам; выращивание голубей — несомненно, почтовых; взрывы военных заводов; разрушение железнодорожных мостов; таинственные автомобили, нарушавшие правила освещения. Я сам едва не был арестован ревностным охотником на шпионов из-за того только, что притушенные фары моего форда загорелись ярче обычного в тот момент, когда я выжал конус, останавливая машину. В аристократических семьях оказывались подозрительные швейцарские гувернантки. О людях, игравших большую роль в общественной жизни, рассказывалось, что они заключены в Тоуэр. Я уже раньше писал о других примерах. В одном заслуживающем доверия докладе я прочитал, что в лондонскую полицию ежедневно поступали доносы, примерно на 400 человек, обвинявшихся в шпионаже.

В целом это не принесло большого вреда, хотя некоторые заподозренные претерпели кой-какие неприятности. Известное положительное значение имело то, что на помощь полиции пришло много сыщиков-любителей, а распространение ложных слухов, которые могли сбить с толку врага, было небесполезным. Возьмите, например, слух о массах русских войск, высаживающихся в Шотландии и тайно отправляемых на юг в запечатанных вагонах. Я уже писал об этом в связи с задуманным Черчиллем налетом на Остенде в конце августа 1914 г. Я считал инициатором этого слуха лорда Китченера, основываясь на трюке, примененном им во время войны в Южной Африке.

Мы находились в то время в местности под названием Кенгардт, куда были направлены для подавления восстания в северо-западной части Капской колонии. Там мы получили телеграмму от «К», в некоторой части зашифрованную. В незашифрованной части сообщалось, что «К» лично выступает по направлению к Кенгардту. Зашифрованная часть гласила: «Это будет очень интересно для неприятеля». В Остенде мне показалось поэтому возможным, что в качестве военного министра «К» употребляет сходные методы, чтобы обмануть врага.

Были и другие версии о происхождении слухов о русских войсках. Выше я передал эту историю в абсолютно точной версии, в какой она дошла до меня в Остенде. Один заслуживающий доверия друг, видный историк, впоследствии рассказывал мне, как эти слухи дошли до него в Англии. Он был достаточно хорошо осведомлен в военных делах и поэтому мог расценивать как простую утку эту, по его словам, «невероятную легенду, переходившую из уст в уста в августе и сентябре», между тем как девять человек из десяти, слышавших эту историю, верили всем преувеличениям. Он рассказывал, что по одной версии четыре русских армейских корпуса или даже 250 тыс. русских солдат были будто бы доставлены в Шотландию и Англию через Архангельск (и это при наличии одноколейной железнодорожной линии на севере России!). Такие раздутые истории, по мнению моего знакомого, возникали потому, что в те критические дни все надеялись на неожиданное появление огромной русской армии, которая отбросит назад вторгшиеся в Бельгию и Францию германские войска. Не говоря уже о том, что для перевозки такой армии по территории России и Англии потребовалось бы огромное количество подвижного состава, — для морского транспорта потребовались бы сотни крупных судов, непрерывно курсирующих между Архангельском и шотландскими портами. Откуда могли бы взяться эти суда?

Упоминая об этом слухе, я воспользуюсь случаем воздать должное одному германскому шпиону высшего типа, тоже поверившему этому слуху и передавшему его своему начальству с живописными подробностями о проезжавших через Англию бородатых людях огромного роста, в сапогах, еще покрытых снегом. Я имею в виду Карла Лоди. Упоминание его имени возвращает нас из области вымыслов к суровой действительности[1].

Карл Ганс Лоди, говорят, был выделен самим кайзером и, рискуя своей жизнью, прибыл в Англию, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся после ареста 21 германского шпиона в августе 1914 г., произведенного по указанию Особого отдела. История его похождений, начиная с того дня, когда он принялся за выполнение своей опас-

---

[1] Рассказывая об этом, а также о других тайных агентах, автор пополнил свои личные сведения материалами из книги Фелстэда «Германские шпионы, припертые к стене» — книги, основанной будто бы на официальных данных.

ной миссии, кончая моментом, когда он предстал перед взводом наших солдат в лондонском Тоуэре, излагалась уже не раз, но все же стоит ее повторить здесь.

Вначале Лоди служил в германском флоте, но вышел в отставку, не располагая достаточными средствами для широкого образа жизни, какой вели морские офицеры. С тех пор он числился в резерве морских сил. Он пытался было получить работу в британском туристском агентстве «Томас Кук и сыновья», но ему не удалось. Тогда он поступил в качестве гида на германскую пароходную линию Гамбург — Америка и в напряженные дни, предшествовавшие мировой войне, выполнял эти обязанности в Норвегии. Он приехал в Берлин в тот день, когда Британия вступила в войну (и когда мы интернировали 21 шпиона, которые избежали смертной казни только потому, что их преступления были совершены в мирное время). Затем, движимый чувством патриотизма, он направился в Англию. Как туристский гид он раньше много путешествовал и Англию знал хорошо. Он свободно говорил по-английски с американским акцентом, приобретенным благодаря пребыванию в США, а также благодаря общению с американскими туристами и пассажирами на пароходах линии Гамбург — Америка. У него был паспорт на имя американца Чарльза А. Инглиса. Что стало потом с настоящим владельцем паспорта, мне неизвестно. Этот настоящий Инглис обратился в американское посольство в Берлине с просьбой дать ему визу, годную для путешествия по всей Европе, и посольство направило его паспорт в министерство иностранных дел для получения германской визы. Министерство «затеряло» его: на самом деле фотографическая карточка Чарльза А. Инглиса на паспорте была снята и заменена карточкой Карла Лоди.

Где именно высадился Лоди, не знаю. Как раз в то время страна была наводнена потоками бельгийских и других беженцев. Должный контроль за документами множества эмигрантов был невозможен, так как аппарат был слишком мал, чтобы справиться с возложенными на него обязанностями. Возможно, что Лоди проскользнул вместе с какой-либо партией беженцев. Он впервые выдал себя, находясь в Эдинбурге, где он жил в Северобританской гостинице. Оттуда он послал телеграмму в Стокгольм некоему Адольфу Бурхардту. На телеграмму обратили внимание, так как адресат находился под подозрением. С этого момента все письма Лоди вскрывались и прочитывались почтовыми цензорами, которые в то время начинали раз-

вертывать свою работу. Он не пользовался ни шифром, ни стенографией. Свои письма в Швецию он писал по-английски или по-немецки. В них он описывал линии береговой обороны, вооружение судов и сообщал разные другие секретные сведения. Четырех писем Лоди Бурхардту было бы достаточно для вынесения обвинительного приговора. Трагический конец был неизбежен.

Вскоре Лоди переехал из отеля на частную квартиру. Ввиду его американского акцента хозяйка считала, что «Чарльз А. Инглис» не кто иной, как американский турист, интересующийся местными достопримечательностями. Находясь неподалеку от Фортса, Лоди несколько недель разъезжал по окрестностям на велосипеде, изучая также укрепления Розита, морской базы около Фортс-Бриджа. Затем он отправился в Лондон, где остановился в отеле в Блумсбери, в районе, повидимому, облюбованном германскими шпионами. Из Лондона по тому же адресу он пересылал сведения о наших противовоздушных вооружениях и об устройстве укрытий.

После этого он вернулся в Эдинбург, причем все время находился под наблюдением. 26 сентября он поехал в Ливерпуль. В качестве знатока торгового судоходства он посылал в Берлин полезные для немцев сведения об установке орудий на океанских рейсовых пароходах. Затем он через Холихед отправился в Дублин, где остановился в Гранд-отеле. Из Дублина он сообщил своему корреспонденту в Стокгольм, что избрал путь Дублин — Холихед как благоприятный для получения информации, но подозревает, что за ним следят. Из Дублина он перебрался в Килларней, где и был арестован 2 октября ирландской полицией и задержан до приезда представителей Скотленд-ярда, которые отвезли его в Лондон.

В методах Лоди не было никакой гибкости; он не умел даже скрыть порочащие улики. В его бумажнике было обнаружено около 180 английских фунтов, норвежские ассигнации и германские монеты. При нем была также найдена записная книжка, содержавшая сведения о последних действиях флота на Северном море, и копии писем к Бурхардту. Лоди был заключен в лондонский Тоуэр. 30 и 31 сентября его судил военный суд и признал виновным. Через пять дней его расстреляли.

На этом мы закончим рассказ о первом шпионе, расстрелянном в Великобритании во время мировой войны, и о первом человеке за последние сто пятьдесят лет, казненном внутри мрачных зубчатых стен Тоуэра. Кажется, ни-

что в такой мере не внушало лондонским жителям сознания суровых условий войны, как казни в Тоуэре.

Благодаря работе контрразведки свыше 30 германских шпионов предстали перед судом в Англии. Из них было расстреляно 12, один повешен, один покончил с собой. В своем месте мы расскажем о шпионах другого типа, не похожих на Лоди. Ни одна женщина-шпионка не подверглась в Англии смертной казни.

В числе других германских шпионов, орудовавших в Англии, было немного немцев; большинство из них происходило из нейтральных государств и работало только за деньги. Они принадлежали к низшей категории людей, погрязших в пороках, и в нашем описании разведывательной службы не место для рассказа о том, в какой агонии трусости и страха кончали свою жизнь эти люди. Я не верю, что мужчины или женщины такого типа добывали или пересылали сведения, имеющие важное военное или военно-морское значение, и сожаление вызывает тот факт, что воюющие страны пользуются такими людьми. По некоторым авторитетным источникам, к таким людям их начальство относилось с подозрением и отправляло их за границу как «шпионов» в расчете на то, что там они будут казнены.

ГЛАВА VII

ПЛОХО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА

(Дарданелльская операция 1915 г.)

Рассказ о плохо сохраненных военных тайнах вполне уместно начать с исторической параллели: мне вспоминается в этой связи знаменитая экспедиция Валькерена в начале XIX в. в описании одного из участников — мичмана, и в частности следующее место из его дневника:

«Положение было следующее: как только министры начали обсуждать вопрос, секрет сразу стал достоянием гласности на континенте, как большинство наших секретных дел в то время. Можно сказать с уверенностью, что почти в каждом случае, когда успех экспедиции зависел от секретности, единственными лицами, не знавшими, в чем дело, были офицеры, которым поручалось командование».

Мое личное знакомство с Дарданеллами и с системой обороны проливов, соединяющих Мраморное море с Сре-

диземным, началось в годы 1883—1886, когда я служил в средиземноморской эскадре на судне «Александра», флагманском корабле покойного адмирала лорда Джона Хея. Старшим артиллерийским офицером был покойный капитан Морис Борк. Однажды мы вместе с адмиралом отправились через проливы в Константинополь на старом «Геликоне», служившем адмиральской яхтой. Когда мы проходили мимо батарей, Борк сделал некоторые полезные заметки. Из сочувствия ко мне, как обреченному на праздность молодому офицеру, и зная, что я недавно прошел как артиллерист основательный курс береговой фортификации, Борк попросил меня помочь ему при составлении доклада.

У нас получился объемистый доклад, обильно иллюстрированный планами и картами. Наше заключение сводилось к тому, что попытка прорваться сквозь кольцо фортов, охранявших проливы у Чанака, при сильном встречном течении, с его неизменным направлением из Мраморного моря в Средиземное, была бы операцией очень рискованной. Она, быть может, имела бы некоторые шансы на успех лишь в том случае, если бы удалось эффективным огнем судовых митральез вывести из строя артиллерийскую прислугу тяжелых орудий нижних батарей, которые не имели прочного прикрытия. Руководители адмиралтейства сердечно поблагодарили нас за наш доклад, и, быть может, отчасти в связи с этим я в 1886 г. в сравнительно молодом возрасте был откомандирован в адмиралтейство для разведывательной работы.

Я упоминал уже о своей следующей поездке в Константинополь в 1892 г. на адмиральской яхте «Сюрпрайз», когда я состоял в штабе покойного вице-адмирала сэра Джорджа Трайона, командующего эскадрой Средиземного моря. Под его руководством я участвовал в создании первого филиала военно-морской разведки в британском флоте. Я упоминал также о том, что укреплению Дарданелл уделялось гораздо больше внимания, чем укреплению Босфора. Турки мобилизовали большие массы рабочих на работы по укреплению фортов, которые стали гораздо более грозными и лучше вооруженными, чем в то время, когда я их впервые увидел. Заметив, что я рассматриваю форты в бинокль, адмирал вызвал меня на мостик и спросил: «Не бросилась ли вам в глаза одна особенность в фортификационных работах?» Я изложил ему свои наблюдения, после чего он заявил: «Вы не заметили одной детали. Только немногие лопаты и кирки, которыми поль-

зуются рабочие, блестят, все остальные ржавые. Они начали копать только теперь, чтобы произвести на нас впечатление».

Яхта «Сюрпрайз» медленно продвигалась против сильного течения, вследствие чего я получил возможность основательно ознакомиться с системой укреплений проливов. Особенно меня заинтересовали замаскированные блиндажи, расположенные на склонах холмов вблизи берега. Я решил, что они предназначены для укрытия часовых, наблюдающих за минными заграждениями. Вообще появление мин коренным образом изменило проблему прорыва через проливы.

Когда в 1893 г. после столкновения с «Кемпердауном» крейсер «Виктория» пошел ко дну вместе с сэром Джорджем Трайоном и командующим эскадрой стал сэр Майкл Калм-Сеймур, я вошел в состав его штаба для восстановления разведывательного отдела, потому что все документы и разработанные по моей системе сводки погибли вместе с кораблем. Я закончил свою работу в 1893—1895 гг. В 1894 г. адмирал на «Сюрпрайзе» прибыл в Константинополь, где он получил аудиенцию у султана. Через несколько месяцев после этого он предложил мне представить свои соображения о возможности для средиземноморского флота, если в этом будет необходимость, прорваться через Дарданеллы и достигнуть Константинополя. Так как я занимался этим вопросом ряд лет, то мог ответить экспромтом: «Поскольку речь идет о фортах, можно ответить утвердительно, но при этом надо иметь в виду неизбежность больших потерь, примерно одной трети флота. При наличии же минных заграждений придется дать отрицательный ответ. Мины будут заложены в узком месте пролива, и потопленные суда загородят проход через проливы. Необходима армия для захвата фортов и пунктов по наблюдению за минными полями до того, как флот. будет форсировать проливы. Армия должна быть достаточно сильна, чтобы разбить сосредоточенные там турецкие войска».

Много лет спустя сын Майкла Сеймура, покойный адмирал, носивший то же имя, рассказал мне, что его отец составил доклад в духе моих соображений, а когда в начале мировой войны поднимался вопрос относительно возможности прорыва через Дарданеллы, он высказал свой взгляд с обычным для него мужеством. Вообще сэр Майкл отличался прямолинейностью, а свои взгляды защищал с большой настойчивостью. Рассказывают, что

однажды, после его беседы с морским министром, последний сказал своему другу: «Мне нравится сэр Майкл Сеймур: он восхитителен в своей несдержанности».

В период 1904 и 1907 гг., когда я преподавал «имперскую стратегию» в высшей военной школе в Кемберли, снова мне пришлось столкнуться с дарданелльским вопросом, поскольку я в своих лекциях уделял внимание комбинированным операциям армии и флота. Желая пробудить интерес публики к этому вопросу, я выбрал тему «Сухопутно-морская война» («Amphibious Warfare»)[1] для доклада, прочитанного мной в Уайтхолле в Королевском институте объединенной службы в июне 1907 г. На докладе председательствовал покойный адмирал флота сэр Артур Вильсон, а лорд Робертс открыл дискуссию. Пресса широко освещала это выступление, выразив надежду, что под влиянием общественного мнения и правительство заинтересуется этим делом.

Основное положение моих лекций в высшей военной школе, изданных впоследствии отдельной книгой под заглавием «Сухопутно-морская война», заключалось в том, что для успеха необходимы два условия: во-первых, секретность и, во-вторых, быстрота. Секретность обеспечивается соблюдением особой осторожности, быстрота — тщательной подготовкой операции. Транспорты следует грузить таким образом, чтобы в трюмах сверху лежало то, что в первую очередь понадобится высаженным на сушу войскам; в такой последовательности надо располагать груз до самого дна трюма. Ведомства, на которых лежала ответственность за проведение дарданелльской кампании, не обеспечили ни секретности, ни быстроты. О предстоящем нападении говорилось почти публично. Запасы снаряжения и продовольствия были погружены так, что в египетских портах приходилось опорожнять и перегружать трюмы, и на это уходили драгоценные недели, что было умело использовано германским генералом Лиманом фон Сандерсом. Он подготовил «теплый» прием для вооруженных сил сэра Яна Гамильтона, которые появились у Галлиполийского полуострова лишь в конце апреля. Отсутствие секретности и задержка, вызванная необходимостью перегрузки трюмов скверно нагруженных транспортов, — таковы непосредственные причины, приведшие к кровавой бойне на побережье. Это наиболее яркий пример плохо сохраненной военной тайны, хотя на-

[1] Теперь этот термин стал общеупотребительным.

ступление Нивелля во Франции в 1917 г. в этом отношении напоминало дарданелльскую операцию.

Сэр Дуглас Броунригг, главный военно-морской цензор, рассказывал нам, что в дарданелльские дни 1915 г. его ведомство было сильно загружено работой. Морской министр Черчилль сильно интересовался деятельностью цензуры, что отразилось в его следующем замечании по адресу Броунригга: «Во всем, касающемся этой операции, главный цензор — я, а не вы»[1]. Броунригг добавляет, что его ежедневные посещения морского министра в этот период заканчивались приемом в 1 час 30 мин. ночи. Затем Броунригг подбирал поступавшие за ночь радиограммы, отдавал их перепечатывать и в 9 час. 30 мин. утра отправлялся в спальню Черчилля. Вот как Броунригг описывает обстановку приема его Черчиллем в утренние часы: «Черчилль, с толстой сигарой во рту, лежал на исполинской кровати, под стеганым одеялом, на котором в беспорядке были разбросаны разноцветные папки. На коленях у него лежал блокнот. Тут же, у него в ногах, сидел стенограф. На столике возле кровати стоял стакан горячей воды».

Трудно предположить, чтобы мистер Черчилль в качестве главного военно-морского цензора мог допустить утечку секретных сведений: их разглашение должно было погубить операцию, которой он посвятил все свои помыслы. По всей вероятности, тайна просачивалась где-нибудь в другом месте. В Портсмуте, где я в то время находился, эта тайна была у всех на устах.

Не будучи в то время связанным с Уайтхоллом, я написал письмо своему другу, близкому к правительственным сферам. Я просил его постараться убедить начальствующих лиц в необходимости тщательно изучить проблему, прежде чем действовать, а главное — не забывать о турецкой армии. Я настаивал[2] на том, что условием успеха комбинированной операции на суше и на море является превосходство сил десантной армии над неприятельской в момент десанта, и в том пункте, где он производится. Отсюда моя тревога. Судя по представленному впоследствии отчету членов комиссии, учрежденной для обследования дарданелльских событий, турецкая армия при составлении плана была почти сброшена со счетов.

---

[1] Sir *Douglas Brounrigg*, Indiscretions of a Naval Censor («Нескромные признания морского цензора»).

[2] Книга «Sea, Land and Air Strategy» («Стратегия сухопутной, морской и воздушной войны»), изданная в августе 1914 г.

Если бы даже флоту удалось прорваться сквозь минные заграждения и огонь батарей, беспомощные транспортные суда с войсками, снаряжением и запасом топлива не смогли бы пройти проливы, ибо подвижные орудия и гаубицы турецкой сухопутной армии с легкостью помешали бы их продвижению.

Попытка прорваться через Дарданеллы силами одного только флота окончательно потерпела крах уже к 18 марта. Она и привела к значительным потерям: несколько боевых кораблей было потоплено минами, остальные были серьезно повреждены. Тогда наше намерение форсировать проход через проливы стало рекламироваться широко. К тому времени стало очевидно, что для этого нужна сухопутная армия, и сэр Ян Гамильтон был намечен ее командующим. В письме, которое лежит передо мной, он рассказывает, что 13 марта, когда он пришел в кабинет Китченера прощаться, военный министр был занят решением вопроса о выборе между тремя проектами инструкций, составленными для сэра Яна. Все три проекта были озаглавлены одинаковым образом: *«Константинопольские экспедиционные силы»*.

Прочтя это, сэр Ян сразу понял, что секретность — главный фактор успеха — может быть утрачена. Если бы он знал, что зло свершилось, он несомненно потребовал бы полномочий для составления собственного, совершенно нового плана, который в случае сохранения тайны мог бы привести к успеху. Так поступил Питт младший в бытность премьер-министром по отношению к генералу Крэгу, когда, по предложению последнего, он направился весной 1805 г. (в год трафальгарской битвы) в район средиземноморских сил.

Сэр Ян пишет мне, что, прочитав одни только заголовки этих документов военного министерства, он стал «умолять» лорда Китченера изменить эти заголовки, потому что они раскрывали цель экспедиции. Тогда Китченер заменил слово «Константинопольские» словом «Средиземноморские». Оригиналы этих документов хранятся в Имперском военном музее.

В период длительной задержки, вызванной перегрузкой транспортных судов, сэр Ян находился в Египте. В египетских газетах до конца марта публиковались подробности о каждом прибывающем транспорте войск или военных грузов и «без малейшей тени какой-либо сдержанности» указывалось, что эти транспорты направляются на Галлиполийский полуостров. Сэр Ян жаловался на

это в письме к сэру Генри Мак-Магону, но ничего не добился. Бросая ретроспективный взгляд на грозные события этих дней, он пишет мне, что единственным выходом для него было бы предоставить полную волю всем газетным толкам, а затем, не спрашивая никого, даже лорда Китченера и правительство, высадиться в другом месте, в Андрамите или Смирне. Именно таким образом,— высадившись в Исмаиле, в Суэцком канале, а не в Александрии, вопреки всеобщему ожиданию, в том числе и правительства, — лорд Уолсли в 1882 г. так легко выиграл египетскую кампанию. Я с тревогой следил за судьбой моей бригады морской пехоты, которая входила в состав галлиполийских сил, и надеялся, что подобное изменение произойдет и в данном плане, получившем столь широкую огласку. Генерал в своем письме ко мне указывает также, что он не имел полномочий главнокомандующего в том объеме, как Уолсли в 1882 г., тем более, что в данном случае и французское правительство «принимало участие». Вот заключительные слова его письма:

«Если бы они (надлежащие власти) проявили сообразительность хотя бы в масштабе школьника, то можно было бы добиться того, что половина турецких сил, с которыми я столкнулся при высадке, поджидала бы меня в другом месте — на расстоянии, примерно, ста миль».

Несмотря на тяжелые потери, войска сэра Яна, проявлявшие большой героизм, высадились на берег. Они не достигли своей цели. Гласность поставила их в слишком невыгодное положение. Общие потери в сражениях достигли, примерно, 113 тыс. человек, в том числе убитых в бою или умерших от ран 30 500. Галлиполийский полуостров остался в руках турок. О размерах потерь от болезней и других причин можно судить по общему количеству участников операции, как принимавших участие в военных операциях, так и находившихся в тылу: это количество достигло почти 470 тыс. человек, хотя максимальное число войск, занятых одновременно на этом театре военных действий, никогда не достигало 128 тыс. человек.

Если начало этой кампании, вследствие неумения сохранить военную тайну, оказалось неудачным, то ее конец благодаря обеспечению военной тайны ознаменован крупными успехами. Когда в целях предотвращения дальнейших потерь было решено увести войска из Галлиполи, то отступление в декабре 1915 г. и в начале января 1916 г. было проведено без человеческих жертв. До сегодняшнего дня в некоторых военных кругах держится мне-

ние, что тайное отступление нашей армии, и притом без потерь, под командованием сэра Чарльза Монро, казавшееся неосуществимым в условиях непосредственного соприкосновения с турецкими войсками, может быть объяснено только подкупом турок. В подтверждение этой версии не приведено ни малейших доказательств.

Обстоятельства, при которых было решено предпринять эту кампанию, еще до сих пор полностью не выяснены, и я со своей стороны не могу восполнить этот пробел. Комиссия по расследованию дарданелльских событий (в которой я в качестве эксперта давал заключение о различной эффективности орудийного огня с палубы движущегося судна и гаубичного огня с устойчивых платформ на суше) констатировала, что большое наступление против турок в то самое время, как у нас нехватало людей и снаряжения для одновременно санкционированного наступления во Фландрии, было предпринято под давлением великого князя Николая. Повидимому, в то время существовало ошибочное предположение, что русские не смогут на Кавказе удержать фронт против турок; однако задолго до того, как военный совет принял решение об операции в Дарданеллах, морской или сухопутной, положение на Кавказе полностью стабилизовалось благодаря победам русских над турками.

Наблюдается резкое расхождение мнений по вопросу о том, какие преимущества получила бы Антанта, если бы сэру Яну Гамильтону удалось заставить турок очистить Галлиполийский полуостров, оставив в их распоряжении азиатский берег и Константинопольский район по обе стороны Босфора. В то время полагали, что появление нашего флота близ Константинополя вызовет в Турции революцию против германофильского правительства и что Турция порвет союз с центральными державами. Я не имел возможности проверить источник этой важной версии. Если бы Турция стала на этот путь, то для стран Антанты открылся бы путь в Черное море для снабжения русской армии снаряжением, в котором она остро нуждалась, а русская армия, сражавшаяся с турками, возможно, была бы использована против германских и австро-венгерских армий. Фердинанд Болгарский, сидевший тогда между двух стульев, несомненно, примкнул бы к союзникам, а не к немцам. Сербия была бы спасена. Вооруженные силы России, Румынии, Болгарии, Сербии, Греции и Италии на восточном и южном фронтах, подкрепленные, может быть, также британскими и французскими войсками,

могли бы оказать сильный нажим на центральные державы. Войска Британской империи, оперировавшие в Месопотамии и в Египте, а также войска, используемые затем в Персии и для завоевания Палестины и Сирии, освободились бы для более эффективного применения. Чудовищное напряжение, которое требовалось от торгового флота и от охранявшего его военного флота, было бы облегчено.

Но описание соблазнительных перспектив и возможностей, которые открывались в случае успеха галлиполийской кампании сэра Яна Гамильтона, далеко выходит за рамки нашего изложения. Небольшую средиземноморскую экспедицию Питта, снаряженную с большим трудом в Портсмуте по инициативе Крэга в 1805 г. и приведшую к трафальгарской битве, как-то сравнивали с коварным микробом, вызвавшим разложение наполеоновской империи[1]. Но тот современный Питт, который через сто лет, увлеченный соблазнительными перспективами, затеял галлиполийскую экспедицию, войдет в историю неудачником. Основной тому причиной было отсутствие военной тайны и необходимой быстроты действий. В 1915 г. не вражеская империя, а сама экспедиция была заражена микробами разложения. «Крошечным микробом» в данном случае являлась не сама экспедиция, а широкая огласка ее снаряжения, что и привело к неудаче экспедиции.

ГЛАВА VIII

ОПАСНЫЙ ШПИОН

(1915)

Вернемся к Англии, где орудовали тайные агенты врага, которые старались выведать наши секреты, касающиеся расположения морских сил дарданелльской экспедиции, перевозки войск на западный фронт и в другие места.

Я уже упоминал об устроенной контрразведкой облаве на германских тайных агентов 4 августа 1914 г., о попытках германской разведки заполнить образовавшийся прорыв, о трагическом конце Карла Лоди, офицера резерва германского флота, агента-патриота, у которого, однако, нехватало гибкости, необходимой для успешной шпионской работы в военное время. В тот период нам ничего не было известно о том, что в Англии находится значительно более

[1] *Corbett*, The Campaign of Trafalgar («Трафальгарская кампания»).

опасный агент — Карл Фридрих Мюллер, выдававший себя за русского и оставшийся необнаруженным до февраля 1915 г. Он был обнаружен вследствие непредусмотренного им случайного обстоятельства. Его тайная штаб-квартира помещалась в Детфорде, в доме № 2000[1], по Хай-стрит, единственной улице со столь большим количеством домов.

Действительность подчас более поразительна, чем вымысел. Вокруг имени этого шпиона выросло много легенд, но и в этих легендах меньше сенсации, свойственной современным детективным романам, чем в правдивом рассказе о тех лицах, которые терпеливо выследили личность и местопребывание этого шпиона на основании единственного имевшегося в их распоряжении указания.

Похождения этого шпиона описаны уже в ряде книг, и в большинстве из них повторяется рассказ о том, что он сообщал свои сведения германскому шпионскому центру в Голландии, помещая их в виде объявлений в газетах, которые открыто посылались по назначению. Некоторые утверждают, что он отмечал карандашом интересные для немцев места, другие говорят, что он прибегал при этом к невидимым чернилам или что он писал при этом на полях газет. Возможно, что эти рассказы соответствуют действительности, но я об этом не осведомлен. Если он и прибегал к таким способам, то не в силу этого он был обнаружен и не поэтому разделил судьбу Лоди в лондонском Тоуэре.

Хотя я не служил в Уайтхолле в 1915 г., но находился в Лондоне и продолжал свою работу по охране «уязвимых пунктов» от вредительских актов «злонамеренных лиц». Поэтому я могу удостоверить, что, хотя разговоры о шпионах и вызванная ими шпиономания достигли своей высшей точки в первую половину этого года, таинственный Мюллер (о шпионской деятельности которого первые сведения были получены лишь в феврале) был одним из тех, кто меньше всего вызывал беспокойство у властей.

В январе первый цеппелин совершил налет на восточное побережье Англии. В том же месяце погиб от подводной лодки в Ламанше броненосец «Формидэбл», и тогда же германские крейсера совершили рейд, закончившийся операцией у Доггер-бенка и потоплением германского броненосного крейсера «Блюхер». Во Франции продолжались бои в Шампани. На восточном фронте немцы нанесли поражение русским войскам у Мазурских озер.

---

[1] Цифра дается вымышленная, чтобы избавить нынешнего квартирохозяина от возможных неприятностей.

В Египте было тревожное настроение в связи с угрозой безопасности Суэцкого канала, пока в феврале не было отбито наступление турок через Синайскую пустыню. Тогда же началась блокада Англии германскими подводными лодками. Наиболее сильное впечатление на английский народ произвели мартовские бои у Нев-Шапель, за которыми последовали бои у Ипра в апреле и мае. Отдаленный гул орудийной канонады был слышен тогда даже в Кенте. Такова была общая обстановка, в которой развертывалась детективная драма выслеживания Мюллера, наиболее опасного из германских агентов, захваченных в Англии.

Жизнь и побуждения этого человека всегда были для меня тайной. На его последней фотографии видно изможденное лицо с печальными глазами затравленного зверя — загадочное лицо, от которого в памяти остается впечатление роковой обреченности. На основании известных мне фактов я пришел к выводу, что он стал на опасный и тяжелый путь шпионской работы вследствие финансовых затруднений. Его деятельность показывает, что он обладал чертами азартного игрока, не более щепетильного в выборе средств, чем другие лица этой профессии. Он переменил много профессий — был содержателем гостиницы, агентом по продаже автомобилей, участником темных спекулятивных предприятий и т. д. Прожив много лет в Англии, он свободно говорил по-английски и легко сходил за русского из балтийских провинций, за представителя союзной нации, которая в тот ранний период войны так тяжело пострадала и так много сделала для Антанты. Он был поэтому желанным гостем на британской земле.

С февраля 1915 г. британская почтовая цензура полностью развернула свою работу, и некоторые адресаты в нейтральных странах уже подозревались в том, что они получают сообщения от тайных агентов в Англии. Голландия кишела подобными агентами, в Роттердаме их было несколько. Письма, в которых сообщалось о разных пустяках, не вызывавших необходимости в переписке в военное время, всегда возбуждали подозрение цензоров. И вот некий «Л. Коген» писал в таком роде по одному из подозрительных адресов в Роттердаме, указав свой обратный адрес: Детфорд, Хай-стрит, № 2000, — адрес, не соответствовавший его подлинному местожительству.

Существуют некоторые простые средства, как например, молоко, лимонный сок, которые могут служить невидимыми чернилами; они легко проявляются, принимая

темнокоричневый оттенок, если подержать бумагу над огнем. Я вспомнил о своих детских опытах, когда услышал о методах, применяемых почтовыми цензорами: у них всегда наготове горячий утюг, с помощью которого они подвергали испытанию подозрительные письма и проверяли, существуют ли действительно такие глупые взрослые мужчины или женщины, которые прибегают к детским способам передачи тайных сообщений, чтобы в целях спасения жизни скрыть следы своей работы. Подлинное содержание писем «Л. Когена» было установлено с помощью горячего утюга, и, к нашему удивлению, в них содержались точные данные о состоянии готовности отдельных частей формируемой армии, которую немцы ожидали во Франции, а также важные сведения о британском флоте и мерах, которые принимались против подводных лодок. Таким образом был раскрыт наиболее важный канал, по которому информация из Англии передавалась врагу с начала войны. Кто такой «Л. Коген»? Где он находится? Все, что сразу можно было сделать, это проверить подозрения относительно его корреспондента в Роттердаме, и это было сделано. Прошел целый месяц, в течение которого «Л. Коген» в своих письмах требовал платы за свою бесспорно полезную для Германской империи службу.

Затем почтовым цензорам попалось какое-то письмо с почтовым штемпелем «Детфорд», направленное по подозрительному адресу в Роттердам. Само письмо ничего особенного не содержало, но в нем было небольшое примечание, сделанное невидимыми чернилами. Содержание его было следующее: «*К. уехал в Ньюкестль, и потому я пишу вместо него из дома № 2000*». Это было все, но этого было достаточно, чтобы напасть на след. Дело перешло в Особый отдел Скотленд-ярда. Сыщики взялись за работу. Что означает 2000? Это, повидимому, был номер дома. Но где? Почтовый штемпель на конверте «Детфорд». Детфордская полиция сообщила по телефону, что Хай-стрит — единственная улица, имеющая такие большие номера. «Кто живет в доме № 2000?» — «Это лавка булочника». — «Как его зовут?» — «*Петер Ган*».

Таким образом в этой шпионской драме появилось еще одно действующее лицо. Было установлено, что Петер Ган родился в Англии, что он сын натурализованного немца, уже не проживающего в Англии, что в 1910 г. он открыл в Детфорде на Хай-стрит свою булочную и кондитерскую. Через три года он обанкротился, и у него осталось лишь 3 фунта стерлингов для покрытия своих обя-

зательств, достигших суммы 1 800 фунтов стерлингов. Затем Ган каким-то таинственным образом восстановил свое дело, и возможно, что средства разведки, доставлявшиеся Мюллером или другими немецкими агентами в 1913 г., вновь поставили его на ноги. Это интересует нас разве только в том отношении, что объясняет, каким образом Ган стал орудием в руках Мюллера, которого он невольно выдал и обрек на смерть.

Скотленд-ярд действовал быстро. Недостаточно было знать фамилию жильца № 2000, чтобы подтвердить подозрение. Агенты специальной лондонской полиции немедленно арестовали Гана. «Кто такой «К»?» — спросили его. Он ответил, что не знает такого. «Но вы кому-то сообщали, что К. уехал в Ньюкестль?» Ган не пожелал отвечать. Его заключили под стражу, приняв меры к тому, чтобы он не мог предупредить таинственного «К». Теперь на время оставим Гана и проследим дальнейшую охоту за шпионом.

Детфорд густо населен. Есть в нем и благоустроенные кварталы, есть и подозрительные, с непролазной грязью. У Гана было много соседей и покупателей. Он начал свое дело 5 лет назад; его банкротство, сменившееся процветанием, обратило на себя внимание. Полиция, сделав обыск в его помещении, обнаружила, что задняя комната позади лавки являлась, во всяком случае по временам, штаб-квартирой «К». Там оказалась картонная коробка со всеми принадлежностями для писания невидимыми чернилами — перьями, суконкой, раствором аммиака, специальной бумагой и т. д. Опытные полицейские агенты тщательно опросили окружающих. Вскоре какая-то женщина упомянула о человеке, постоянно бывавшем у Гана. Она дала такие сведения: «Высокого роста мужчина, русский, живет в Блумсбери на Рессель-сквере или где-то в этом районе». Фамилия его, по ее словам, как будто, Мюллер.

Слежка была перенесена затем в Блумсбери, где были тщательно изучены списки жильцов во всех пансионах по соседству с Рессель-сквером. В одном наткнулись на фамилию Мюллер. «Кто такой Мюллер? Русский ли он?» — спросил агент хозяйку пансиона. «Да, он русский, — последовал ответ, — его нет в Лондоне, он уехал в *Ньюкестль* к своим друзьям». «Не можете ли вы дать его адрес?» После некоторых колебаний хозяйка дала адрес, и вскоре охота за таинственным «Л. Когеном», который переправил так много ценной информации по подозрительному адресу в Роттердам, была закончена. Была уста-

новлена его тождественность с Карлом Фридрихом Мюллером, который на следующий день был арестован в Ньюкестле и доставлен в Лондон для предания суду.

При аресте он сначала держался воинственно и протестовал, заявляя, что произошла серьезная ошибка и что нельзя так поступать с подданным союзной державы, с русским, который ненавидит немцев и все их дела. На дальнейших допросах он отрицал свое знакомство с Ганом — такого человека он не знает. Он уверял также, что не умеет говорить по-немецки. Затем, когда ему показали одно из его писем, он погрузился в молчание. Он прекрасно знал языки, свободно говорил по-немецки, по-английски и по-русски, а также по-голландски и по-фламандски. По месту рождения он мог выдавать себя за русского: он родился в Либаве. Ему было 58 лет от роду. Как Мюллер, так и Ган предстали перед судом в Олд-Бейли в мае 1915 г. Это происходило в то самое время, когда после газовой атаки на Ипре в апреле наши вновь сформированные части, поддержанные канадцами и немногими оставшимися в живых солдатами из первого экспедиционного корпуса, проходили через самые тяжкие испытания во втором ипрском сражении: они попали в мешок вследствие обнажения левого фланга и подверглись беспрерывной бомбардировке, не прекращавшейся ни днем, ни ночью.

Представленные на суде улики против Мюллера были бесспорны, ясны и документально подтверждены. Следствие было проведено тщательно и продуманно. Мюллер был признан виновным и приговорен к расстрелу как шпион. Ган, ссылавшийся в свою защиту на то, что он являлся лишь исполнителем, был приговорен к 7 годам каторжных работ. Мюллер подал апелляцию, но она была отклонена. Он был переведен в Брикстонскую тюрьму, а оттуда 22 июня в Тоуэр, где на следующее утро приговор был приведен в исполнение.

До хозяев Мюллера в Голландии и в Германии не дошли вести об его аресте и казни. Пока он был в тюрьме и значительный промежуток времени после его смерти цензура продолжала перехватывать ответы на его сообщения, денежные суммы в уплату за них и просьбы о дальнейшей информации. Все это было полностью использовано. Применяя допустимую ruse de guerre (военную хитрость), наши агенты продолжали отправлять немцам от имени Мюллера военную информацию с твердой уверенностью, что немцы поверят в нее. За эти дезориенти-

рующие сообщения неприятель любезно уплатил своим отправителям 400 фунтов стерлингов.

Лоди, талантливый морской офицер и патриот, и таинственный Мюллер стояли намного выше других международных агентов, среди которых было немало людей продажных и погрязших в разврате. О них я упоминал в конце одной из предыдущих глав. Методы их работы и мотивы, которыми они руководились, мало поучительны, но знакомство с ними подтверждает, что работники разведки кроме ловкости должны обладать и большой выдержкой, воспитанию которой вряд ли способствует грязный и развратный образ жизни.

С типами женщин-шпионок мы познакомимся в одной из последующих глав.

ГЛАВА IX

ЮТЛАНДСКАЯ БИТВА (1916)

1

В целях ознакомления с вопросом, какой информацией может располагать командующий флотом во время современной морской битвы, лучше всего обратиться к истории ютландской битвы 1916 г. Официальные историки уже выяснили все спорные моменты фактического хода событий в этой битве, поэтому нам незачем снова копаться в старых спорах, которым достаточно уделяла внимания общественность и чересчур много представители флота. Однако в осведомленности широкой публики еще как будто имеются некоторые пробелы.

Адмирал Шеер, выдвинув вперед эскадру броненосцев и легких крейсеров под командованием Хиппера, вышел в море рано утром 31 мая 1916 г. Предварительно распределив свои подводные лодки перед шотландскими и другими портами к северу от устья Эмбера (Humber), где, по его расчетам, должны были находиться части большого флота Джеллико и крейсерская эскадра Битти, он направился к северу в сторону Скагеррака, будучи вполне уверен, что своевременно получит сведения о приближении превосходных британских сил, с которыми он, разумеется, не имел намерения встретиться. Он был слишком умен, чтобы искать подобной встречи, как бы громко ни кричали об этом в целях пропаганды немцы уже после битвы. Сам Шеер своими высказываниями в печати уже внес достаточную ясность в это дело.

По первоначальному плану Шеер намеревался совершить рейд на Сэндерленд, используя при этом цеппелины, которые должны были предупредить его о приближении Джеллико, а также подводные лодки, которые могли бы потопить несколько британских линкоров, если те попытаются отрезать ему путь. Однако отсутствие видимости для воздушного наблюдения расстроило этот план. Германские подводные лодки покинули гавань 15 мая и не могли оставаться в море дольше, чем до 30 мая. Таким образом, Шеер вышел 31 мая в море с тем, чтобы осуществить другой план — совершить рейд на Скагеррак при поддержке океанского флота.

Не всем известно, что Джеллико, как это ни странно, почти одновременно выработал аналогичный план, рассчитывая заманить германский океанский флот к Скагерраку, чтобы там, вдали от германских береговых укреплений и минных полей, заставить его принять бой. По этому плану две эскадры британских легких крейсеров должны были выйти из Скоу на рассвете 2 июня, быстро пройти Каттегат и прорваться через Большой Бельт и Зунд к выходу в Балтийское море. Одна эскадра британских линкоров должна была отправиться к Скагерраку, чтобы оказать поддержку упомянутым эскадрам. Три подводные лодки должны были занять позицию у рифа Горн, у западного берега Дании, постараться установить наблюдение за германскими кораблями и атаковать любой из них; там они должны были оставаться от 1 до 3 июня. (Эти подводные лодки действительно отправились туда и, находясь под водой, не знали, что происходило во время ютландской битвы; они вернулись в свою базу по истечении назначенного времени, и только там офицеры впервые услышали о происшедшей битве.) Минный заградитель «Абдиель» должен был заложить еще несколько мин в дополнение к тем, которые он заложил в этих местах месяц назад. Сами же Джеллико и Битти должны были в полной готовности ожидать появления океанского флота (High Seas Fleet) где-нибудь к северу от минированного района.

Таков был первоначальный план британской стороны. После германских налетов весной на Лоустофт и Скарборо (там были убиты три гражданских лица, включая женщину и ребенка, и один солдат, ранены 17 граждан и 2 солдата) первый лорд адмиралтейства Бальфур заявил, что часть нашего большого флота (Grand Fleet) направлена к югу. Эскадра старых линкоров действительно была

послана в устье Эмбера, а 31 мая она была перемещена к устью Темзы. Предполагалось, что Шеер, узнав о заявлении Бальфура, будет думать, что силы Джеллико опасным образом раздроблены и открывается возможность разбить их по частям.

Таким образом, мы имеем представление о том, каковы были планы борющихся сторон 29 мая.

Любопытно, что после двухлетнего ожидания решающей встречи даты обоих планов совпадали почти точно. Дата, установленная Шеером, на день опережала дату Джеллико, но могла бы вполне совпасть с ней, если бы подводные лодки Шеера могли держаться в море на один или два дня дольше. Во всяком случае, неоспоримо, что первый приступил к осуществлению своего плана. Он снялся с рейда в Яде (Jade) между 2 и 3 часами утра 31 мая, и, хотя с британской стороны были приняты все меры, чтобы своевременно получить через разведку сведения о передвижении германского флота, только в 4 часа 38 мин. пополудни получилось сообщение, что германский флот миновал Вильгельмсгафен, который расположен южнее Ядского рейда. В море с Шеером неожиданно встретилась эскадра Битти, которая вела разведку для Джеллико.

Мы потом установим, каким образом Шеер сумел сохранить тайну. Прежде всего надо вспомнить кое-что о работе радио, в частности о направленной передаче — о явлениях, ныне общеизвестных, но о которых в то время были еще довольно смутные представления.

В британском флоте считают, что радиотелеграф как практическое средство связи был впервые открыт на борту крейсера «Вернон», в военно-морской торпедной школе, одновременно с Маркони, который пришел к тому же открытию в результате самостоятельных исследований. Первым и наиболее крупным военно-морским специалистом в этой области был недавно умерший адмирал сэр Генри Джексон. Он был моим личным другом и товарищем по службе на корабле «Александра», когда последний, 40 лет назад, был флагманским судном средиземноморской эскадры. Когда я в последний раз был у него в его лондонской квартире, где одна из комнат была заполнена таинственными аппаратами, он показывал мне новые изобретения в области направленного радиовещания. С помощью особого аппарата мы могли с точностью до долей градуса установить местонахождение передающей станции, которую мы слушали.

Техника направленной радиотелеграфии станет в будущем необычайно важной для морской войны. Рассмотрим теперь, какое влияние оказало на ютландскую битву пользование известными в то время достижениями радиотелеграфии.

Я упомянул уже, что с 1913 г. в моем ведении находились тайны об «уязвимых пунктах», которые нуждались в охране от людей, имеющих отношение к подрывной работе. Сэр Уильям Робертсон, который был тогда одним из руководителей генерального штаба, уже опубликовал свое мнение по этому вопросу и объяснил, что именно в этих целях пришлось держать во время войны в Англии войска (около 80 тыс. человек), для которых генеральный штаб мог бы найти лучшее применение в другом месте. Соображения, по которым иные из этих «уязвимых пунктов» нуждались в охране, были столь секретного свойства, что не были сообщены даже мне, и, работая в полной солидарности с моими старыми коллегами из генерального штаба армии, я не сразу решился включить эти пункты в свои списки. В конце концов я сделал это, руководствуясь следующими мотивами.

Сэр Генри Джексон, специалист по радиосвязи, был в то время начальником штаба адмиралтейства. И вот, как-то при мне было упомянуто о «Дионисии». Это дало мне ключ к разгадке.

Однажды я находился на пути от Мальты к Сиракузам, в связи с планом создания голубиной почты между Сицилией и Мальтой на случай войны. Я посетил гористое место, где расселина в скалах образовала нечто вроде пещеры. В самом верху было отверстие, известное под названием «ухо Дионисия». Сама пещера когда-то служила тюрьмой, и если кто-нибудь сверху приникал ухом к отверстию, он мог слушать разговоры арестованных между собой. Во время мировой войны был принят более современный метод — прятали микрофон в помещении для заключенных.

Располагая таким опытом, я самостоятельно пришел к выводу, что таинственные, неизвестные мне «уязвимые пункты» представляют собой установки «ушей Дионисия» с весьма большим радиусом слышимости. Они не могли не оказаться полезными морскому ведомству, которому важно знать во время войны все, что затевает враг, как бы далеко он ни находился. Шпионы в лучшем случае могут послать информацию тем или иным путем о выходе неприятельского флота из гавани, но только при помощи

«уха Дионисия» можно узнать, что делает этот флот, когда его уже не видно с суши, — разумеется, лишь при условии, что он пользуется беспроволочным телеграфом. Самый факт передачи им сообщения дает возможность определить его местоположение, если известен его позывной сигнал. Что же касается содержания его сообщения, то раскрытие его зависит от умения раздобыть тем или иным путем (как говорят, всеми правдами и неправдами) тайный шифр или код врага. Вот почему я подчеркнул в своих списках «уязвимых пунктов» как *особо важные* все места, которые, по моему мнению, могли быть использованы как «уши Дионисия».

Итак, теперь наша морская драма разыгрывается в волнах эфира или в тех пунктах, где чудеса новейшей радиотехники улавливают их.

На основании изучения германских морских карт известно, что Шеер получал некоторые сведения через подобное «ухо Дионисия» в Неймюнстере, но эта информация была недостаточна и не могла принести ему большой пользы. Кажется, германский радист по ошибке принял наши тральщики, выходившие в море, за линкоры или крейсера. Шеер получал также некоторую информацию от подводных лодок, которые он разместил против Скапа-Флоу и Фертс-оф-Фортса, чтобы они предупредили о приближении Джеллико или Битти. Из полученных сообщений он сделал неправильные выводы. Его сведения были скудны и отрывочны и давали неправильные указания о направлении, по которому в действительности шли корабли.

После этих замечаний мы можем разместить действующих лиц на сцене, прежде чем поднять занавес.

Утром 30 мая большой флот Джеллико был у Скапа-Флоу между Оркнейскими островами, причем одна эскадра линкоров была выдвинута дальше к югу, около Кромарти. Линейные крейсеры Битти и быстроходные броненосцы типа «Куин Элизабет», которыми командовал Ивен-Томас, находились в Фортсе (сама «Куин Лиззи» не могла участвовать в этом предприятии). Адмиралтейские радиоприемные станции знали много о действиях подводных лодок Шеера уже с того момента, как они покинули свои базы (15 мая), и в особенности после того, как они приблизились к восточным берегам Англии и Шотландии. В связи с этим я хочу отметить попутно следующее. Тот факт, что отдел морской разведки адмиралтейства принимал сигналы германских подводных лодок и мог таким

образом следить за их передвижениями, в последнее время приводится в подтверждение старой легенды о «предательстве», приведшем к гибели Китченера. Мною сделано все возможное для опровержения этой легенды. Я утверждаю определенно, что отдел разведки ничего не знал о появлении подводной лодки № 75 у западных берегов Оркнейских островов и о закладке ею мин в этих местах утром 29 мая. Подумайте только: неужели она могла допустить такую глупость, как пользование беспроволочным телеграфом, чем она сразу выдала бы свое присутствие в данном месте! Поистине, любители вредных слухов неисправимы.

Итак, адмиралтейство чего-то ждало, вероятно, демонстративного налета, подобного тому, который был совершен на Лоустофт и Скарборо. Но еще не было достаточного основания, чтобы послать большой флот в открытое море, где ему пришлось бы понапрасну расходовать топливо, — нужно было ждать дополнительных сведений. Но в течение первой половины дня 30 мая, по словам официального британского историка, «появились указания», что германский флот открытого моря сосредоточивается на Ядском рейде, защищенном пункте якорной стоянки судов, в нескольких милях от Вильгельмсгафена.

Зная, что его подводные лодки не могут оставаться дольше в море, Шеер отдал приказ Хипперу отправиться со своими крейсерами к Скагерраку и показаться у норвежских берегов. Сам Шеер, соблюдая величайшую секретность, последовал за ним со своими боевыми силами. «Ухо Дионисия» в Англии было так чувствительно, что передвижение германских судовых передаточных станций из Вильгельмсгафена к Ядскому рейду было сразу замечено в адмиралтействе. В полдень 30 июня было решено, что настал момент для выступления Битти и Джеллико. Адмиралтейство передало им, что германский флот, вероятно, выйдет в море на следующий день рано утром. Лишь 30-го в 5 часов пополудни предположение превратилось почти в уверенность, что предстоят серьезные события; однако мысль о том, что Шеер появится сам, казалась слишком заманчивой, чтобы можно было поверить в нее. Конечно, Хиппер, со своими крейсерами и более легкими кораблями может совершить новый налет, но Шеер ни в коем случае!

После 5 часов пополудни Шеер издал длинный оперативный приказ. Эта «новость» сразу была передана в комнату «розовых секретов» оперативного отдела адмирал-

тейства (наиболее секретные дела печатались на розовой бумаге). Дорога была каждая минута, и до расшифровки этого документа адмиралам Джеллико и Битти был отдан приказ выйти в море. Они вышли, как только стемнело. Тогда Шеер переместил свои позывные сигналы со своего флагманского судна в Яде на передаточную радиостанцию в Вильгельмсгафен с целью ввести в заблуждение «ухо Дионисия». Уловка удалась. Ни адмиралтейство, ни Джеллико не знали, что Шеер вышел 31 мая до рассвета в море вслед за Хиппером.

Возникает вопрос: каким образом удавалось разгадать содержание германских сообщений? Разве немцы в целях предосторожности не прибегали к шифру?

Раскрыть всю тайну полностью нельзя, пока живы те лица, которые причастны к этому делу. Конечно, во всех флотах существовали правила, при соблюдении которых секретные документы не должны были попадать в неприятельские руки. Уничтожение секретов дело нетрудное, когда сдается врагу надводный корабль, спуская, по-старинке, свой флаг. Свинцовый ящик должен потонуть. Можно потопить и книги с тяжелыми свинцовыми покрышками; чтобы выкинуть их за борт, времени всегда достаточно. Если только место не очень мелкое и если оно сразу точно не отмечено, то у противника мало шансов выловить эти документы.

Разумеется, командиры военных кораблей не могут держать в памяти все секретные приказы, карты минных полей и шифры, и кое-что на судне должно быть в письменном или печатном виде. В современном морском бою может случиться так, что надводный корабль охватит сильный пожар и команде придется его покинуть. Корабль может потерпеть крушение, как это было с «Магдебургом» в бою с русским флотом в Балтийском море в августе 1914 г. Или когда тонет находящаяся под поверхностью моря подводная лодка, то командиру не легко выбросить свои секретные документы. Вот где разгадка тех способов, какими шифры германского флота вместе с ключами вариаций попадали в руки противников. После крушения германского крейсера «Магдебург», севшего на скалы у Аландских островов 26 августа 1914 г., ключ к германскому шифру был захвачен русскими моряками. О результатах, к которым это привело, будет рассказано в следующей главе.

ГЛАВА X

ЮТЛАНДСКАЯ БИТВА
(1916)

2

Вот ряд сообщений, которые в шифрованном виде были отправлены обеими сторонами по радиотелеграфу за время ютландской битвы.

30 мая в 9 час. 48 мин. вечера Битти сообщил по радио: «Минуя остров Мэй[1], прекратить связь по радио за исключением случаев обнаружения неприятеля или необходимости отвечать адмиралу».

В 10 час. вечера Джеллико отдал подобный же приказ.

31 мая в 1 час 22 мин. пополуночи Джеллико сообщил адмиралтейству по радио свое местонахождение. Если бы Шеер перехватил и расшифровал это и некоторые другие сообщения, то ютландская битва не состоялась бы. Шеер, переместивший перед отплытием свои позывные сигналы на берег, сумел сохранить в тайне свой выход в море, но британское адмиралтейство... сумело перехватить и расшифровать сообщения, которые посылались германским океанским флотом.

Здесь нет нужды вновь рассказывать столь часто повторявшуюся историю ютландской битвы. Для нашей цели достаточно восстановить ее отдельные моменты.

В 2 часа 20 мин. пополудни «Галатея» сообщила Битти по радио о присутствии «двух крейсеров, вероятно, неприятельских». Радист с «Айрон Дюка» передал это сообщение Джеллико.

В 2 часа 52 мин. пополудни один из линкоров Джеллико, «Сент-Винсент», принял германский сигнал на волне 2 300 футов и передал его Джеллико. Повидимому, он не был расшифрован. «Сент-Винсент» оказался в роли «уха Дионисия»: в 3 часа 10 мин. пополудни он передал еще пять сообщений. В то же время адмиралтейство сообщило Джеллико, что в 2 часа 31 мин. пополудни легкий крейсер и эсминец неприятеля находятся в открытом море, и указало их местонахождение, установленное посредством направленного радиовещания.

В 3 часа 31 мин. пополудни гидроплан с «Энгадайна» сообщил Битти о местонахождении неприятельских крейсеров и пяти эсминцев, державших курс на северо-запад.

---

[1] Остров Мэй лежит при выходе в залив Фертс-оф-Фортс.

Это был первый в истории морской войны пример подобной информации, полученной через авиацию.

В 3 часа 35 мин. пополудни Битти был в состоянии сообщить Джеллико, что местонахождение крейсеров Хиппера точно установлено. Вслед за этим вскоре была сбита радиоустановка «Лайона».

В 4 часа 13 мин. «Индомитэбл» сообщил, что он слышал германские радиосигналы возрастающей силы, но лишь в 4 часа 38 мин. пополудни «Саузсемптен», легкий крейсер из эскадры Битти, увидел океанский флот Шеера. Это было первое полученное Джеллико сообщение о том, что Шеер находится в открытом море.

Как известно, благодаря плохой видимости и с помощью дымовой завесы и торпедных атак Шееру удалось уклониться от решающего боя, относительно исхода которого ни у кого не было сомнений. В последний раз видели Шеера направляющимся к западу. Джеллико направился к югу с целью отрезать ему путь к очищенным от мин проходам, по которым Шеер мог бы пройти в безопасную зону, защищенную минными полями и укреплениями Гельголанда. Шеер же, как только вышел из поля зрения британского флота, взял курс по направлению к рифу Горн и пересек курс Джеллико позади его. Он прошел незамеченным мимо трех английских подводных лодок, потерял один старый корабль, натолкнувшийся на одну из мин, расставленных по приказу Джеллико «Абдиелем», и благополучно проскользнул в промежутке между большим флотом и берегом. Битти утром был еще дальше к западу.

Что делали английские и германские радисты и расшифровщики на берегу в эту историческую ночь, когда решалась судьба германского океанского флота? Вот некоторые сигналы, посланные командованию или отправленные им.

В 9 час. 27 мин. вечера Джеллико дал сигнал эсминцам «следовать за линейными кораблями на расстоянии 5 миль». Этот сигнал был принят радистом в Неймюнстере и передан Шееру, но это принесло ему немного пользы. Как он был расшифрован, если был послан шифром, мне неизвестно.

В 9 час. 6 мин. вечера Шеер дал срочный сигнал дирижаблям выйти рано утром на разведку к рифу Горн. Адмиралтейство читало это сообщение, но я не смог найти никаких указаний на то, что оно тогда было передано Джеллико. Нельзя этому сообщению придавать слишком большого значения.

В 9 час. 14 мин. вечера Шеер отдал приказ об отступлении и указал курс для следования кораблей.

МЕСТО БОЯ
Шеер, по последним наблюдениям, взял курс на запад в 8 ч.35 м. вечера
ДЖЕЛЛИКО
Расстановка сил 31 мая в 9 час. вечера
ШЕЕР
БИТТИ
ШЕЕР
Полночь (Шеер, проскользнув, оказывается сзади кораблей Джеллико)
ДЖЕЛЛИКО
БИТТИ
Риф Горн
ШЕЕР
Положение на 1 июня в 3 ч. утра (Джеллико в поисках Шеера направляется к северу. Шеер по секретному каналу ускользнул пройдя через германские минные заграждения).
ДЖЕЛЛИКО
БИТТИ

В 9 час. 46 мин. он изменил курс и указал скорость (16 узлов).

В 9 час. 55 мин. вечера адмиралтейство предупредило Джеллико, что три флотилии эсминцев получили приказ атаковать его ночью. В 9 час. 58 мин. ему были сообщены приблизительные данные о положении хвостового корабля флота Шеера, причем курс Шеера был указан «к югу» (курс, которого держался и Джеллико); это сообщение было получено на «Айрон Дюке» в 10 час. 23 мин. вечера.

Расшифровав германские сообщения, адмиралтейство составило из них сводку, которая в зашифрованном виде была послана Джеллико в 10 час. 41 мин. Она была получена на «Айрон Дюке» в 11 час. 5 мин. и в расшифрованном виде попала в руки Джеллико к 11 час. 30 мин.

Имеющаяся в моем распоряжении информация не подтверждает мнения о том, что Джеллико было сообщено о сигнале Шеера от 9 час. 6 мин. вечера, требовавшего посылки дирижаблей на разведку к рифу Горн. В моем подборе секретных сообщений, относящихся к ютландской битве, нет указаний на ее пересылку Джеллико, но этот подбор не полон. Я могу лишь считать установленным, что адмиралтейство в 10 час. 41 мин. вечера послало Джеллико зашифрованное сообщение о том, что «неприятель, повидимому, возвращается к своей (!) базе, так как курс его ЮЮВ 3/4 В, при скорости 16 узлов»; а в 1 час 48 мин. пополудни 1 июня Джеллико было отправлено дальнейшее сообщение о том, что «неприятельские подводные лодки, повидимому, выходят из германских портов, и какой-то поврежденный германский корабль, вероятно «Люцов»[1], находится там-то», причем была указана как долгота, так и широта его местонахождения.

В 3 часа 12 мин. утра адмиралтейство послало Джеллико сообщение, что поврежденный германский легкий крейсер в 3 часа находился в определенном пункте вместе с эсминцами. В 3 часа 29 мин. утра адмиралтейство переправило ему дальнейшее сообщение, *полученное Джеллико в 3 часа 55 мин.*, что главные силы германского флота в 2 часа 30 мин. утра были в определенном пункте (была указана долгота и широта) и держали курс на юго-восток со скоростью 16 узлов. Тогда уже было слишком поздно отрезать путь неприятелю, отправляясь с той позиции, которую занимал большой флот в указанное время (3 часа 55 мин.).

[1] «Люцов» — один из линейных крейсеров Хиппера.

В 4 часа 40 мин. утра Джеллико определенно знал, что флот Шеера вернулся в порт. Джеллико сообщил об этом Битти и поручил ему разыскать «Люцов».

В 5 час. 30 мин. адмиралтейство сообщило Джеллико, что «Эльбинг» (легкий крейсер), покинутый командой в 3 часа 47 мин., еще держался на воде. Ему было сообщено местонахождение «Эльбинга».

Если Джеллико были переданы еще другие сообщения, воспринятые «ухом Дионисия», то от них никаких следов не сохранилось в официальных сводках секретных сообщений. Следующее обнаруженное мною донесение относится к 9 час. 17 мин. утра, когда адмиралтейство сообщило Джеллико, что в 6 час. 20 мин. неприятельские подводные лодки были посланы к «Эльбингу»; указывалось также новое местонахождение «Эльбинга» к тому моменту. В 11 час. 8 мин. утра Джеллико сообщил адмиралтейству, что весь район обследован, но не удалось найти поврежденных неприятельских крейсеров [1].

Шеер, со своей стороны, возлагал большие надежды на получение информации от своих воздушных кораблей и находился под ложным впечатлением, что флот Джеллико разделился и что значительная часть его была утром в Скагерраке.

Так закончилась ютландская битва в том виде, как она представлялась на берегу по радио. Тотчас же после окончания морского боя начался словесный бой, и он продолжается по сие время. Победный словесный бой по поводу трафальгарского сражения шел больше 100 лет.

Я не собираюсь подробно говорить о пропаганде, связанной с ютландской битвой; для этого надо было бы написать целую книгу. О пропаганде вообще как дополнении к боевым действиям во время мировой войны я намерен говорить в другом месте. Как член секретариата военного кабинета я специально занимался этим делом и многое узнал во время дальнейших этапов войны, когда пропаганда достигла своего максимального влияния. Это было в тот период, когда исход войны в пользу той или иной стороны висел на волоске и многое зависело от морального состояния гражданского населения воюющих стран.

Германцы достигли своей защищенной якорной стоянки двумя днями раньше, чем Джеллико, которому нужно было покрыть расстояние в 400 миль, отделявшее его от Скапа-

---

[1] Как «Люцов», так и «Эльбинг» затонули ночью.

Флоу. Они, разумеется, воспользовались этим и сразу начали трубить о своей победе. То же случилось в 1794 г., когда Хоу одержал свою «славную победу 1 июня», а также после Трафальгара. После ютландской битвы я получал частные письма от различных лиц, спрашивавших меня, что же в действительности случилось. Среди них было письмо от губернатора Мальты лорда Метюэна, а также от начальника генерального штаба британских экспедиционных армий во Франции сэра Ланселота Киггелля.

Нельсон определял морскую победу следующим образом: «Говоря о полной победе, я разумею такое положение, когда флот может остаться в открытом море, а неприятель вынужден вернуться в порт».

В течение некоторого времени пропагандисты по обе стороны Северного моря упускали из виду это определение. Первое сообщение о битве, распространенное германской стороной, гласило, что флот открытого моря встретил и разбил значительно превосходящую его силы главную часть британского большого флота. Провозгласившая свою победу, немцы приводили преувеличенные данные о британских потерях.

Для оценки дальнейшего лучше всего будет заглянуть в «комнату 37» — другое хранилище «розовых секретов» адмиралтейства. Эта комната расположена рядом со «святая святых» оперативного отдела, откуда исходили оперативные приказы флоту. Цензор и его помощники работали там и передавали информацию бюро печати. Они, конечно, огорчались и не знали, что делать ввиду отсутствия сообщения для печати, а Джеллико еще только собирал и проверял сведения для своего доклада. Распространялись дикие слухи, основанные на германском коммюнике. В британские порты, расположенные поблизости от места боя, стали возвращаться корабли. Моряки отправляли телеграммы своим друзьям и родственникам, сообщая, что находятся в добром здравии. Было задержано 6 тыс. подобных телеграмм, хотя в обычных условиях внутренняя корреспонденция не подвергалась цензуре.

Сообщение агентства Рейтер из Амстердама о германском коммюнике от 31 мая было сначала задержано и дано в печать между 10 и 11 час. утра 2 июня. Наконец, 2 июня в 7 час. вечера адмиралтейство опубликовало свое сообщение, которое впоследствии подвергалось суровой критике. Официальные историки приписывают авторство этого сообщения первому лорду адмиралтейства, покойному лорду Бальфуру. Сэр Дуглас Броунригг, главный

морской цензор, разъяснил потом, что это сообщение составлено Бальфуром, первым морским лордом, совместно с адмиралом сэром Генри Джексоном и начальником морского штаба вице-адмиралом сэром Генри Оливером. Единственным материалом послужило радиосообщение, полученное от Джеллико; время его составления указано 9 час. утра, время отправки — 10 час. 35 мин. утра (эта отсрочка, повидимому, вызвана зашифровкой), а время морского цензора — 3 час. 30 мин. пополудни. Информация в этом сообщении касалась главным образом британских потерь. Задержка в установлении их была вызвана тем, что британский флот, за которым осталось поле битвы, находился еще в море долгое время после того, как Шеер, находясь в порту, смог собрать свои донесения. Джеллико лишь на следующий день после боя узнал о главных потерях своих линейных крейсеров. Адмиралтейство в своем сообщении откровенно признало эти потери, в то время как германское адмиралтейство в своем первом коммюнике не пропустило сведений о наиболее важных потерях германского флота: о потонувшем линейном крейсере «Люцове», о поврежденном «Зейдлице», еле дошедшем до порта (он потонул бы, если бы битва происходила не на столь близком расстоянии от германской базы), а также о трех крейсерах — «Эльбинге», «Ростоке» и «Фрауенлобе». Британское адмиралтейство отмечало, однако, в своем отчете самый важный момент, а именно, что «неприятель вернулся в свои порты, хотя и не избег тяжелых повреждений».

Сведения о количестве жертв во время битвы производят на обывателя более сильное впечатление, чем его стратегические результаты. Я сам наблюдал это. Первое сообщение о битве я получил от одного сослуживца, который вбежал ко мне в комнату и рассказал, что столько-то человек из моих моряков погибло на затонувших кораблях. Это было в Портсмуте, где в начале войны ходили чудовищные слухи о вероятности германского вторжения. С моей стороны, естественно, последовал вопрос: «Каковы потери врага и где его флот?» На это я получил ответ: «Потери его неизвестны. Германский океанский флот вернулся в свои гавани».

Многим потребовалось некоторое время, для того чтобы осмыслить значение происшедшего.

Я указал день и час, когда в Англии агентство Рейтер опубликовало германское коммюнике. Это было 2 июня между 10 и 11 час. утра. Каковы же были отклики во всех

странах, куда попали германские сообщения от 31 мая и 1 июня?

Опередить конкурента на один день очень важно в современном газетном деле. Все сторонники Германии торжествовали, а в нейтральных странах, вообще благожелательно относившихся к союзникам, наблюдалось сочувственное отношение к нам с оттенком сожаления.

2 июня в 7 час. 5 мин. вечера и еще в 7 час. 10 мин. Джеллико прислал дальнейшую информацию о британских потерях и все собранные им сведения о потерях неприятеля. В 11 час. 30 мин. вечера он отправил длинное и обстоятельное донесение. Все его сообщения были посланы по телеграфу. В 16 мин. пополуночи Битти также прислал длинный отчет.

3 июня в 2 часа 40 мин. дня Джеллико телеграфно сообщил адмиралтейству следующее:

«В выпущенном вчера вечером коммюнике адмиралтейства преувеличены наши потери, преуменьшены жертвы неприятеля и вообще дано несколько ложное представление об операции».

Чтобы рассеять беспокойство публики, адмиралтейство 3 июня в 1 час 5 мин. пополудни опубликовало дополнительную информацию, но лишь в понедельник 5 июня бюро печати получило обстоятельное сообщение, которое впервые коснулось вопроса по существу в следующих словах:

«Когда основные силы британского флота пришли в соприкосновение с германским флотом открытого моря, потребовалось весьма немного времени, чтобы заставить германский флот, сильно пострадавший, искать убежища в своих защищенных водах. Сэр Джон Джеллико, прогнав неприятеля к его портам, вернулся на главный театр военных действий и занялся поисками поврежденных кораблей».

Если бы на борту «Айрон Дюка» был компетентный работник печати, имевший право писать по своему разумению, то подобное сообщение уже в полдень 1 июня было бы передано для всех «ушей Дионисия», настроенных в тот момент на волны британских радиостанций. И тогда не было бы никакой отсрочки, вызываемой зашифровкой и расшифровкой подобных сообщений: все это могло быть передано клэром (без зашифровки).

Оценка результатов битвы произведена задним числом. Однако, судя по последствиям, можно сказать, что в конечном счете лучше было преуменьшить вначале результаты, чем подвергаться риску преувеличения. Такие ве-

щи никогда не остаются безнаказанными. Выражение: «врет, как бюллетень», стало поговоркой во время наполеоновских войн, и бюллетень, описывавший «победу» Вильнева над Нельсоном в трафальгарской битве 1805 г., остается еще и сейчас документом, достойным внимания пропагандистов. Эффект этого документа в некоторых наиболее отдаленных углах Европы сохранился на более долгие годы, чем первые германские коммюнике о ютландской битве. Стиль этого трафальгарского бюллетеня имеет более чем преходящий интерес. Он был выпущен в Кадиксе 25 октября 1805 г., через 4 дня после битвы. Поразительна параллель с ютландской и верденской битвами 1916 г. Вот текст этого бюллетеня:

«Операции великой морской армии в Атлантическом океане обеспечили безопасность имперской армии... Английский флот уничтожен! Нельсона больше нет!

Адмиралы Вильнев и Гравина, считая недопустимым отсиживаться в бездействии в порту, в то время как их храбрые братья по оружию завоевывают лавры в Германии, решили выйти в море и дать англичанам бой.

Они (англичане) превосходили нас числом: сорок пять[1] против наших тридцати трех кораблей. Но что значит численное превосходство противника для людей, полных решимости победить?

Адмирал Нельсон делал все, чтобы избежать боя. Он пытался уйти в Средиземное море, но подвергся преследованию и был настигнут у Трафальгара...

Добившись решительной победы, мы с нетерпением ждем приказа императора направиться к берегам неприятеля, уничтожить остаток его флота и таким образом завершить то победоносное дело, которое мы так блестяще начали!»

В Дании после ютландской битвы отсутствие информации со стороны Англии было истолковано как подтверждение германского коммюнике. В Голландии печать приняла английское молчание как признак не очень благоприятный; там, как и в Швеции, считали, что первое сообщение адмиралтейства подтверждает информацию о блестящей германской победе. Еще 5 июня голландский «Стандарт» писал, что соотношение сил на море изменилось. В Цюрихе признавали, что британские потери дают право немцам говорить о победе. Но когда немцам волей-неволей пришлось, наконец, признать, что они потеряли

---

[1] В действительности у Нельсона было двадцать четыре корабля.

«Люцов» и «Росток», наступила резкая реакция во всех нейтральных странах Европы — в Дании, Норвегии, Швеции, Голландии и Испании, и везде к германским «победам» стали относиться скептически. Ложные сообщения немцев привели к тому, что после некоторых колебаний нейтральные страны начали правильно оценивать достижения в морской войне и ее перспективы.

Все сказанное нами относительно инспирированных сообщений о ютландской битве, по моему мнению, не нарушает правил секретности и никому не должно причинить обиды.

В Англии за кулисами очень ревниво и тщательно охраняли тайну об одной из причин тяжелых потерь британского флота. По получении доклада сэра Юстаса д'Эйнкорта, специалиста по морским конструкциям, адмиралтейство писало, что после зрелого обсуждения оно вынуждено притти к следующему выводу:

«На некоторых кораблях, участвовавших в операции 31 мая, необходимые меры предосторожности при обращении с кардитными снарядами были принесены в жертву вполне естественному стремлению достигнуть большей быстроты стрельбы».

Адмиралтейство издало строгие инструкции о принятии мер, необходимых для безопасности стрельбы и уменьшения риска взрывов в пороховых погребах. Опасность пожаров вследствие проникновения искр в пороховые погреба во время стрельбы была уже известна нашим предкам, имевшим опыт морской войны. Я недавно заглянул в морской справочник, изданный в 1685 г. и написанный, по всей вероятности, за 50 лет до этого; там я нашел уже предупреждение канонирам об этой опасности. Это наиболее ранняя из известных инструкций по этому вопросу. Подобные же предупреждения делались и позже, между прочим, Роднеем.

Я узнал об этом секрете в частном порядке сейчас же после ютландской битвы, но ни с кем не поделился этими мыслями. В то время я состоял комендантом Истнейских казарм в Портсмуте, где подготовлялись сотни артиллеристов для службы во флоте. Через несколько дней после битвы я отправился в Лондон по делам и в промежутке между моими посещениями Уайтхолла присутствовал на одном званом завтраке. К моему удивлению, хозяйка сообщила своим гостям (а нас было человек десять) ту тайную причину, вследствие которой, по мнению официальных кругов, наш флот понес некоторые наиболее тяжелые потери во время ютландской битвы. От меня требовали

подтверждения этого мнения, но я отделался восклицанием «Какая странная история!» или другим неопределенным замечанием. Я нарочно задержался, пока все разошлись, и спросил хозяйку, от кого она это слышала. «Это, должно быть, верно, — заявила она, — я сегодня была на трудовом утреннике, и там все наши дамы говорили об этом, в том числе X и Y» (она назвала фамилии жен двух видных, знакомых мне чиновников из Уайтхолла).

Таким образом, наиболее ревниво оберегаемая тайна ютландской битвы в течение немногих дней стала секретом полишинеля в лондонском «обществе». То, что эта тайна не дошла, насколько я знаю, до неприятеля, говорит в пользу сдержанности довольно большого числа людей, которые об этом передавали друг другу. Если бы она и попала в руки неприятеля, то это, пожалуй, не принесло бы вреда.

Каково бы ни было численное соотношение выбывших из строя кораблей той и другой стороны, главный результат операции заключался в том, что наш большой флот, прошедший 400 миль от места боя, оставался под парами и уже 2 июня был готов вновь выйти в море. Что же касается германского океанского флота, то ему был необходим фундаментальный ремонт, который тянулся долго и был закончен лишь в середине августа.

Информация, данная нашей разведкой адмиралу Джеллико, была точнее и полнее, чем полученная от своей разведки адмиралом Шеером, который, повидимому, плохо ею обслуживался как перед встречей, так и во время битвы и при отступлении. По признанию самого Шеера, он был введен в заблуждение подводными лодками, находящимися рано утром 31 мая у шотландского побережья, а также цеппелинами, производившими для него разведку рано утром 1 июня. На основании полученной информации у Шеера создалось впечатление, что флот Джеллико разделился и часть его находится в Скагерраке, далеко по направлению к северу.

ГЛАВА XI

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛОРДЕ КИТЧЕНЕРЕ И ЕГО ГИБЕЛИ

(1916)

Фельдмаршал Китченер, герой Хартума, погиб через 4 дня после окончания ютландской битвы — 5 июня 1916 г. Тотчас же возникли легенды о причинах его смерти, и

даже пошли слухи, что он жив. Эти легенды существуют и поныне, и как будто нет никакой возможности проследить их до конца и раз навсегда покончить с ними. Всегда оставался невыясненным, поскольку мне известно, один вопрос, а именно, какова связь между потоплением «Гемпшира» у суровых и скалистых Оркнейских островов и ютландской битвой.

Сейчас еще рано пытаться оценить все величие Китченера; события европейской войны еще слишком свежи в памяти. Я лично познакомился с Китченером во время южноафриканской войны, которую до 1914 г в Англии все считали большой войной. Наше знакомство началось в Де-Ааре, важном железнодорожном узле в 500 милях от Кептауна, на коммуникационных путях, ведущих от моря, где господствовал британский флот, к месту расположения наших войск на фронте.

Вслед за «черной неделей» в декабре, отмеченной жестокими поражениями британских войск у Коленсо, Штормберга и Магерсфонтейна, наступил период паники на западном фронте в Капской колонии. Главным источником этой депрессии и мрачных предсказаний был Кептаун, откуда слухи, подобно миазмам, распространялись вдоль железной дороги, пересекающей пустынные места Хай-Вельда. От этой коммуникационной линии, подверженной опасности ударов противника, зависело существование боевых частей в такой же мере, как дыхание водолаза зависит от исправности воздушного шланга. Там начинались восстания, разжигаемые неприятельскими агентами, действовавшими в этих местах. Необходимо было охранять каждую милю железной дороги от возможной подрывной работы.

Де-Аар как важный узел имел свой собственный гарнизон и своего коменданта. Там находилась моя «главная квартира». Как штабной офицер, прикомандированный к генерал-инспектору всей западной линии фронта, я вскоре стал единственным хранителем ревниво оберегаемого секретного плана предстоящего наступления, плана, автором коего был лорд Робертс. Все зависело от соблюдения секретности, которая, в свою очередь, зависела от хорошей организации, от тайной подготовки транспорта и выбора момента для решительного удара. Главное же заключалось в необходимости найти руководителя с широким кругозором.

Тогда на сцене появился Китченер. Бросались в глаза его рослая фигура и солдатская выправка. Его портупея

и сапоги были начищены, пряжки и пуговицы блестели. Мне запомнились его острые холодные глаза и нависшие брови. Он произвел на меня впечатление загадочного и в то же время властного человека. Он задал мне только один вопрос: «Где находится такая-то полевая рота саперов?» А это была единственная военная часть, о которой у меня не было сведений.

Все подробности плана передвижения наших войск он, повидимому, хранил в своей памяти. С ним был только один штабной офицер, Губерт Гамильтон, убитый во время отступления от Монса, где он командовал 3-й дивизией. Это был мой старый друг еще по школе. Он потом сказал мне, отозвав меня в сторону, что Китченер остался очень доволен мной, хотя он этого не высказывал. Гамильтон прибавил, что Китченер ненавидит волокиту армейского делопроизводства, всю эту регистрацию и раскладывание дел по папкам. Он получал сотни телеграмм, прочитывал их, запоминал нужное, сосредоточивая все внимание на наиболее важной для данного момента задаче. Затем эти телеграммы в скомканном виде попадали в карман Китченера, откуда Гамильтону нелегко было извлечь их для приобщения к делу.

Вскоре началось восстание в Капской области. Безопасность железнодорожной линии требовала немедленного его подавления. Китченер послал меня далеко на юг, в Виктория-Вест, приказав высадить из вагонов войска, возмущенные снятием их с фронта, и отправиться с ними за сотни миль в Конгарт, центр восстания. Сам он вернулся с фронта в Де-Аар с тем, чтобы направиться в Приеску, где положение было еще хуже. Одной вести о появлении Китченера было достаточно, чтобы восстание пошло на убыль.

Таково было мое первое знакомство с Китченером.

Чтобы оценить влияние, которым пользовался Китченер к концу жизни, нужно вспомнить обстановку в руководящих кругах, когда неожиданно вспыхнула мировая война. Наши государственные деятели и руководители генерального штаба не понимали грандиозности стоявших перед ними задач. Это определенно подтвердил сэр Уильям Робертсон, один из руководителей генерального штаба в момент возникновения войны. Ветеран лорд Робертс давно предупреждал правительство и народ, но его призывы не встречали отклика. Престиж Китченера был очень велик. Страна знала его как победоносного героя африканских войн, как спасителя Судана и, быть

может, даже Египта от набегов фанатических орд из пустынь; как реформатора военного дела в Индии, где он, не считаясь с соображениями о своей карьере, вступил в борьбу с могущественным вице-королем; как солдата, подвиги которого ставили его много выше других военных того времени; наконец, как человека, на которого можно опереться в момент тяжелого кризиса, но который может хорошо проявить себя только в роли самодержавного повелителя, но не в роли товарища или подчиненного.

Премьер-министр Асквит правильно оценил общественное мнение, задержав Китченера как раз в нужный момент, когда он собирался вернуться к своей работе в Египте. Через 36 часов после объявления войны Китченер был утвержден военным министром и членом военного совета. На нем лежала ответственность за выполнение планов, в составлении которых он не принимал участия. Большинство руководящих членов генерального штаба тогда укладывали свои вещи, собираясь вместе с армией во Францию. Китченер был единственным человеком среди ответственных государственных и военных деятелей Англии и других стран, предвидевшим, какие огромные жертвы в течение длительного периода потребуются, пока союзные армии сумеют добиться победы. Уолтер Пейдж, американский посол в Великобритании, в немногих словах воздал должное работе Китченера в пользу дела союзников. «Его имя, — сказал он, — породило великую армию».

Все еще хорошо помнят, и нам нет нужды подробнее говорить о таких фактах, как например, о его личном визите к сэру Джону Френчу во Франции за 5 дней до того, как британский экспедиционный корпус прекратил отступление и повернул на север, чтобы внести свою долю в дело победы на Марне; а его встреча с французскими государственными и военными деятелями в Дюнкерке в ноябре 1914 г., когда он заявил, что вновь сформированные британские армии не смогут быть брошены в водоворот войны, раньше чем они будут полностью обучены и экипированы, чего нельзя ожидать раньше 1916 г.; об изменении им своей позиции осенью 1915 г., когда он предложил Френчу и Хейгу, вопреки их более правильному мнению, итти навстречу просьбам Жоффра и Фоша и предпринять дорогостоившие наступательные операции осенью того года; о его поездке в район военных действий нашей средиземноморской экспедиции в декабре того же года, когда он своим огромным авторитетом поддержал

предложение, еще раньше выдвинутое находившимся на месте сэром Чарльзом Монро, — отказаться вследствие огромных жертв от продолжения дарданелльской кампании, что являлось признанием неудачи этого плохо подготовленного предприятия, а потому должно было поколебать и действительно поколебало общественное доверие к нашему военному руководству. Затем в 1916 г. началась полоса тяжелых испытаний для французской армии, которая, начиная с февраля, сдерживала концентрированный натиск германцев на Верден; возникла опасность, что германские армии добьются успеха, если их не отвлечь наступлением на каком-нибудь другом фронте. Тогда было решено бросить «новые армии Китченера», еще не вполне готовые, в дорогостоившие бои на Сомме, имевшие целью улучшить общее положение. И, наконец, далеко немаловажные события: наступательные действия русских армий на восточном фронте. Бои у озера Нароч, начавшиеся в марте, успешно развивались почти до конца апреля, когда завоеванная территория была вновь потеряна, после чего развернулась подготовка победоносного наступления Брусилова, которое должно было начаться 4 июня, — в тот самый день, когда Китченер отправился в свое путешествие, которому суждено было быть последним.

Почему он был направлен в Россию?

Общее разложение, царившее в высших кругах России, неспособность и продажность бюрократии — все это привело к тому, что армии на фронте не имели ни оружия, ни снаряжения. В таких условиях Китченеру, имя которого пользовалось весом на всем восточном полушарии, было предложено отправиться в Россию, так как надеялись, что присутствие этого сильного и беспристрастного человека будет способствовать принятию разумных решений. Тайна его поездки и ее цели тщательно и строго охранялись. В большом флоте в Скапа-Флоу никто, кроме главнокомандующего, а в свое время и капитана «Гемпшира»[1], не знал о его поездке. «Гемпшир» вернулся в Скапа-Флоу в пятницу 3 июня в 5 час. 30 мин. утра.

Мы уже бегло ознакомились с деятельностью британской контрразведки вплоть до того дня, как погиб «Гемпшир». Мы знаем, что в самый день объявления войны вся система германского шпионажа была парализована

---

[1] Крейсер, который только что вернулся после ютландской битвы и должен был доставить Китченера в Архангельск.

в разных местах Британии, в особенности на побережье. Мы отметили попытки заменить провалившихся шпионов новыми людьми вроде Лоди в 1914 г. или Карла Фридриха Мюллера в 1915 г. После многих облав 1915 г. и после казни последнего шпиона в апреле 1916 г. (это был перуанец, так как некоторое время немцев-шпионов в Англию не направляли) попытка Германии наладить шпионскую работу в Англии закончилась полной неудачей. Даже британский наблюдатель на Оркнейских островах не мог знать, какой курс возьмет «Гемпшир», до того момента, как он покинул Скапа-Флоу.

Я могу удостоверить, что еще до войны, как только возникали разные слухи об агрессивных планах германцев и о возможности их вторжения в Англию, содержатели постоялых дворов, береговая охрана и местные жители по собственной инициативе тщательно присматривались к каждому подозрительному иностранцу. При существовавших в военное время ограничениях для путешественников, направлявшихся на север, в 1916 г. каждый иностранный шпион, который пытался бы достигнуть нашей морской базы на Оркнейских островах, столь важной для флота, шел бы на верную смерть. Каждая миля береговой линии находилась под постоянным надзором специалистов по морским делам. В ясную погоду даже перископ подводной лодки вряд ли мог бы ускользнуть от внимания береговой стражи. Ночью или в туман с борта неприятельской подводной лодки ничего нельзя было разглядеть, хотя нужно отметить, что германские подводные лодки действительно гораздо раньше британских были снабжены радиоаппаратами большого радиуса действия для сношений с германскими морскими базами в Северном море.

Две германские подводные лодки, № 43 и 44, стояли против выхода из Скапа-Флоу, по которому прошел большой флот 30 мая и затем снова 2 июня. Но им не удалось послать адмиралу Шееру информацию о передвижении британского флота, на которую он рассчитывал, чтобы избежать встречи с Джеллико. Это опять возвращает нас к ютландской битве и к тому, каким образом план Шеера (а последний уж наверняка ничего не знал о предполагаемой поездке Китченера) привел к гибели «Гемпшира» и его пассажиров.

Адмирал Шеер стал во главе океанского флота в январе 1916 г., после смерти адмирала фон Поля. Давление морских сил союзников ощущалось тогда в Германии, где

задавали вопрос: «К чему нам океанский флот, если он никогда не выходит из гавани?» Как мы уже отметили, после налетов на Лоустофт и на Армут, совершенных в апреле, Шеер выработал план рейда на Сэндерленд, в котором должен был принимать участие и океанский флот. Была расставлена цепь цеппелинов, которые должны были своевременно сообщить Шееру о приближении британского большого флота. С 17 по 22 мая значительно к северу от Доггер-бенка была протянута цепь из 9 подводных лодок, которые должны были потопить часть флота Джеллико, если бы он, узнав во-время о появлении океанского флота, вышел в море с целью заставить Шеера принять бой. Рейд должен был состояться 18 мая.

Начиная с этого дня была плохая видимость, и наблюдатели на цеппелинах не могли дать нужную информацию. Тогда Шеер выработал новый план — выдвинуться вперед 31 мая в направлении Скагеррака. Этот план привел к сражению. Так как воздушная разведка не оправдала надежд, то Шеер решил двинуть подводные лодки поближе к британским портам, где находились, по имеющимся у него сведениям, корабли Джеллико и Битти. Две подводные лодки должны были следить за выходом Джеллико из Скапа-Флоу, остальные 7 должны были следить за выходом кораблей из Фертс-оф-Фортса. Кроме того была принята еще одна мера — та самая, которая привела к гибели Китченера.

Каким образом были раскрыты все эти тайны, это уж другой вопрос. Нас теперь интересует лишь подводная лодка № 75, которая была приспособлена для расстановки мин. Шеер направил ее к западу от Оркнейских островов, чтобы преградить минами этот путь на случай, если часть судов Джеллико направится по нему в Северное море. Здесь я могу сослаться на авторитетный источник — на самого Курта Бейцена, капитана подводной лодки № 75, который подтвердил, что мины были расставлены именно с целью вывести из строя часть большого флота, а не с какой-либо другой. 29 мая между 6 и 8 час. 35 мин. утра были расставлены 22 мины на глубине 24 футов от поверхности при высокой воде.

История последних часов жизни Китченера известна лучше, чем подлинная причина катастрофы. Лорд Китченер в сопровождении бригадного генерала Эллершоу, сэра Дональдсона, полковника Фицджеральда, представителя министерства иностранных дел О'Бейрна, представителя министерства снабжения Робертсона и второго

лейтенанта Макферсона прибыл в Терсо утренним поездом 5 июня 1916 г. и на эсминце «Ок» переправился через Пентленд-Ферт. В то время дул свежий ветер, но в Скапа-Флоу, этом своего рода внутреннем море и единственной защищенной якорной стоянке для большого флота, было спокойнее. Большинство кораблей большого флота, участвовавших в ютландской битве, вернулось туда тремя днями раньше.

Китченер направился на «Айрон Дюк», флагманское судно Джеллико. При обходе корабля он был встречен овацией офицеров и экипажа. Он завтракал в каюте адмирала; в его разговоре чувствовалось несколько приподнятое настроение. На свою поездку в Россию Китченер смотрел, как на экскурсию в целях отдыха. Он чувствовал усталость после двухлетнего напряжения. Он упоминал также о затруднениях, которые он испытывает при обсуждении различных вопросов в кабинете (лорд Фишер в свое время испытывал такие же затруднения). Китченер должен был считаться со своим расписанием времени: начало наступления на Сомме, где должны были получить боевое крещение его новые армии, было назначено на 1 июля, вследствие чего в распоряжении Китченера оставалось только три недели. Он не хотел терять ни одного дня и надеялся как можно меньше времени потратить на поездку в Архангельск. Эту задачу должен был выполнить флот.

Мы теперь знаем, где были расставлены мины подводной лодкой № 75 рано утром 29 мая. Но Джеллико этого не знал. До этого времени севернее Фертс-оф-Фортса ни разу не были обнаружены мины, расставленные германскими подводными лодками. В короткие июньские ночи, когда темнота длится только два часа, неприятельские надводные корабли вряд ли могли бы расставить мины столь близко от стоянки большого флота: их приближение сразу же было бы замечено. Тем не менее, протраливание фарватера по обеим сторонам Оркнейских островов производилось регулярно, но за последние дни вследствие очень плохой погоды этого сделано не было.

Реальную опасность представляли германские подводные лодки, применявшие торпеды, поэтому «Гемпширу» необходим был эскорт эсминцев. Эти эсминцы были наготове. Предполагалось, что «Гемпшир» пойдет по восточному проходу, и капитан получил соответственный приказ 4 июня; но в понедельник поднялся сильный юго-восточный ветер, и море к востоку от островов стало бурным.

При таком волнении эсминцы не могли бы следовать за «Гемпширом», а быстрота равносильна безопасности. Поэтому Джеллико предложил «Гемпширу» пойти западным проходом, которым обыкновенно пользовались вспомогательные суда его флота и который находился под постоянным наблюдением.

Китченер и его спутники в 4 часа дня сели на «Гемпшир», который отплыл в 5 час 30 мин., сопровождаемый 2 эсминцами — «Юнити» и «Виктор»; последним было приказано вернуться обратно, если они будут отставать. «Гемпшир» шел со скоростью 19 узлов, рассчитывая, что эта скорость даст ему возможность уйти от торпедной атаки подводной лодки. Но тут ветер переменил свое направление и подул с северо-запада со скоростью 50 миль в час; берега уже не прикрывали от ветра. Сопровождающие «Гемпшир» эсминцы отстали от него и были отосланы обратно. Около 7 час. 30 мин. вечера «Гемпшир» наткнулся на одну из мин, заложенных подводной лодкой № 75 между Марвик-хэд и Брауф-оф-Берсей; он затонул, приблизительно, в течение четверти часа. Китченер вышел на палубу; капитан приказал спустить для него лодку, но сделать это при таком сильном волнении не было никакой возможности. Только 14 человек добрались до берега на плоту Карлея; двое из них умерли от изнеможения. Остальные были спасены несколькими старыми моряками, когда-то служившими под моей командой; один рассказал мне историю этого спасения.

Вскоре после этого было выловлено 16 мин, заложенных подводной лодкой № 75. Одна из них плавала на глубине 24 футов под поверхностью. Мины были расставлены на такой глубине, что во время прилива не причинили бы вреда даже кораблю с глубокой осадкой. Они представляли опасность лишь в том случае, когда при отливе вода неглубока и когда корабль бросает на волнах бурного моря. К сожалению, все эти условия были налицо, когда «Гемпшир» ночью наткнулся на мину.

Китченер погиб. Говорили, что он дожил до осуществления задачи своей жизни. Так ли это? Верно, что одно его имя помогло создать большую армию на добровольческих началах, но мы знаем, что последние месяцы его жизни, когда он был в роли подчиненного, не имевшего решающего голоса в руководстве этой армией, не были счастливыми. Мы также знаем, как некоторые высокопоставленные лица пытались после его смерти прикрываться его авторитетом. Мы знаем, что в конце 1915 г. делались

попытки помешать его возвращению из его поездки в район средиземноморских операций (об этом нам рассказал сэр Уильям Робертсон) для участия в работе кабинета. Китченер подал в отставку по возвращении, но премьер-министр Асквит не принял ее.

На вопрос, какое значение имела потеря Китченера для дальнейшей борьбы союзников, мы не можем ответить, не зная, какой линии он придерживался бы в дальнейшем. Генеральный штаб в начале 1918 г. вступил в конфликт с военным кабинетом (об этом нам также рассказал сэр Уильям Робертсон), а силы сэра Дугласа Хейга накануне германской атаки в марте 1918 г. были чересчур ослаблены. Но мы не знаем, какую позицию занимал бы Китченер в подобном случае.

Я был в Портсмуте в момент смерти Китченера и могу засвидетельствовать, что сообщение о его гибели вызвало печаль и возмущение в гарнизоне; таково же было настроение всех военных, которых я встречал в Лондоне несколько дней спустя.

Тогда я еще не был посвящен в государственные тайны; поэтому я не в состоянии ответить на вопрос, когда Россия получила первое сообщение о предполагавшейся поездке Китченера. Я знаю, что об этом велись переговоры за несколько дней до его отъезда, но не могу установить точной даты. Не думаю, что об этом было известно в России уже к тому времени, когда адмирал Шеер решил послать подводную лодку № 75 и расставить к западу от Оркнейских островов минные ловушки для судов большого флота: Китченер дал согласие на поездку в Россию неделей позже (26 мая).

Бросает ли гибель Китченера, происшедшая в указанных условиях, какую-либо тень на британскую разведку? Я полагаю, что нет, и мне кажется, что я доказал это. Бросает ли его смерть какую-либо тень на британский флот? Ответ на это гласит, что причиной смерти Китченера явились приготовления Шеера к его выходу в Северное море, сильный северо-восточный ветер и внезапная перемена ветра в тот момент, когда «Гемпшир» отплыл. Германская «Книга войны» проповедывала необходимость совершения преступления при помощи наемной агентуры, *включая убийство,* если это наносит ущерб неприятелю. Говорилось, что виновницей смерти лорда Китченера была какая-то шпионка, которая будто бы направила подводную лодку к тому месту, где была заложена мина, вызвавшая гибель корабля. Это, конечно, чистый вздор. Я не

думаю, чтобы кто-либо из ответственных лиц Германии стал хвастать тем, что он виновник смерти Китченера.

В некоторых кругах в Германии утверждали, что гибель Китченера вызвала подавленное настроение и депрессию в широких кругах английского общества. Это неверно. Американский посол Уолтер Пейдж был прав, когда он заявил: «Угрюмая решимость англичан растет под влиянием грозных событий, подобно тому как ртуть поднимается в термометре под действием лучей горячего солнца». Нелепые слухи, которые распространились вслед за катастрофой, — независимо от того, кто в них виновен, — действовали на британскую публику так же, как применение удушливых газов, беспощадное потопление кораблей подводными лодками, убийство детей и женщин во время воздушных налетов, расстрел Эдит Кавель и капитана Фрейата, — все это для британцев служило только стимулом к тому, чтобы добиться победы во что бы то ни стало.

Нам незачем тут подробно останавливаться на разных нелепых слухах; если они действительно распускались неприятельскими агентами в Англии и других странах, то только по глупости. Они являлись совершенно дикими по своей неправдоподобности и противоречивости. Вот примеры: «Китченер еще жив»; или: «Часть команды «Гемпшира» находится в концентрационном лагере в Германии»[1]; или в таком роде: «Китченер ведет разведывательную работу в Германии»; «Китченер скрывается в Берлине»; или: «Китченер в России»; «Китченер набирает войска в Китае и Японии». А через несколько лет кто-то дошел до предела наглости: привез из Норвегии в Англию какой-то гроб и утверждал, что в нем лежит тело лорда Китченера.

Нужно только еще остановиться на возможной причине распространения этих слухов. Сообщение о смерти Китченера стало известно на континенте и, по всей вероятности, во всем мире раньше, чем об этом узнала Англия. Это и породило всякие слухи.

Около 10 час. утра 6 июня премьер-министр узнал об этой катастрофе; от адмиралтейства по телеграфу были затребованы более подробные сведения от сэра Джона Джеллико, и к 11 час. 38 мин. дня было заготовлено сообщение для печати. Два экземпляра были посланы

[1] На самом деле, в одном германском концентрационном лагере находились попавшие в плен британские солдаты из гемпширского полка.

в бюро печати, и британские и иностранные телеграфные агентства получили информацию около полудня. Затем поступили более подробные сведения от Джеллико, и тогда была сделана попытка задержать по телефону опубликование первоначального сообщения, но было уже слишком поздно: иностранные агентства уже успели разослать сообщение, которое, несомненно, дошло и до Берлина по телефону из какой-нибудь нейтральной страны, по всей вероятности, Голландии. Исправленное сообщение, в котором были добавлены лишь 2 строки, сразу было передано в бюро печати, и британская публика читала его около 1 часа 30 мин. пополудни.

Источником моих сведений является сэр Дуглас Броунригг, начальник морской цензуры во время мировой войны. Он опубликовал после войны книгу и в течение последних 9 лет всячески старался ознакомить публику с истинным положением. Потерянные во время войны *9 минут* могут давать чувствовать себя в течение *90 лет*, если историки недостаточно тщательно относятся к своим «источникам».

Меня иногда спрашивали, верю ли я рассказу о том, что лорду Китченеру предсказана гибель на море, и верно ли, что у него было предчувствие близкой смерти. Заниматься такими вопросами я не могу. Каждый из нас имеет свой взгляд на вещи. Моя задача — показать ту роль, какую играла или, скорее, не играла в этой трагедии германская разведка.

Китченер вместе с теми лицами, которые входили в состав его миссии, и вместе с командой «Гемпшира», за исключением 12 офицеров и моряков, лежит на дне моря на расстоянии полутора миль от негостеприимных западных берегов Оркнейских островов между Брауф-оф-Берсей и Марвик-хэд. Вдали возвышается на скалах большой могильный холм — гробница какого-то легендарного воина. Оставим здесь Китченера «наедине с его славой».

ГЛАВА XII

ЖЕНЩИНЫ-ШПИОНКИ

(1915—1917)

В Великобритании не в обычае использование женщин в качестве агентов разведки или шпионов, но вообще описание работы разведки во время европейской войны не может считаться полным без упоминания о женщинах.

Мне вспоминается прочитанный несколько лет назад интересный роман, название которого, кажется, было «Кронштадт». То был роман о девушке, гувернантке в русской семье, которая рисковала жизнью, пытаясь раздобыть план крепости. Наличие любовного элемента в таком романе дело обычное, но в реальных условиях военного шпионажа любовь, как показывает опыт, играет отрицательную роль. Существует много рассказов о том, как женщины и мужчины, увлеченные любовью, делались жертвой внутренней борьбы двух великих сил — патриотического дела и страсти. Я слышал рассказ о женщине, которая в качестве агента разведки должна была выведывать секреты у одного иностранного офицера, занимавшего высокий пост. Дело кончилось тем, что она влюбилась в него, бросила свою работу, и, выражаясь стилем романов, «они потом жили счастливо до конца своих дней». Будем надеяться, что, меняя свое отечество, эта женщина не выдала военных тайн страны, от которой она отказалась. Мне ничего неизвестно об этой стороне дела, но здесь всегда нужно считаться с известным риском.

С другой стороны, я разделяю взгляд, что женщина лучше хранит военные государственные тайны, чем мужчина. Существует тип мужчин, которые, особенно во время войны, стремятся приобрести репутацию людей, осведомленных в военных и морских делах, но мало интересуются семейными делами своих знакомых. У женщин как будто дело обстоит наоборот.

Основное же заключается в том, что женщины до сих пор нигде еще не допускались наравне с мужчинами к занятию ответственных военных и военно-морских постов, где решаются наиболее важные секретные дела, и поэтому женщина-шпионка должна получать информацию от мужчины. Это вводит некоторый элемент неуверенности в связи между шпионом и жертвой шпионажа, что и является одной из причин, почему в Великобритании не поощряется использование женщин на шпионской работе. Не во всех странах держатся такой точки зрения. Кроме того, у нас играет роль желание не подвергать женщин опасности смертной казни, которая угрожает шпиону в случае его разоблачения.

Немцы направили в Британию во время войны немногих шпионок, и только три женщины судились у нас по обвинению в шпионаже. Одна из них — мистрисс Смит, жена иностранца, натурализовавшегося в Британии; сообщая своим хозяевам сведения о подъеме патриотических на-

строений в Великобритании, она, вероятно, принесла Антанте больше пользы, чем вреда, и поэтому отделалась легким наказанием. Другая шпионка — Лиззи Вертгейм, родом немка; она была замужем за британским подданным, сыном натурализованного немца. О ней можно рассказать мало интересного. Муж ее, в силу достаточных оснований, не жил с ней, хотя развод, кажется, не был оформлен. Она вела широкий образ жизни, питала пристрастие к кокаину и отличалась низкими нравственными качествами.

Заправилы германской разведки полагали, что эта женщина окажется полезной в деле добывания сведений о наших военно-морских делах в Шотландии или других местах, — сведений, которые она должна была передавать шпиону, известному под фамилией Брикоу. Последний вместе с другими германскими агентами был послан в Англию весной 1915 г. под фальшивым американским паспортом на имя Реджинальда Роуланда, но у американского орла на печати его паспорта нехватало одного когтя. Вот от каких мелочей иногда зависит жизнь агента разведки! Эта пара предстала перед гражданским судом в Олд-Бейли. 20 сентября 1915 г. были представлены обильные доказательства их шпионской работы. Г-жа Вертгейм была присуждена к 10 годам каторжных работ и отправлена в Эйльсбери для отбывания срока наказания, а в дальнейшем была переведена в Бромдурский дом для умалишенных уголовных преступников, где она умерла 4 августа 1920 г. Ее компаньон Брикоу умер от паралича сердца перед расстрелом в Тоуэре. Кстати, г-жа Вертгейм жила в Блумсбери, когда «Реджинальд Роуланд» прибыл в Англию, а название этого квартала, расположенного вблизи Британского музея и населенного верхушкой интеллигенции, постоянно встречается в делах об иностранном шпионаже. Я не знаю, что именно привлекает тайных агентов в этот район; повидимому, там существует изрядное число недорогих гостиниц, где останавливаются иностранные путешественники из небогатых слоев.

Третья шпионка, представшая перед судом в Англии, была шведка Ева де Бурнонвиль, находившаяся на службе у немцев. Она обратила на себя внимание своими глупыми вопросами и постоянными напоминаниями о том, что она, дескать, родилась в Дании. Она также была арестована в Блумсбери, хотя раньше проживала в других районах. Она получала всего 30 фунтов стерлингов в месяц, которые выплачивались ей через германского военного атташе

в Швеции. Это была не слишком высокая плата за работу, на которой она рисковала жизнью, а в данном случае мы имели дело с наиболее способной из пойманных нами шпионок. Она, вероятно, была бы казнена в другой стране, где менее снисходительно относятся к женщинам-шпионкам.

На суде в Олд-Бейли почти ничего нельзя было привести в ее защиту; суд не нашел также никаких смягчающих вину обстоятельств. Ева де Бурнонвиль была признана виновной и приговорена 12 января 1916 г. к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой. Она отбывала наказание вместе с Вертгейм в Эйльсбери, где впоследствии им была предоставлена возможность беседовать друг с другом.

Более интересные данные о женщинах-шпионках можно найти в уголовной практике других стран. В связи с делом Евы де Бурнонвиль можно отметить слабость, свойственную этому полу. В одном из своих писем из тюрьмы она спрашивала, нельзя ли ей получить свой прибор для маникюра и часть ее многочисленных платьев, причем трогательно добавляла: «Пожалуйста, развесьте мои вечерние платья и хорошо прикройте их».

В мае и июне 1915 г. наблюдался большой наплыв германских шпионов в Англию. Некоторые из них, например компаньон или наниматель г-жи Вертгейм, упомянутый Брикоу («Реджинальд Роуланд»), и некто Антон Кюпферле, который пробыл на свободе лишь 5 дней, возлагали надежду на свой американский акцент и американские паспорта. Напомним, что 1915 год был первым годом беспощадной подводной войны, битвы при Нев-Шапель, предпринятой по инициативе сэра Джона Френча, затем второй битвы при Ипре и последовавшего за этим наступления союзников, наконец, предпринятого Жоффром и Фошем и дорого нам обошедшегося осеннего наступления, в котором британская армия по настоянию Китченера также принимала участие. В этом году западный фронт больше привлекал внимание германской военной разведки, чем Соединенное королевство. Дарданелльское предприятие, как мы уже видели, широко афишировалось в Египте, так что не было особой нужды собирать сведения в Англии, но главной целью агентов германской разведки в 1915 г. было получить военно-морскую информацию в Англии и особенно в Шотландии.

К 1916 г. должно было закончиться обучение британской «новой армии», поэтому ценность военной информа-

ции, получаемой непосредственно из Англии, постоянно возрастала. В начале года Жоффр (с помощью Фоша) и Хейг[1] закончили разработку своего первого плана большого наступления на Сомме, которое, однако, германцы предупредили своим ударом по Вердену. Германская разведка прилагала большие усилия, чтобы достать информацию о подготовке наступления на Сомме, которое, ввиду необходимости облегчить положение французской армии в Вердене, не могло быть отложено на срок позже 1 июля, хотя Хейг рассчитывал на бо́льший промежуток времени для обучения своих новых дивизий.

Это дает нам повод ознакомить читателя с организацией германского шпионажа на западном фронте и рассказать об одной таинственной немке, которая, обосновавшись в Антверпене после занятия его немцами, играла как будто руководящую роль в этом шпионаже. После войны много писалось об этой женщине, о методах ее работы, о различных именах, под которыми она была известна в странах Антанты. Прозвание «фрейлейн доктор» — главный псевдоним, под которым она была известна во Франции, где преимущественно была сосредоточена ее деятельность; но она имела много других, более выразительных кличек: «красный тигр», «глаза тигра», «черная кошка», «королева шпионов», «фрау доктор Элизабет» и т. д. Ее агенты орудовали за линией фронта, в тылу противника. Она возглавляла тайную организацию, обычно применяя к своим подчиненным методы террора. Эта организация занималась добыванием военных и военно-морских тайн в Англии и в французских департаментах, расположенных, примерно, к западу от линии Булонь — Париж — Эпиналь — Бельфор до швейцарской границы. Ричард Роуан много писал о ней в своей книге «Разведка и контрразведка». О ней имеются более или менее точные упоминания (большей частью менее точные) почти во всех книгах о шпионаже во время мировой войны.

Роуан пишет, что это была женщина с властным взглядом, и добавляет, что в ее «сверкающих холодных синих глазах» можно было прочесть дерзость и жестокость. Несомненно, ее агенты испытывали страх перед ней. Ей приписывается изобретение особого метода столь же безжалостного, сколь и простого, применявшегося ею для расправы с негодными или неугодными агентами («шпио-

---

[1] Хейг только что был назначен вместо Френча командующим британской армией на западном фронте.

нами-дураками»): несчастному давалось поручение, которое наверняка должно было привести к его провалу и смертной казни.

Иосиф Маркс, голландец, прибывший в Англию в июле 1915 г., оказался именно в таком положении. Он был захвачен в Тильбери. Сэр Бэзиль Томсон, руководитель Особого отдела Скотленд-ярда, тогда как раз оказался там, и ему Иосиф Маркс открыл характер своего поручения. Если безжалостная «работодательница» действительно рассчитывала на его казнь, то ее ждало разочарование: Маркс был присужден к 5 годам каторги по обвинению в том, что он, будучи связан с агентом неприятельской разведки, пытался пробраться в Англию. Впоследствии он был выслан на родину и горячо благодарил англичан за хорошее с ним обращение; несомненно, английская тюрьма была для него наиболее безопасным местом, если он действительно являлся жертвой зловещих «глаз тигра». Между прочим, арест этого шпиона дал нашей контрразведке возможность ознакомиться с новым остроумным способом пересылки информации в Германию о британском флоте: через Швейцарию посылались письма с разными почтовыми марками, причем каждая марка обозначала какой-либо тип военных кораблей.

Однако самая интересная для нас черта в деятельности «фрейлейн доктор» — это понимание опасности введения «любовного элемента» в такое серьезное дело, как военный шпионаж. Она имела большой опыт в подготовке шпионов в германских школах шпионов, и я имел возможность ознакомиться с содержанием инструкций, которые она дала одному надежному агенту. Вполне полагаясь на него, она, тем не менее, строго внушала ему, что он всегда должен быть трезвым, вести скромный образ жизни, вставать рано. Если по условиям работы ему придется бывать в увеселительных заведениях, то он должен остерегаться и не попадаться в любовные сети: контрразведка врага пользуется услугами агентов-женщин.

Известен рассказ об одном голландце, посланном той же дамой в Париж: он не послушался ее советов, пил слишком много и проговорился, беседуя в нетрезвом виде с кафешантанной девицей, состоявшей агентом французской разведки. Он даже сообщил ей о своем поручении, стараясь завербовать ее. Французская полиция оставила его на свободе в расчете на то, что благодаря своей болтливости он выдаст и других германских шпионов. Роуан передает, что он кончил свои дни в одном из переулков

Монмартра, где его ночью застиг немецкий нож, оставленный в ране для предупреждения других.

Заканчивая рассказ об этой безжалостной и отталкивающей женщине, которая, применяя методы устрашения, работала будто бы очень успешно, мы должны сделать несколько замечаний по поводу различных легенд о ее происхождении и социальном положении.

«Фрейлейн доктор» была «красивая женщина, повидимому, вполне уверенная в силе своего очарования, которым она пользовалась для вовлечения несчастных граждан нейтральных стран в шпионскую работу». Она величала себя то баронессой д'Аспремон, то графиней Лувен, то представительницей одной германской дворянской фамилии с приставкой «фон». Полагают, что на самом деле она была дамой полусвета, которая пользовалась благосклонностью одного прусского генерала, очень влиятельного в органах разведки и доставившего ей возможность получить там «работу». Говорят, что ее настоящая фамилия была «Гейнрихсен», но точно ее происхождение не установлено. Ее сила заключалась в горячей преданности порученному делу и в готовности итти на любой риск при выполнении его. Из своей штаб-квартиры в Антверпене она часто ездила в Голландию, где ее хорошо знали тайные агенты союзников в Роттердаме. Она часто пользовалась автомобилем, но во время ее поездок или когда она шла пешком ее всегда сопровождали два телохранителя.

Говорят, что решающего успеха в борьбе с ней агенты союзников добились, устроив к ней на работу в Антверпене в качестве ее доверенного лица своего агента, молодого бельгийца, разыгравшего роль сторонника Германии; но когда она со временем разоблачила его обман, то собственноручно застрелила его. Различные рассказы об этой зловещей женщине приведены в книгах Фелстэда, Людеке, Роуана и др. Она не любила пользоваться услугами женщин-шпионок по вышеприведенным соображениям: она опасалась неустойчивости, которую может вносить «любовный элемент» в серьезную и важную работу.

Мы можем теперь расстаться с этой женщиной и вернуться к тем шпионкам, которым удалось пробраться в Англию во время европейской войны. Наиболее известна из них Маргарита-Гертруда Маклеод, урожденная Пелле, которая пользовалась нашим гостеприимством лишь несколько дней. Она была выслана в Испанию, но судьба ее решилась во Франции в 1917 г. отчасти вследствие проявленного ею интереса к наступлению на Сомме.

Она была танцовщицей с европейским именем и слыла покорительницей мужских сердец. Ее псевдоним по сцене «Мата Хари» («утренний луч»). Ее имя было окружено многими легендами. Вот некоторые из них. По наиболее распространенной версии, она была дочерью голландца, женившегося на яванке (по другим рассказам — на японке), родилась в Голландской Ост-Индии и от матери унаследовала свою утонченность, вкрадчивость и льстивость. После смерти отца мать, желая избавить дочь от необходимости работать на сахарных плантациях на Яве, перевезла ее в Бирму, где пристроила на двусмысленную роль танцовщицы в одном буддийском храме. Какой-то британский офицер, очарованный ее красотой, будто бы помог ей бежать из храма и женился на ней. Она родила двух детей, но ей скоро надоела однообразная жизнь в Индии, и она уехала в Голландию, а оттуда в Париж. С тех пор она прославилась как танцовщица.

Нам незачем дольше останавливаться на красочной и крайне фантастичной легенде о начале ее карьеры. Ее внешность, смуглая кожа и блестящие черные глаза, естественно, придавали этому рассказу характер правдоподобия, и этому содействовала также ее «ненасытная жажда роскоши и денег». Не столь эффектны документальные свидетельства, по которым она числилась разведенной женой, сохранившей фамилию мужа — Маклеода; по этим данным, она родилась в Голландии (в Лееварддене) в 1878 г., была крещена под именем Маргарита-Гертруда Целле. Восемнадцати лет она вышла замуж за офицера голландской колониальной армии, повидимому, шотландца по происхождению, на что указывает его фамилия Маклеод. Муж взял ее с собой на Яву, где их совместная жизнь была далеко не счастливой. Рассказывали, что он с ней обращался жестоко и грубо, что слуга-туземец убил будто бы их сына из ненависти к своему хозяину, а мать застрелила убийцу. У них родился другой ребенок — дочь. За шесть лет пребывания в тропическом изнурительном климате Явы — в той части света, где, по словам Киплинга, «нет места для десяти заповедей и где лучшее похоже на худшее», — Маргарита Маклеод овладела мастерством танца вообще и восточного танца в частности; впоследствии это пригодилось ей для обольщения мужчин.

Неудачная супружеская чета вернулась в Голландию в 1901 г. с 5-летней дочерью Марией-Луизой. Не стоит останавливаться на первых годах, проведенных в Голландии.

В первое время супруги жили среди порядочных людей, которые, повидимому, иногда вмешивались в их семейную жизнь во время особо острых скандалов. Эта семейная жизнь кончилась тем, что муж покинул ее, взяв с собой дочь. Маргарита-Гертруда, кажется, жила в нужде, ей помогали родственники. Жизнь в голландской деревне скоро ей прискучила. На 29-м году жизни она отправилась в Париж. Имея столь пестрое прошлое, она стала распространять красочные легенды о своей молодости; она с успехом выступала в роли исполнительницы восточных танцев, благодаря которым она стала известна во всей Европе.

Ее профессия позволяла ей приобретать связи в высших кругах Франции, Германии и других стран Европы; это способствовало дальнейшим ее успехам, и она стала зарабатывать большие деньги. Неизвестно, когда именно она стала тайным германским агентом; возможно, что это было еще до войны; на это указывает ее агентский номер «Х-21» — буквой «Х» во время войны не обозначались агенты. Широкая известность вредила ей, и в конце концов даже самые выеокопоставленные знакомые не смогли ее спасти от неизбежной судьбы.

Можно думать, что угодно о профессии и источниках доходов этой женщины, но не приходится сомневаться в ее храбрости. Ее тридцать восьмой день рождения пришелся на 7 августа 1914 г. Когда вспыхнула война, она танцовала в Винтергартене в Берлине; говорят, там ее видали в обществе одного высокопоставленного полицейского чиновника, с которым она давно поддерживала знакомство. Она выступала публично и в других странах.

Впервые она возбудила подозрение английской и французской разведки во время своих выступлений в Мадриде в июле 1915 г., в те дни, когда англо-французское наступление во Фландрии кончилось неудачей, а итальянцы начали свои первые атаки на реке Изонцо. Высадка ее в Англии в 1916 г. произошла, повидимому, в связи с условиями, созданными беспощадной германской подводной войной и установкой мин на главных морских путях. Вследствие этого все пароходы должны были заходить в британские гавани, где производился осмотр и давались указания о наиболее безопасных путях дальнейшего следования. По одной версии, Мата Хари должна была сойти на берег со всем своим багажом и театральным реквизитом по предложению молодого скромного морского офицера; согласно другой версии, она приехала в Англию по

своей доброй воле. Как бы то ни было, она была приведена в Скотленд-ярд на допрос к сэру Бэзилю Томсону, но там она вполне успешно обманула допрашивавших ее лиц. Фелстэд, один из надежнейших авторитетов по закулисным делам шпионажа, излагает эту историю таким образом: когда Мата Хари было прямо заявлено, что она является германской шпионкой, она с обворожительной улыбкой сказала Томсону: «Мне нужно вам рассказать кое-что, но раньше попросите всех этих джентльменов выйти из комнаты». Когда они ушли, Мата Хари заявила: «Да, я действительно состою тайным агентом, но я работаю не в пользу бошей. Нет! Тысячу раз нет! Я работаю для Франции!». Говорят, что она пыталась применить подобный же трюк и в Париже, но руководители французской контрразведки вскоре заподозрили ее в том, что, узнав имя одного французского тайного агента в Бельгии, она предала его немцам, и он был расстрелян. В результате произведенного допроса английскими следственными властями она была выслана в Испанию с добрыми пожеланиями на будущее.

Большинство шпионов, пойманных во время войны, осуждалось на основании документальных данных, добытых благодаря применяемым ими способам пересылки сообщений. Безнаказанность Мата Хари во Франции в течение долгого времени объясняется ее личным влиянием в одной нейтральной стране; это дало ей возможность пользоваться дипломатической почтой нейтрального государства для пересылки своих донесений: полагали, что она переписывается со своими родственниками в Голландии, в действительности же ее письма предназначались для немецких тайных агентов. Когда ее корреспонденцию перехватили, оказалось, что ее сообщения записаны с помощью шифра, который нельзя было раскрыть. Ей всегда удавалось заметать следы. Гладко сошло даже посещение ею нового аэродрома в Вителе, построенного в 1916 г., хотя пропуск был выдан именно для того, чтобы следить за ней.

В Испании она часто бывала в обществе германского военного атташе; в конце концов она попалась из-за него: он послал ей радиограмму, чтобы «X-21» зашла в посольство такой-то нейтральной страны в Париже для получения огромной суммы денег. Она была арестована в феврале 1917 г., предстала перед военным судом в июле и была приговорена к расстрелу. В промежутке между этими датами сорвалось широко возвещавшееся наступление

Нивелля, в котором французская армия потерпела огромные потери, а вслед за этим в армии начались бунты и по всей Франции прокатилась волна пораженчества. Самые влиятельные друзья Мата Хари не смогли добиться смягчения приговора или пересмотра его; в октябре приговор был приведен в исполнение в Венсенской крепости.

Подобно Еве де Бурнонвиль, приговоренной за шпионаж в Англии к пожизненному заключению, Мата Хари осталась верна себе до последней минуты. В последнее утро она оделась с особой тщательностью. Когда пришло время, она гордо прошла мимо взвода, который должен был ее расстреливать, послала воздушный поцелуй солдатам, священнику и всем присутствующим. Так, в возрасте 41 года, закончила она свою жалкую карьеру.

Дж. М. Спэйт в своей книге «Авиация и военное правосудие» приводит список других шпионок, приговоренных к смерти во Франции: Маргарита Шмидт — казнена в марте 1915 г., Отилия Фосс — казнена в мае 1915 г., мадемуазель Лалар — приговорена к смерти в августе 1915 г., Мария Хозе де Баси — казнена в январе 1916 г., Регина Диан — казнена в январе 1918 г., Жозефина Альварес и Викторина Франше — казнены в мае 1918 г., Сидония Дюкре — приговорена к смерти в июне 1918 г.

Англия была в сравнительно более выгодном положении, и нам не приходилось применять к женщинам столь суровые меры за шпионаж.

ГЛАВА XIII

ПРЕСТУПНЫЕ АКТЫ «ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ» [1] В АМЕРИКЕ

(1914—1917)

Присоединение Соединенных штатов Америки в 1917 г. к Антанте как раз в момент, когда Россия была накануне выхода из строя, явилось мощным фактором в деле достижения конечной победы. Поэтому важно рассмотреть

[1] Термин «третья сторона» применяется Астоном по аналогии с «третьими лицами», привлекаемыми истцом или ответчиком в процессе к ответу, как разделяющими с ними право требования или ответственность по иску, для обозначения агентов — диверсантов, используемых Германией во время мировой войны для подрывных актов против нейтральных государств и в первую очередь против США. —*Ред.*

некоторые приемы деятельности германской разведки в Америке в течение трех лет, предшествовавших этому присоединению.

Одна из трагических сторон мировой войны состояла в том, что широкая публика в некоторых странах, особенно в США и Великобритании, раньше не представляла себе всей реальности доктрины войны в понимании школы «милитаристов» на европейском континенте. Наиболее последовательные сторонники этой школы были в Пруссии, но до войны невозможно было убедить государственных деятелей или публику указанных стран, что к заявлениям прусских милитаристов следует относиться вполне серьезно. Сущность этой прусской теории сводилась к следующему: так как война является актом насилия и воюющие государства не связаны никакими моральными и этическими обязательствами, то военное насилие не должно признавать никаких ограничений. Любой акт, какой бы беспощадностью он ни отличался, может быть оправдан военной необходимостью. «Война, — писал еще Клаузевиц, — это акт насилия, не знающий пределов... Международное право — это такое ограничение, которое вряд ли заслуживает упоминания».

Отношение некоторых государственных деятелей других стран к этим взглядам лучше всего выражено Кингслеем[1] в его «Water Babies», где он следующим образом описывает, как люди некоей страны вели войну: «Вся их стратегия и военное искусство сводились к легкому и безопасному средству: они закрывали уши и вопили: «Ах, не говорите нам этого», и затем убегали».

Вот для иллюстрации моей мысли типичная цитата из германской «Книги войны», официального издания генерального штаба в Берлине: «Международное право ни в коем случае не препятствует совершению преступлений (убийства, поджоги, грабежи и т. п.) третьей стороной, поскольку это причиняет вред неприятелю». Если эти слова что-нибудь означают, то вывод должен быть таков: всякая страна, вступающая в войну с Германией, должна принять все меры для организации охраны от подобных актов неприятельских агентов или лиц, подстрекаемых ими.

Я уже говорил о том, что в 1913—1914 гг., работая в адмиралтействе, я занялся составлением списка всех

[1] Чарльс Кингслей (1819—1875) — английский писатель и публицист; одно время был близок к чартистскому движению, но потом перешел к «христианскому социализму». — *Прим. перев.*

пунктов, где с точки зрения интересов флота следует принять меры предосторожности против «злонамеренных лиц» в случае войны с Германией или другой европейской державой. Соответствующие меры были приняты, и для этой цели были использованы помимо полиции также крупные военные части. Однако безопасность у нас была обеспечена, главным образом, благодаря работе военной контрразведки, которая до самой последней минуты оставляла на свободе всех важнейших германских тайных агентов, продолжая следить за всей их перепиской, и сразу их арестовала 4 августа 1914 г., когда война стала неизбежной вследствие нарушения бельгийского нейтралитета.

Я вполне подтверждаю взгляд, высказанный руководителем германской разведки полковником Николаи, что, несмотря на близость Великобритании от европейского континента, наше островное положение сильно облегчает нам борьбу с проникновением тайных агентов неприятеля. Я могу прибавить и, надеюсь, не встречу возражений, что на территории Великобритании за все время войны не было ни одного случая подрывного акта, подготовленного неприятельскими агентами. Было, я знаю, несколько взрывов на военных заводах, но ни один из них не был вызван подрывной работой шпионов, хотя среди публики ходили такие слухи. Что же касается взрывов, происшедших на военных кораблях во время стоянки в гаванях, то я воздерживаюсь от суждения, в какой мере они явились результатом работы неприятельских агентов. Официально это опровергалось, но так как число взрывов было, по моему мнению, слишком велико, то официальное объяснение мне казалось неудовлетворительным, особенно после того, как я познакомился с махинациями германских тайных агентов в Соединенных штатах.

Там, как и в России, имели место случаи вредительства: не говоря уже о потоплении «Лузитании» и «Сэссекса» и о других случаях уничтожения жизни и собственности американских граждан в открытом море, я до сих пор никак не могу понять, почему деятельность германских агентов в ранний период американского нейтралитета не вызвала негодования, достаточного для того, чтобы вовлечь Америку в войну.

Возможно, что никто в Америке не читал германской «Книги войны», а если там ее читали, то не могли себе представить, что германцы действительно будут заниматься организацией преступных актов «третьей стороны»

в *нейтральной стране* с целью причинить вред своим противникам. Если в Англии, которая отделена от Европы лишь узким каналом, публика в течение 80 лет была так мало осведомлена о теории ведения войны Клаузевица и ее толковании в прусской «Книге войны», то тем легче можно себе представить, как мало была осведомлена об этом американская публика, отделенная от Европы Атлантическим океаном.

Я недостаточно знаком с работой американской контрразведки и потому не могу сказать, располагала ли она определенными доказательствами, уличающими германских агентов в подрывной работе и разжигании стачек в США. Однако я знаю следующее: один субъект германского происхождения — мы будем называть его «И», — в начале войны спокойно занимался деятельностью агента по сбору реклам в Нью-Йорке; контора его помещалась на Уолл-стрит № 60. В апреле 1916 г. агенты разведки США совершили налет на его контору, и вот что мне рассказали об этом деле лица, заслуживающие доверия.

Тайные агенты застигли «И» у сейфа, на котором был изображен герб Германской империи. Он разбирал бумаги, готовясь, повидимому, перенести их из сейфа в другое место, должно быть — судя по дальнейшим событиям — в германское посольство. Полицейские агенты арестовали «И», взяв его бумаги, несмотря на его энергичные протесты; сейф также был взят для тщательного обследования. Как только германский посол Бернсдорф узнал об аресте «И», он стал решительно протестовать: захваченные бумаги являлись официальными, священными дипломатическими документами. (Согласно нормам международного права, помещение всякого посольства является экстерриториальным.) На это, естественно, последовал ответ, что фирма на Уолл-стрит № 60 является частным рекламным бюро, не находящимся в ведении какого-либо члена дипломатической миссии, а мистер «И» — частное лицо. Когда же документы, которые «И» во время обыска так энергично защищал, были изучены в департаменте юстиции, то не оставалось уже никаких сомнений относительно их важности и вместе с тем относительно причины беспокойства Бернсдорфа. В этих документах нашлись обильные доказательства того, что Германия широко применяет практику использования «третьей стороны» для совершения преступлений на территории США, — и вот почему я и не могу расстаться с моими опасениями насчет истинных причин взрывов, происходивших во время

войны на военных кораблях в британском и союзных флотах.

21 мая 1915 г. возник пожар на британском торговом пароходе «Бейропия», когда он находился в открытом море. На месте возникновения пожара были найдены 2 небольших цилиндра, имевших $2^1/_4$ дюйма длины и $^3/_4$ дюйма в диаметре; кроме того, в трюме № 4 были найдены 3 пустые бочки от спирта, причем эти бочки были с боков пробуравлены. Пароход был на пути из Нью-Йорка в Гавр. Этот пароход погиб впоследствии от пожара в открытом море в январе 1917 г.

10 июня 1915 г. британский торговый пароход «Киркс-уолд» прибыл в Марсель из Нью-Йорка. По прибытии в трюме было обнаружено 9 бомб. В документах, относящихся к этому случаю, имеется отметка: «Лицу, изготовившему бомбы, заказчиком было сделано порицание за то, что они не взорвались. Тот в свое оправдание ссылался на то, что это были первые изготовленные им в виде опыта бомбы». Он предполагал, что бомбы взорвутся в пути, через 5 дней после отплытия из Нью-Йорка.

18 июня 1916 г. на британском пароходе «Ингель-сайд» по дороге из Нью-Йорка в Гулль вспыхнул пожар в трюме с грузом сахара. Когда были сняты решетки с люка, то в трюме № 5 была найдена невзорвавшаяся петардная ракета.

На другом британском пароходе, «Солтмарш», во время разгрузки сахара были обнаружены такие же признаки подготовлявшегося преступления. Это показывает, как велась подрывная работа на судах, уходивших из портов США.

Среди моих бумаг я нашел следующее замечание, сделанное мной, когда я работал в Уайтхолле: «Во многих случаях установлено, что германские агенты имели отношение к обнаруженным в трюмах бомбам; поэтому не приходится сомневаться в том, что германцы, эти защитники свободы морей, несут ответственность за гибель многих пароходов со всей их командой, плавающих под нейтральными флагами. Недавно были арестованы 3 человека из наиболее опасной банды немецких заговорщиков в США; говорят, они являются последними из этой банды. Они обвиняются в том, что в 1915 г. изготовили и разместили бомбы в трюмах 30 торговых пароходов».

В январе 1917 г. норвежский пароход «Гильдемприз» грузился в Нью-Йорке. После окончательной разгрузки парохода, произведенной только 18 июля в Неаполе, в

глубине трюма были обнаружены 2 динамитные бомбы, снабженные детонаторами.

У меня сохранились заметки и о других случаях, но для иллюстрации моей мысли можно ограничиться приведенными примерами. Теперь вернемся к мистеру «И» в Нью-Йорке.

Это был человек с весом, имел право на приставку «фон». Документы, найденные на Уолл-стрит № 60, были различного характера. Эта контора была прозвана «биржей преступных актов», и через нее германское посольство (преимущественно его военный атташе) поддерживало контакт с тайными агентами во всех частях Америки в целях использования преступных замыслов «третьей стороны».

Мы прежде всего коснемся планов уничтожения жизни и собственности (независимо от того, кто владелец) на торговых пароходах в открытом море. Некто «XXX» (настоящее имя Пауль Кениг) переписывался с номером «7000», т. е. с германским военным атташе в США фон Папеном. В своих письмах Кениг сообщал, например, что он нашел человека, который сможет уничтожать союзные пароходы, покидающие американские порты, с помощью бомб собственного изготовления. Эти бомбы имели вид обыкновенных кусков угля, которые и прятались среди угля, грузившегося на пароходы союзников. Другой документ подтверждал, что образец бомбы был доставлен в контору неким «О.Р.» (мне неизвестно, шла ли речь в данном случае о применении бомб на пароходах или на военных заводах США). Документ был адресован номеру «7000».

Наиболее убедительным документальным доказательством, попавшим в руки американской разведки, явился подлинный чек, подписанный фон Папеном 16 июля 1915 г. на сумму 150 долларов на имя П. Кенига. Этот чек за № 146 был выдан на Риггс-Нейшонел банк в Вашингтоне. На обороте чека была надпись: «На текущий счет. Пауль Кениг», сделанная рукою Кенига. На штампе значилось: «Выплатить по ордеру Филадельфиа-Нейшонел банк — 17 июля 1915 г. — Юнион-трест компани в Нью-Йорке». Пауль Кениг состоял руководителем какой-то справочной конторы, которая на деле представляла собой отделение германской разведки. В моем распоряжении имеется копия этого чека фон Папена на 150 долларов со всеми надписями.

Среди бумаг «И» были найдены и другие доказатель-

ства связи его с изобретателями и работниками исследовательских учреждений, имевшими задание готовить бомбы и адские машины для применения их в нейтральной Америке. Так, например, была найдена заметка, что 15 июня 1915 г. от некоего «Г.С.В.» получен запрос об употреблении бомб и предложение снабжать ими. На этой заметке была надпись: «Предложено прислать дальнейшие детали». Господин «Г.С.В.» это выполнил. Четыре месяца спустя появилось извещение от него с предложением доставить пикриновую кислоту, которая, как известно, является одним из составных элементов сильно взрывчатых веществ. Этот «Г.С.В.» был одно время редактором очень ярко выраженной германофильской газеты в США.

Другой корреспондент, «В.И.Р.», предлагал новые методы размещения взрывчатых мин большой силы внутри пароходов. В одном письме из коллекции «И» упоминался план аренды помещений в непосредственном соседстве с американскими военными заводами для подготовки на них взрывов.

Общий вопрос о праве поставки военного снаряжения воюющим правительствам со стороны частных заводов нейтральных стран выходит за пределы компетенции органов разведки. Я помню, как в дни моего раннего детства мои соотечественники выражали негодование по поводу, якобы, неправильного решения вопроса о возмещении убытков правительству США в связи с «алабамским спором». Это, повидимому, произвело на меня глубокое впечатление, и когда я поступил на службу в разведывательный отдел адмиралтейства, то прежде всего занялся выяснением вопроса: можно ли установить, какое военное снаряжение изготовляется по иностранным заказам на частных заводах Великобритании; при этом я ставил своей целью устранить на будущее время возможность возникновения инцидентов, подобных алабамскому. Тогда у нас еще не было никакого аппарата для установления этого, но мне удалось его создать.

Когда некоторые страны, в нарушение своих торжественных обязательств, после войны снабжали в огромных количествах оружием и военным снаряжением такие беспокойные страны, как Китай, я тогда предполагал, что соответствующие правительства не обладают таким аппаратом для контроля вывоза снаряжения частными заводами. Повидимому, это продолжается и поныне. Правительства проповедуют мир, в то время как их граждане вывозят оружие в страны, переживающие тяжелую смуту.

Должно быть, немцы во время войны рассуждали таким образом, что им вовсе незачем стесняться в использовании «третьей стороны» для совершения преступлений в нейтральных странах, откуда снаряжение попало к неприятелю, но не могло попасть к ним самим, так как их противники являлись хозяевами на морях.

Но каковы бы ни были «теоретические» рассуждения немцев, документы, захваченные у «И» в апреле 1916 г., дали возможность близко ознакомиться с практикой их подрывной работы. Развивая разнообразную деятельность, «И» установил также связь с «бюро труда» некоего Либау; это было частное агентство, созданное, якобы, с целью подыскания работы для немцев, австрийцев и венгерцев, проживающих в США. Какова бы ни была германская теория относительно распространения насилия на нейтральные страны, но деятельность этого «бюро труда» не могла быть популярной среди граждан США. В захваченных у «И» документах был обнаружен отчет о работе этого агентства, представленный германскому послу Бернсдорфу. Там, между прочим, сообщалось о том, как германские агенты побуждали квалифицированных рабочих и инженеров покидать работу на военных заводах. Но агентство Либау не ограничилось этим. Войдя в доверие руководителей военных заводов, «бюро труда» поставляло им рабочих, которых можно было использовать для шпионажа и диверсионных актов. К этому делу был привлечен также один врач, который, в силу занимаемого им положения, мог доставать надежную информацию о заказах, полученных различными заводами. В результате расследования удалось установить, что волнения и длительные забастовки на этих заводах являлись результатом деятельности казавшегося столь невинным «бюро труда» мистера Либау. Посол Бернсдорф пришел к такому заключению: «Мы можем дезорганизовать и задержать на месяцы или даже совсем расстроить производство снаряжения в Бетлехеме и в штатах Среднего запада».

«И» развивал свою деятельность и в других направлениях. Его организация, для которой Бернсдорф требовал неприкосновенности, как для филиала германского дипломатического представительства, занималась также субсидированием издателей, журналистов и лекторов. В захваченных документах был найден список журналистов, получивших различные суммы — от 200 до 1 000 долларов.

Полковник Николаи, начальник германской разведки во время войны, впоследствии писал, что в начале войны

Германия, стремясь обеспечить сохранение американского нейтралитета, проявляла весьма благосклонное отношение к американцам. Однако деятельность германских дипломатов в нейтральных странах, в особенности же деятельность военных и морских атташе со всей их сетью тайных агентов и организаторов диверсий в Соединенных штатах, показывает оборотную сторону этой «благосклонности».

ГЛАВА XIV

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И МИРОВАЯ ВОЙНА. ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

(1917)

Теперь мы намерены рассказать, каким образом сотрудникам британской разведки, занятым в Лондоне расшифровкой неприятельских донесений, удалось обнаружить доказательства двуличия Германии по отношению к Соединенным штатам. Одного этого было бы, пожалуй, достаточно, чтобы побудить президента предложить конгрессу объявить Германии войну, хотя этот президент был лишь недавно избран на платформе «сохранения мира».

В начале 1917 г., в один знаменательный день, нашим работникам, занятым «где-то неподалеку от Уайтхолла» расшифровкой сообщений, попала в руки сложная комбинация цифр. Третья от конца группа этих цифр оказалась знакомой. Мы легко можем себе представить, как шифровальщик воскликнул: «Алло, да это же сам Циммерман в приятной переписке с Бернсдорфом! Тут, несомненно, что-то очень важное». Само собой понятно, что расшифровщики удвоили усилия, чтобы раскрыть смысл всей этой цифровой путаницы. Их кропотливая работа увенчалась успехом, и это было одним из самых поразительных достижений в работе разведки во время войны.

Когда я в молодые годы учился в высшей военной школе в Кемберли, нам читали лекции о раскрытии тайных кодов и шифров. Немногие из нас тогда понимали важность этого дела для ведения войны, и большинство полагало, что нам незачем заниматься этим. Для должной постановки дела требовалось объединить энергию сотен счетчиков, которые должны были систематически производить самые разнообразные перестановки и сочетания цифровых или буквенных групп. Это была изнурительная работа, которая в большинстве случаев не давала результатов: в 99 случаях из 100 она заводила в безвыходный

тупик. Считалось удачей, если в одном случае виден был просвет.

В наши дни тут можно провести некоторую аналогию с кроссвордными задачами и головоломками, которыми теперь многие увлекаются — одни с целью развить свои умственные способности или обогатить свой запас слов, другие в надежде разбогатеть, ничем при этом не рискуя. Я могу поделиться моим собственным опытом в этом деле. Соблазн получить премию в 1 000 фунтов стерлингов столь силен, что я сам во время одной поездки из Солсбери в Лондон занялся решением легкой на вид головоломки. Воспользовавшись теми небольшими знаниями в шифровальном искусстве, которые у меня еще сохранились со студенческой скамьи в Кемберли, я ко времени прибытия поезда на станцию Ватерлоо, т. е. за 1½ часа, успел открыть 64 способа решения этой задачи, и мне уже казалось, что 1 000 фунтов мне обеспечены.

Приехав в Лондон, я отправился завтракать в клуб, который находится в Блумсбери, этом центре ученых, и посещается многими весьма крупными математиками и другими выдающимися представителями академического мира — словом, людьми, самоотверженная работа которых на пользу общества так плохо вознаграждается. Я им рассказал о только что открытом мною верном пути к богатству. Я оставил группу этих ученых у камина, где они, сидя в креслах, продолжали рассуждать о головоломках, а сам отправился по своим делам. Когда я к вечеру вернулся в клуб, меня окликнул один из моих друзей и объявил, что кроме моих 64 решений (а я их считал исчерпывающими) найдено еще 3 072, и нет гарантии, что не будут открыты еще новые способы решения.

Расшифровка представляет подобного рода работу, и крупные успехи в области раскрытия чужих шифров во время войны были достигнуты лишь путем затраты огромного труда. Так как нам не полагается знать место, где эта работа велась, то представим себе, что наши шифровальщики устроились на Адельфи-Арчис — в месте, защищенном от воздушных налетов. Один французский писатель сообщил, что они работали в доме № 10 на Даунинг-стрит, который в представлении иностранцев скрывает всякие тайны, но в действительности является частной резиденцией всех последовательно сменяющихся британских премьер-министров. Частные секретари одного из них во время войны должны были перекочевать во флигель, находящийся в саду дома № 10. Здания были

временного характера с оцинкованными крышами, и у меня не раз возникал вопрос: какое влияние на перспективы исхода войны могла бы оказать бомба, брошенная в эти здания? Люди, занятые расшифровкой, конечно, помещались не там. Подобно кротам, они рылись под землей, и об их деятельности можно было судить лишь по тем «кучкам земли», которые они иногда выбрасывали на поверхность. Но «кучка», образовавшаяся от расшифровки тайных сообщений Циммермана, достигла размеров целой горы, как будто возникшей в результате землетрясения.

Рассматривая дальнейшее, мы должны иметь в виду имена действующих лиц, участвовавших в этой великой мировой драме. Президент Вильсон, выступавший с платформой сохранения нейтралитета США в войне, был переизбран в ноябре 1916 г. Полковника Хауза европейские дипломаты рассматривали как alter ego[1] президента. Уолтер Пейдж был американским послом в Лондоне. Франк Полк был видным чиновником государственного департамента (министерства) иностранных дел в Вашингтоне. Доктор Циммерман 21 ноября 1916 г. сменил фон Ягова на посту министра иностранных дел в Берлине. Граф Бернсдорф был германским послом в США, фон Экхардт— германским посланником в Мексике. Президентом Мексики в то время был Карранса. Артур Бальфур сменил сэра Эдуарда Грея 11 декабря 1916 г. на посту министра иностранных дел Англии. Сэр Сесиль Спринг-Райс был английским послом в США. Холлер состоял сотрудником английского посольства в Вашингтоне.

Самым лучшим переводом телеграммы Циммермана от 16 января является тот, который был сделан после войны, когда стали доступными архивы министерства иностранных дел в Берлине. По существу, он вполне совпадает с текстом этого документа в расшифровке английских расшифровщиков во время войны. Теперь опубликованы различные версии его, но отдельные мелкие расхождения объясняются различием переводов. Мне лично удалось ознакомиться и с оригинальным немецким текстом.

Приводим этот документ полностью.

«Министр иностранных дел Циммерман послу графу Бернсдорфу.

Телеграмма № 158. Строго секретно. Исключительно

---

[1] Латинское выражение «alter ego» означает буквально «второе я». Полковник Хауз, не занимавший никаких официальных постов, был доверенным лицом и главным советником Вильсона. — *Прим. перев.*

для личной информации вашего превосходительства и передачи имперскому посланнику в Мексике через надежные руки[1]. Телеграмма № 1. Абсолютно секретно. Расшифровать только лично. Мы намерены 1 февраля объявить неограниченную подводную войну. Несмотря на это, будет сделана попытка сохранить нейтралитет Америки. В случае, если нам это не удастся, мы предлагаем Мексике союз на следующих условиях. Совместное ведение войны и совместное заключение мира. Широкая финансовая помощь и наше согласие на то, чтобы Мексика вернула себе путем завоевания потерянные ею раньше территории в Тексасе, Нью-Мексико и Аризоне. Заключение соглашения по отдельным вопросам возлагается на ваше превосходительство. Вышеизложенное доведите до сведения мексиканского президента в строго секретном порядке в момент, когда вспыхнет война с Соединенными штатами. В дополнение внушите мысль, чтобы он предложил Японии принять одновременно участие в войне и в то же время выступил посредником между нами и Японией. Сообщите президенту, что неограниченное применение наших подводных лодок теперь открывает перспективу вынудить Англию просить мира в ближайшие месяцы. Подтвердите получение.

Циммерман».

Неограниченная подводная война началась 1 февраля. США, сохраняя нейтралитет, 3 февраля порвали дипломатические сношения с Германией.

Но раньше, чем комментировать поразительное послание Циммермана и последствия расшифровки его, следует познакомиться с другой его телеграммой, посланной 3 недели спустя (5 февраля 1917 г.). Она гласила:

«Министр иностранных дел Циммерман посланнику Экхардту (непосредственно)[2].

Телеграмма № 11. В связи с телеграммой № 1, строго секретно. Лично расшифровать. Берлин, 5 февраля 1917 г. При условии, что нет риска выдачи секрета Соединенным штатам, предлагаем вашему превосходительству уже сейчас поднять перед мексиканским президентом вопрос о союзе. Однако окончательное заключение союза зависит

---

[1] Предполагалось использовать германскую подводную лодку «Дейчланд», но это не удалось.

[2] В это время Бернсдорфу уже были вручены паспорта.

от возникновения войны между Германией и Соединенными штатами. Президент мог бы уже теперь начать зондировать почву в Японии. Если президент отклоняет наше предложение из опасения возможной в будущем мести Америки, вы уполномочены предложить оборонительный союз после заключения мира, если Мексике удастся привлечь к этому союзу Японию. Подтвердите телеграфно получение.

Циммерман».

8 февраля Циммерман в секретной, более энергичной телеграмме предложил Экхардту заключить с Мексикой союз и попросить президента Карранса вступить в ранее предложенные переговоры с Японией. На это Экхардт ответил 26 февраля, что переговоры начаты.

Теперь посмотрим, как отнеслись к этим разоблачениям различные участники этой драмы.

Образ действий Циммермана не поддается объяснению. Германия как раз перед этим опубликовала свой «мирный манифест», хотя не была в состоянии дать президенту Вильсону точное определение своих военных целей. Она понесла весьма тяжелые потери на Сомме, под Верденом и в боях с Брусиловым на восточном фронте. Участие России в войне еще не прекращалось. Шансов на военную победу над союзниками не было, и объявление беспощадной подводной войны с целью окончательно вывести Великобританию из строя было последней ставкой немцев. Клаузевиц предупреждал германцев и всех, кто вторгается в чужую страну, что существует кульминационный пункт военных побед, за которым начинается поворот — наступает реакция, которая превосходит силу первоначального удара. Вообще положение Германии было отчаянное, и поэтому она пошла даже на риск вовлечения США в войну.

Бернсдорф делал все возможное. В шифрованной телеграмме от 19 января он предупреждал Циммермана, что деятельность подводных лодок неизбежно приведет к войне с США. Продолжая свои попытки использования всех возможностей, он сообщил, что президент Вильсон «официально, хотя вначале частным образом», обещал предложить свое посредничество для переговоров о мире. Он приветствовал позицию, которую занимала по отношению к Германии пресса Херста с 3 миллионами читателей его 10 газет во всех штатах США. Он получил от германского рейхсканцлера Бетман-Гольвега телеграмму,

посланную — нужно заметить — в то самое время, когда велись интриги с Мексикой:

«Пожалуйста, поблагодарите президента от имени имперского правительства за его сообщение. Мы ему вполне доверяем и *просим заверить его в нашей преданности*».

Это сообщение было послано вслед за телеграммой Циммермана Экхардту в Мексику. Таковы извилистые пути дипломатии!

Общественное мнение Европы в течение некоторого времени не могло разобраться в позиции, которую занимали США по отношению к воюющим сторонам. Насилие над Бельгией, убийство американских женщин и детей на «Лузитании» (7 мая 1915 г.), расстрел сестры милосердия Эдит Кавель (12 октября 1915 г.), торпедирование пассажирского парохода «Сэссекс» (24 марта 1916 г.), казнь капитана Фрейата (27 июля 1916 г.) и ряд конфликтов, вызванных нарушением международного права и обычаев мореплавания, ревностно отстаиваемых американскими юристами, — все эти события не находили должного отклика в США. Создавалось впечатление, что президент при всех условиях останется на своей позиции, выраженной в фразе: «Мы слишком горды, чтобы вступить в драку».

7 февраля все американские суда были задержаны в портах из-за угрозы германских подводных лодок. Правительство объявило, что оно не предоставит конвойных судов, и затор в американских портах еще усилился. 27 февраля пароход «Лакония» (пароходного общества «Кенард Лайн») был потоплен, причем погибли две американки. Накануне этого президент Вильсон в своем послании к конгрессу объявил о переходе к вооруженному нейтралитету и о решении вооружить торговые суда. 9 марта посол Пейдж телеграфно сообщил полковнику Хаузу о господствующем в Англии мнении, что американское правительство не примет активных мер при любых провокационных действиях Германии и будет сдерживать американский народ до тех пор, пока германские провокации по отношению к Соединенным штатам не будут забыты, а британский флот собственными силами не справится с опасностью подводной войны. 12 марта американский пароход «Альгонкин» был потоплен без предупреждения. 19-го в течение 24 часов подводные лодки потопили 3 американских парохода, причем на одном из них, на «Виджилансии», погибло 15 человек команды. 21 марта полковник Хауз ответил Уолтеру Пейджу: «Мы уже сейчас находимся в состоянии войны, хотя формальное объявле-

ние ее, может быть и не последует раньше, чем соберется конгресс, т. е. 2 апреля».

Тут мы должны опять вернуться к расшифровке секретных документов Циммермана в Лондоне и показать, почему они явились последней каплей, переполнившей чашу. По материалам, приведенным в книге «Интимная переписка полковника Хауза», выходит, что без этих документов всякая попытка президента Вильсона форсировать вступление США в войну, пожалуй, ослабила бы впечатление, что им сделано все от него зависящее для сохранения мира и что он был вынужден вступить в войну, которая явилась единственным средством обеспечения чести и безопасности Америки.

«Именно впечатлению от опубликованных документов надо приписать тот энтузиазм, с которым наиболее пацифистские районы выполняли свои военные заказы; оно-то и произвело перелом в «пацифистски-нейтральных» настроениях в стране».

По вопросу о том, каким образом были расшифрованы германские коды и шифры, как военные, так и морские, мне нечего прибавить к тому, что уже выше было сказано о кропотливой работе расшифровщиков и о способах добывания кодов и ключей к шифру с потопленных или потерпевших крушение германских военных судов.

Один французский автор передает занимательные анекдоты о ловкой работе одного австрийского специалиста по радиотелеграфии, который был на службе германских военных властей в Бельгии и, работая в германской штаб-квартире в Брюсселе, якобы, тщательно скопировал коды германского министерства иностранных дел и все сложные ключи их вариаций. В моем распоряжении нет данных, подтверждающих эту версию, так же как и рассказ о его бегстве через Голландию в Англию; еще меньше у меня оснований верить сообщению, будто бы он впоследствии был «устранен» британской полицией. Мне эта французская книга знакома только в английском переводе, и я обнаружил в ней следующее. В донесении посла Пейджа в Вашингтон, датированном 15 марта, Пейдж ссылается на «шифрованные телеграммы Б.», имея в виду Бернсдорфа. Между тем, упомянутый французский автор на этом основании придумал какую-то таинственную подпись Бернсдорфа — «Б.И. С.2». Вот почему я отношусь с недоверием ко всей этой версии.

Теперь всем известно, что британские расшифровщики сумели воспроизвести подлинный текст сенсационных те-

леграмм, отправленных в Мексику Циммерманом 16 января и в последующие дни. Циммерман придавал первой телеграмме столь важное значение, что послал ее через Швецию, Буэнос-Айрес и Вашингтон по кабелю и из Берлина в Вашингтон американской дипломатической почтой, а кроме того, передавал ее по радио через мощные станции Науэнскую (в Германии) и Сейвильскую (в США) и, насколько я знаю, еще разными другими путями. Использование дипломатических каналов США для этой корреспонденции не лишено некоторого мрачного юмора ввиду ее содержания.

Расшифровка документа заняла некоторое время. 23 февраля министр иностранных дел Бальфур передал американскому послу в Лондоне пакет с английским переводом телеграммы Циммермана фон Экхардту в Мексике с поручением убедить президента Карранса в случае войны между Германией и США в необходимости заручиться помощью Японии, которая входила в Антанту, и вторгнуться на территорию США. Уолтер Пейдж немедленно вернулся в посольство и 24 февраля в 2 часа утра предупредил Вашингтон, что в течение ближайших часов он отправит шифром весьма важную телеграмму, предназначенную лишь для самого президента Вильсона и государственного секретаря (министра иностранных дел); эта телеграмма пришла в Вашингтон в 9 час. утра 24 февраля.

Посол Пейдж, должно быть, просидел большую часть ночи над составлением длинного телеграфного донесения с подробной информацией об успехе британского правительства, сумевшего расшифровать секретные германские телеграммы и раскрыть всю переписку между Бернсдорфом в Вашингтоне и Экхардтом в Мексике. Пейдж предлагал осведомить японское правительство о том, в какую сделку с Мексикой Германия предполагала вовлечь Японию [1], и привел полностью английский перевод телеграммы, отправленной Циммерманом 19 января через германского дипломатического представителя в Вашингтоне. Пейдж при этом объяснил, почему произошла задержка в передаче этого сообщения американскому правительству. Телеграмма Пейджа была отправлена в 1 час 30 мин. дня 24 февраля и была расшифрована в Вашингтоне в 8 час. 30 мин. вечера.

Вернемся в Америку вместе с тем историческим доне-

---

[1] Узнав о планах Циммермана, японцы передали союзникам заявление, в котором отрицали свою причастность к германской затее.

сением, которое пришло в Вашингтон в ночь с 24-го на 25-е. Президент Вильсон был немедленно разбужен, и на этот раз он очутился перед лицом реальных фактов, а не теорий и пропаганды. Он потребовал от Уолтера Пейджа подтверждения и присылки ему экземпляра германского кода (каблограмма его была датирована 28 февраля).

26 февраля полковник Хауз был вызван к телефону Франком Полком, советником министерства иностранных дел, который сообщил ему о блестящем достижении британских расшифровщиков, приведшем к раскрытию заговора Циммермана. 27 февраля полковник Хауз написал президенту Вильсону:

«Я надеюсь, что вы завтра опубликуете телеграмму. Это произведет сильное впечатление на публику и на всю страну.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Вспомним, что американское судоходство было парализовано преступными действиями германских подводных лодок и что гибель «Лаконии», за которой последовала гибель американских пароходов и американских граждан, имела место 25 февраля.

1 марта посол Пейдж ответил, что германский секретный код сам по себе будет для президента бесполезен, и просил его переслать в лондонское посольство все германские шифрованные телеграммы, которые прошли через США с секретной подписью Бернсдорфа; в Лондоне они будут расшифрованы и отправлены обратно в Вашингтон по телеграфу. В конце концов Пейдж поручил Эдуарду Беллу, первому секретарю посольства США в Лондоне, лично расшифровать секретные телеграммы Циммермана Экхардту. Когда это было сделано, Пейдж 2 марта отправил в Вашингтон новый текст, который фактически совпадал с британским, пересланным 24 февраля. Немцы были уверены, что раскрыть их сложные секретные коды нет никакой возможности. Было желательно оставить их в этом убеждении.

Известие, полученное 1 марта американской общественностью о планах заключения союза между Германией, Мексикой и Японией, произвело ошеломляющее впечатление. С другой стороны, в некоторых кругах, которые в своих органах печати объявили всю эту историю злокозненной британской выдумкой, обнаружилось стремление вернуться к старой политике «ущемления хвоста британ-

ского льва». Тогда президент Вильсон опубликовал самые документы, и министерство иностранных дел гарантировало их подлинность. В сенате было заявлено, что опубликование всей информации, имеющейся в руках правительства, противоречило бы высшим интересам страны.

Тогда и сам Циммерман признал аутентичность опубликованных документов. Он пытался выяснить причину провала, но это ему не удалось. Бернсдорфу уже 3 февраля были вручены его паспорта, и он уехал на шведском пароходе «Фридрих VI». 6 апреля 1917 г. США вступили в войну с Германией.

Между тем до 13 апреля продолжалась секретная (?) переписка между Экхардтом и Циммерманом. Последний еще не отказывался от своих надежд побудить Мексику напасть на США и предлагал ей деньги и оружие. 14 апреля Экхардт окончательно сообщил, что Мексика не вступит в войну — преждевременное разоблачение тайных сообщений, которыми обменивались Циммерман и Экхардт, сделало невозможным предполагавшийся союз между Мексикой и Германией.

Тайна о работе британских расшифровщиков лойяльно соблюдалась в Америке и не была даже сообщена союзным странам. Полковник Хауз рассказывает об одном сотруднике британского посольства в Вашингтоне — Холлере, которого Хауз 9 марта 1917 г. пригласил к себе и с которым он обсуждал обстановку в Мексике. Хауз говорит: «Холлер спросил меня в самой наивной форме, каким образом случилось, что мы, американцы, получили ноту Циммермана. Я ответил: «Я полагаю, что вы сами знаете». Он заверил меня, что не имеет ни малейшего представления об этом».

По словам полковника Хауза, не кто иной, как Холл, сотрудник британской морской разведки, достал, расшифровал и передал указанный материал американцам. Повидимому, он имеет в виду адмирала сэра Реджинальда Холла, сына моего старого начальника, покойного капитана В. Х. Холла, которому я в феврале 1887 г. помогал организовать отдел морской разведки. Я не могу сказать, в какой мере прав полковник Хауз. Дело самого сэра Реджинальда Холла решить, когда наступит момент поднять завесу над тайной, которой покрыта его деятельность за время войны. Если он со временем сделает это и напишет об этом, то это будет весьма интересно. В сентябре 1917 г. полковник Хауз написал Холлу, называя его своим «дорогим другом». Поздравляя его с результатами работы,

он добавляет: «Я не знаю ни одного человека, который оказал бы во время войны более ценные услуги, чем вы». В марте 1918 г. посол Пейдж писал президенту Вильсону: «Холл — подлинный гений, равного которому вы не найдете во всем мире». При этом Пейдж выразил желание дожить до 1938 г., чтобы иметь возможность прочесть мемуары и ознакомиться с секретными документами Холла; но этому желанию, увы, не суждено было осуществиться.

* * *

Мои собственные воспоминания и ряд новейших исследований в области истории мировой войны побуждают меня сделать дополнительно несколько личных замечаний о последствиях важных событий, о которых говорилось в этой главе. Далекий от бесплодных рассуждений и споров о том, какая страна больше всего сделала для достижения победы, я хотел бы отметить несколько запечатлевшихся в моей памяти эпизодов, связанных со вступлением США в войну.

В первую очередь вспоминается обстановка, в которой произошло объявление Америкой войны Германии. То был момент, когда общественное мнение было сильно взбудоражено огромными потерями британского и нейтрального судоходства, причиненными разбойничьими действиями германских подводных лодок, начиная с 1 февраля того года. Безопасность морских сообщений и сохранение необходимого тоннажа были к тому времени для Антанты вопросами жизни и смерти; без этого все военные усилия на континенте были бы обречены на неудачу, и население Соединенного королевства было бы поставлено в чрезвычайно тяжелое положение. При таких условиях прибытие 2 мая в Куинстаун первой американской флотилии истребителей было событием выдающейся важности, — событием, вокруг которого с полным основанием был поднят большой шум. Главный морской цензор рассказывал, как капитан Маддик, предупрежденный за 2 часа, спешно отправился в Куинстаун с операторами и всеми необходимыми для киносъемок аксессуарами для заснятия этого «исторического момента прибытия американских истребителей в помощь своему бывшему в весьма отдаленном прошлом врагу». Киносъемка вышла удачной, и Маддик с легкой руки американского адмирала получил кличку «майор Кино». Этот фильм потом широко демонстрировался по всей Великобритании.

Вскоре мы были свидетелями другого достижения «майора Кино»: он заснял в Ливерпуле прибытие генерала Першинга. Затем 19 мая правительство США объявило о своем намерении немедленно отправить первую дивизию во Францию. Это произвело ободряющее действие, тем более, что накануне, 18 мая, уже вступил в действие закон о принудительной военной службе («Compulsory Service Act») в США. В Британии мы были перед свершившимся фактом аналогичного порядка, после того как нам удалось, главным образом путем добровольной вербовки, направить на различные фронты 2½ млн. британских имперских войск: пришлось считаться с необходимостью возмещения потерь сотен тысяч солдат. Было ясно, что Соединенные штаты осторожно отнеслись к идее принудительной военной службы, что сказалось впоследствии на военных операциях, которые связаны с именем генерала Першинга.

В этой связи я особенно живо вспоминаю один момент в Уайтхолле: 4 июля 1918 г. — день независимости. К тому времени мы уже справились с угрозой подводных лодок. Но германцы, воспользовавшись тем, что восточному фронту больше не угрожали русские армии, начали в марте наиболее ожесточенное в истории войны наступление на британскую армию, прикрывавшую Амьен. Линия британских войск отодвинулась назад—почти до самых ворот города; фронт согнулся, но не был сломлен. Затем в апреле утомленные британские войска должны были проявлять отчаянные усилия, сдерживая напор огромных сил противника у р. Лис (9—29 апреля), — тогда и последовал приказ сэра Дугласа Хейга от 12 апреля с исторической фразой «мы прижаты к стене». Между 27 мая и 6 июня французские армии подверглись такому же испытанию в третьей битве у р. Эн.

Нужно сказать, что население Британии было проникнуто суровой решимостью добиться победы, чего бы это ни стоило, но наряду с этим существовала глубокая тревога из-за положения на западном фронте. Нехватало людских резервов, и подготовляемый Фошем план контратаки генерала Манжена, которая 18 июля действительно перетянула чашу весов в пользу союзников, тогда был еще в зародыше. Никто не предвидел быстрого восстановления боевой мощи армии Хейга, которая занимала первое место в великом наступлении союзников после 8 августа. И нас тревожил вопрос: откуда взять еще людей, чтобы выравнить положение и в нужный момент нанести противнику решительный удар?

Некоторые утверждали, будто бы союзники в тот период полагали, что пехотные части американской армии, присланные первыми по настоянию союзного командования, должны были сразу влиться в состав союзных армий и принимать более широкое участие в тогдашних операциях. По этому поводу я хочу поделиться своими воспоминаниями о годовщине американского «дня независимости» в 1918 г., показывающими, какой моральный эффект произвело вступление американцев в войну. Я тогда точно записал свои впечатления и решаюсь воспроизвести эту запись, несмотря на то, что в наше мирное время она может показаться слишком патетической.

«Только людская сила могла перетянуть чашу весов, поэтому все глаза были обращены на запад, по ту сторону Атлантического океана. В каждой комнате в Уайтхолле висела карта западного фронта, на которой линия маленьких флажков указывала, как мы, начиная с марта, теряли территорию. Флажки, постоянно передвигались к западу, и нам казалось, что вторжение врага никогда не прекратится.

В это июльское утро я смотрел на одну из таких карт. Утром по пути в Уайтхолл мне попадалось много утомленных лиц. «Мы все утомлены», — писал Хейг в своем обращении к армии три месяца назад. И многие обнаруживали признаки крайнего напряжения, все были измучены почти четырехлетними жертвами и разочарованиями. Крайне необходим был новый толчок, новый прилив энтузиазма; только это могло помочь нам выдержать до конца. Некоторые совершенно тупели, не видя впереди никакого просвета.

Внезапно через открытое окно моего кабинета издали донесся шум, подобный гулу морского прибоя, сливавшемуся с резкими криками морских чаек. Этот шум все более и более возрастал. Мостовая заполнилась людьми, все поворачивали головы в ту сторону, откуда приближался шум, переходивший в сильнейший рев, пока, наконец, не выяснилось в чем дело.

Сотни американских солдат, размахивая флагами, с приветственными возгласами двигались по бульвару вдоль Уайтхолла в широких фургонах, украшенных знаменами с полосами и звездами. Им навстречу из толпы, заполнявшей улицу, и из окон домов неслись ответные приветствия лондонцев, солдат, матросов, летчиков, явившихся со всех концов Британской империи.

День 4 июля. Какие он будил воспоминания, и вот какой

результат! Перед лицом великой мировой угрозы волна дружбы снова поднимает дух союзных народов и ведет их вперед к цели».

Достижению таких результатов содействовала кропотливая работа британских расшифровщиков в начале 1917 г., что было потом описано полковником Хаузом, послом Уолтером Пейджем и другими.

Показав на этом примере значение разведывательной работы в области дипломатии, мы снова вернемся к действующим армиям — к тем методам, которые они применяли для определения силы и планов неприятеля, и к выяснению вопроса, какой информацией располагал командный состав армий в момент, когда он принимал свои решения. В военных операциях нашего времени, как и всегда было в прошлом, элемент внезапности имеет решающее значение и является скрытой пружиной успеха. Во всех важных операциях можно обнаружить те методы, с помощью которых эта внезапность осуществлялась в тяжелых условиях современной войны.

ГЛАВА XV

ТРАГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД НА ВОСТОКЕ

(1917)

Обратимся теперь к Востоку, где разыгралось одно из трагических событий в истории разведки, вновь напоминающее старую поговорку, что истина кажется подчас более странной, чем вымысел. Я приведу действительные факты, опуская лишь, по понятным причинам, фамилии и точные указания местностей. Я колебался, прежде чем рассказать об этом деле, но с тех пор прошло уже 13 лет, и за эти годы исчезло ожесточение военного периода, а описание деятельности агентов разведки на фронте в противном случае было бы неполным.

В этой трагедии участвовали: офицер британской разведки, которого назовем «Маннерингом», и его противник из германской разведки «фон Фриц». Маннеринг служил в британских войсках на востоке в 1917 г. В начале года до него дошли сведения, что район, занятый британскими войсками, наводнен неприятельскими тайными агентами. Он начал обдумывать, как лучше всего воздействовать на солдат, чтобы они принимали должные меры для охраны секретности будущих операций. Излагая свои опа-

сения главнокомандующему, в штабе которого он служил, он упомянул, между прочим, о неуловимом немецком агенте «Фрице», который, принимая разные обличия, «работает» в тылу английских войск. Сам Маннеринг не придавал особого значения этим слухам, так как точных данных о существовании «Фрица» не было. Тем не менее, было решено использовать эти слухи специально для того, чтобы поднять бдительность в войсках, внимательно выслеживать всех агентов разведки, которые пытались бы проникнуть и которые, пользуясь маскировкой, действительно проникали в район расположения британских войск.

Особым приказом всем командирам частей было сообщено о возможности появления таинственного «Фрица» и предписано принимать меры к его задержанию. Приказ немедленно возымел свое действие, и вся армия, от рядовых до высшего командного состава, резко повысила свою бдительность. Были произведены многочисленные аресты, причем и ошибок было немало. Однажды был арестован сам Маннеринг как «подозрительное лицо»; он был освобожден лишь тогда, когда за него поручился совершенно авторитетный представитель власти. В распространении подробных сведений о деятельности Фрица и о его внешности немалую роль играло пылкое воображение работников разведки.

Десять дней спустя Маннерингу пришлось по долгу службы посетить лагерь военнопленных. Повидимому, там его узнали: комендант лагеря сообщил ему, что один пленный грек, дезертировавший из турецкой армии, хочет с ним поговорить. Маннеринг согласился с ним побеседовать. Грек рассказал об обстоятельствах своего дезертирства и затем поразил Маннеринга заявлением, что он некоторое время работал по заданию настоящего «Фрица», которого до сих пор считали только жупелом. Грек заявил, что если Маннеринг поможет ему поскорее освободиться из плена, то он окажет всяческое содействие в деле поимки Фрица.

Немного подумав, Маннеринг согласился, но ради осторожности отправился вместе с греком к ближайшему греческому консулу, где удостоверили, что это действительно грек и, следовательно, гражданин нейтральной страны. Свое дезертирство грек объяснял тем, что он поссорился с Фрицем, причем он уверял, что ему легко будет вернуться в турецкие войска, взяв с собой ту информацию, какой Маннеринг сочтет нужным его снабдить. Эта информация должна была обеспечить доверие к нему со стороны Фрица

и турецкой разведки. Грек обещал, если все эти условия будут выполнены, устроить Маннерингу свидание с Фрицем, во время которого последнего будет очень легко захватить. Условия были приняты, и грек был снабжен достаточной для выполнения его задачи информацией, по существу совсем невинной. После этого он исчез из поля зрения.

Пять дней спустя грек сообщил, что Фриц придет в район расположения британских войск в тот самый день, когда должно было произойти перемещение войсковых частей. Место, выбранное греком для свидания, было идеальным. Это был отдаленный и пустынный уголок — русло высохшей реки, — издали незаметный, подлинно романтическая обстановка для подобной авантюры. В назначенный день Маннеринг, полный надежд, выехал к месту встречи. Он обрадовался, заметив грека, стоявшего около своей лошади; грек, стало быть, сдержал слово. После обычных приветствий грек сообщил, что Фриц перешел линию фронта и вместе со своим ординарцем находится в районе расположения британских войск. Оба они вскоре появятся.

Маннеринг часа два беседовал с греком, который подтвердил множеством документальных доказательств, что он еще сотрудничает с Фрицем. Затем грек спросил Маннеринга, имеет ли он при себе оружие. Получив утвердительный ответ, грек посоветовал ему начать стрелять в Фрица, как только он покажется, обещая во-время предупредить о его приближении. Грек и Маннеринг прождали до 6 час. вечера, когда показался всадник. «Это ординарец, — прошептал грек, — он переодет в британскую форму. Фриц, вероятно, следует за ним».

Затем ординарец подъехал к греку, передал ему какие-то бумаги и сообщил (по-немецки), что Фриц, которого начали преследовать британские солдаты, пробирается по другой дороге по направлению к турецкой линии фронта. Сообщение ординарца явно вызвало удивление и разочарование у грека. Он сказал Маннерингу, что через несколько дней Фриц опять перейдет фронт, и обещал устроить другую встречу, более удачную. Маннерингу оставалось только согласиться, так как не было надежды на поимку этого неуловимого Фрица каким-либо другим способом. Но Маннеринг вовсе не хотел позволить ординарцу вернуться в неприятельский стан. Тайна, о которой знают трое, уже не тайна. Маннеринг сказал греку, что при этих условиях необходимо арестовать ординарца.

Тот стоял в нескольких шагах от Маннеринга, держа свою лошадь под уздцы. Грек сразу согласился и посоветовал Маннерингу проверить, свободен ли путь на другой стороне рва, «тогда мы схватим ординарца».

Держа одну руку в кармане на рукоятке револьвера, Маннеринг отвел свою лошадь немного в сторону и быстро вскочил в седло. В этот момент раздались два выстрела, и пули прожужжали мимо него. Круто поворачивая назад, он заметил, что в него стреляют оба, ординарец и грек. Маннеринг был совершенно поражен. Лошадь его встала на дыбы, когда он открыл огонь из своего револьвера по нападающим. Ординарец был ранен, грек же ускакал галопом и исчез; за ним помчалась и лошадь ординарца без своего всадника. Маннеринг остался один со смертельно раненным ординарцем.

Он слез с лошади и к своему ужасу обнаружил, что умирающий «ординарец», соучастник предателя-грека, — женщина, повидимому, немка, переодетая в британскую форму. Таков был трагический финал попытки совершить «патриотический» акт посредством убийства руководителя неприятельской разведки.

Вот продолжение этой истории. Фриц, которого английский офицер пытался поймать, не был ни призраком, ни мифической личностью. Это был, пожалуй, самый активный и находчивый агент германской разведки за все время войны. «Грек» и был «Фрицем», ординарцем была его жена.

Маннеринг узнал всю правду об этом лишь спустя несколько месяцев после перемирия, когда он получил подтверждение этого в письме от самого Фрица. Год или два спустя им пришлось еще раз встретиться лицом к лицу. Это было в кафе на территории, занятой британскими войсками. Они друг друга узнали, но в разговор не вступили.

Теперь мы перейдем к Палестине, где германская и британская разведки соревновались между собой в хитроумных выдумках. Отметим, что разведкой при штабе германского командующего турецкой армией в Палестине руководили немцы, в то время как на фронте разведывательная работа находилась в руках самих турок.

Мне неизвестно, проникал ли Фриц еще впоследствии в расположение британского фронта на восточном театре войны.

По сравнению с этим рассказом другие мало интересны. Но стоит упомянуть о судьбе одного весьма опасного агента, который был обнаружен службой разведки при египетской экспедиционной армии, которой командовал Алленби. Так как жизнь многих британских солдат зависела от деятельности этого и других ему подобных агентов, то с целью прекратить ее было решено послать ему письмо со вложением крупной суммы денег (около 30 фунтов стерлингов), будто бы в награду за услуги, оказанные им англичанам. Это письмо, имевшее целью дискредитировать его в глазах германских агентов, как и следовало ожидать, попало в их руки. Не производя никакого расследования и проверки улик, они сразу застрелили самого способного из своих агентов, заподозрив его в том, что он служил обеим сторонам и вредил таким образом туркам, хотя на самом деле он был очень опасен для британцев.

Приведем еще один правдивый рассказ, уже известный по некоторым сенсационным книгам о шпионских делах. Это рассказ об одном молодом человеке, жившем в одном из приморских городов Палестины за турецким фронтом. Мечтая об освобождении своей страны от турок, он решил связать свою судьбу с британской разведкой и стал ее тайным агентом. Фланги обеих армий упирались в море, а прибрежный район был так сильно защищен проволочными заграждениями, что трудно было пробраться через линию фронта. Девятнадцатилетний юноша перебирался на противоположный берег в собственной небольшой лодке, высаживаясь в нескольких милях к северу от турецкого фланга, отправлялся в приморский город, где находился его дом. Там жила его сестра, которая помогала ему в работе и с течением времени навлекла на себя подозрение турок. Судьба молодой девушки была ужасна, но никакими пытками турецкие власти не смогли вырвать у нее признаний, которые скомпрометировали бы ее брата. Она не перенесла мучений и умерла. Я упоминаю об этой девушке, как о примере великого героизма женщины.

Теперь перейдем к другим эпизодам из деятельности разведки во время знаменательного похода Алленби в Палестину.

ГЛАВА XVI

АЛЛЕНБИ В ПАЛЕСТИНЕ

(1917)

В 1917 г. союзники потерпели ряд тяжелых неудач: поражение Нивелля на западном фронте и последовавшие за этим восстания во французской армии, тяжелые испытания армии Хейга в Пашендельских болотах, выход России из войны и крах Румынии, тяжелые удары, нанесенные британскому господству на морях беспощадной подводной войной, итальянская катастрофа у Капоретто. На мрачном фоне этих тяжелых событий отрадным пятном выделяются операции Алленби в Палестине, предпринятые в тот момент, когда Антанта систематически терпела поражения. В марте и апреле 1917 г. британские войска два раза потерпели неудачу при попытке вторжения в Палестину обычным прибрежным путем через Газу — город, превращенный в неприступную крепость.

Итак, из окопов Франции и Фландрии, с их монотонной жизнью, грязью и вошью, действие переносится в Газу. Мы дадим описание третьей битвы под Газой (27 октября — 7 ноября) и других событий маневренной войны в Палестине. Рассказ о разведывательной работе, предшествовавшей битве у Газы, позволяет нам раскрыть блестящую деятельность разведки, в которой скромный и традиционно «тупой» англичанин перехитрил «коварного» турка и его германских советников и наставников. При этом мы возобновим наше знакомство с «Маннерингом» — офицером британской разведки, с тем самым Маннерингом, который с германским «Фрицем» состязался в хитрости, что было описано в предшествующей главе.

Лорд Алленби (в то время сэр Эдмонд Алленби), прибыв в Палестину с западного фронта в июле 1917 г., застал следующее положение вещей. Сильно укрепленная линия турецких окопов тянулась от Газы почти на 30 миль внутрь страны до Беершебы. Газа и прибрежный сектор с полным основанием описывались как «сильная современная крепость, окруженная окопами и проволочными заграждениями, где имеются все средства для длительной обороны»; а рядом, на расстоянии одной мили, около Харэйры, были возведены грозные укрепления. Дальше был неукрепленный участок протяжением в 4½ мили, и затем начинался другой ряд укреплений, прикрывавших Беершебу. Наиболее тщательно укрепленные пункты обо-

роны были расположены близ берега моря на турецком правом фланге. Левый фланг турок внутри страны был более уязвимым, но операции более или менее внушительными силами в этом участке фронта затруднялись условиями безводной местности.

Фронт Алленби тянулся от берега моря против Газы внутрь страны на протяжении 22 миль — до Гамли. Наибольшие трудности представляло снабжение армии водой. На крайнем отрезке фронта у Газы в этом отношении было сравнительно благополучно: там вода подавалась из Египта по трубам — так осуществилось старинное арабское предсказание, что воды Нила со временем потекут в Палестину. Трудности доставки воды на далекое расстояние для снабжения армий знакомы всякому, кто знает условия войны в пустыне. Для варки пищи и питья необходимо иметь галлон на человека в день, не считая ни капли для мытья, а каждый галлон весит 10 фунтов. Эта цифра дает представление о весе того огромного груза, который представляет собой ежедневную потребность в воде десятков, а иногда, может быть, и сотен тысяч людей, а также животных, которые потребляют по 6 галлонов в день. Держать запасы воды трудно, так как в жарком сухом климате она быстро испаряется. Я вспоминаю один суданский поход (в 1884 г.), когда войска в пустыне вынуждены были удовлетворяться двумя пинтами воды в день. Люди шли с пересохшими горлами, потрескавшимися до крови губами, испытывая величайшие муки. Мне неизвестно, какой водный паек получали войска Алленби на правом фланге, но я знаю, что для доставки воды и других припасов его войскам за 15—20 миль от железной дороги требовалось, помимо других видов транспорта, 30 тыс. верблюдов.

Подготовляя операцию в таких трудных условиях, Алленби понимал, какое важное значение будет иметь неожиданность, ибо большая фронтальная атака на хорошо укрепленные и защищенные проволочными заграждениями позиции у Газы должна была привести к массовым потерям, причем нельзя было предвидеть исход битвы. Зато если бы удалось опрокинуть турецкий левый фланг, то туркам волей-неволей пришлось бы эвакуировать укрепления Газы. Алленби считал более выгодным, при условии преодоления природных препятствий, сосредоточить силы на своем правом фланге для нанесения удара по турецкому левому флангу у Шерии и Харэйры, где оборонительные укрепления турок были менее страшны, но при

этом в первую очередь нужно было взять Беершебу, потому что там была вода. Завладев источниками воды в Беершебе, можно было гораздо легче организовать наступление сильных частей на Шерию и Харэйру.

Итак, нужно взять Беершебу, но этот план необходимо сохранить в тайне во что бы то ни стало. Турки располагали хорошими дорогами позади своих позиций и могли их использовать для подвоза подкреплений к левому флангу. На стороне Алленби пути сообщения были плохие. Почва была изрезана лощинами и оврагами с непроходимыми для транспорта спуском и подъемом. Войска правого фланга Алленби получали все необходимое с помощью растянутой караванной цепи верблюдов.

План Алленби состоял в следующем. Предполагалось атаковать Газу с суши, поддерживая эту атаку бомбардировкой с моря, чтобы таким путем ввести в заблуждение неприятеля. На другом же, решающем фланге, внутри страны, в первую очередь должна быть захвачена Беершеба неожиданным ударом. Затем, опираясь на Беершебу с ее колодцами, предполагалось сосредоточить войска для главной атаки к северу и к северо-западу от этого пункта. «Соблюдение тайны — превыше всего» — таков был руководящий принцип, ибо сохранение тайны означало почти верный успех операции, раскрытие же плана могло привести к тяжелому поражению.

Тут мы вновь встречаемся с нашим знакомым Маннерингом, работником британской разведки: на него была возложена задача обмануть противника. Времени в его распоряжении было много. Он начал плести свою паутину обмана еще в сентябре или даже раньше, а внезапная атака на Беершебу была назначена на 31 октября. Неприятеля необходимо было ввести в заблуждение в двух направлениях: во-первых, нужно было создать у него впечатление, что серьезное наступление раньше конца ноября не предполагается, и, во-вторых, что атака, когда она осуществится, будет направлена против позиций у Газы, на крайнем правом фланге турецкого фронта.

Весь сентябрь ушел на то, чтобы всячески дезинформировать турок. Тут применялись различные методы. Передавались, например, по радиотелеграфу ложные сообщения, зашифрованные по коду, с которыми путем применения разных хитростей дали туркам возможность ознакомиться. Турки придавали такое большое значение этим сообщениям, что одна из их приемных станций специально была предназначена для того, чтобы слушать британские радиопередачи, не пропуская ничего. Радиограммы посылались часто, притом не только официального характера, — иногда радисты сносились между собою «в частном порядке». Так например, один радист просил своего приятеля сделать ему личное одолжение и узнать, «когда начальник уезжает, и надолго ли?» Этим, дескать, интересуется такой-то полковник. Через некоторое время последовал ответ: «Начальник (т. е. Алленби) уезжает в Суэц 29 октября и вернется около 4 ноября». (Нужно иметь в виду, что именно в эти дни должны были произойти решающие события.) Кавалерийский корпус пустыни, занимавший крайний правый фланг, инсценировал, якобы, полученную им информацию о том, что недоступность

этой холмистой страны для действий кавалерии вновь подтверждается и из других источников. Позже, когда патрули занялись обследованием местности вокруг Беершебы, что могло вызвать подозрение у неприятеля, были переданы сообщения, из которых было ясно, что деятельность англичан в этом районе ограничивается лишь рекогносцировкой и не имеет в виду серьезной операции.

Наиболее драматическая часть этой истории впереди, но если бы мы ограничились только ею, то создалось бы впечатление, что вся разведывательная работа на фронте состоит из одних грандиозных подвигов. Между тем и тут для обеспечения успеха нужна такая же упорная и систематическая «черная работа», как и в других областях человеческой деятельности.

Со временем выяснилось, что турки, начиная с 26 сентября, развернули энергичную работу по укреплению Газы. За время от 26 сентября до конца октября эти укрепления стали вдвое более сильными.

В начале октября Маннеринг решил предпринять решающую попытку обмануть врага, и тут мы переходим к его коронному номеру — истории с офицерской полевой сумкой, которая послужила приманкой.

При ловле рыбы с помощью искусственной приманки лучших успехов достигают те, которые поняли, что дело совсем не в том, какой вид имеет приманка в руках рыболовов, а важно другое — в каком виде она представляется рыбе, когда она видит ее через воду против света. А Маннеринг, как я узнал, вообще страстный рыболов. И вот ему пришла в голову мысль обмануть турок инсценировкой потери офицерской сумки при условиях, исключающих всякую возможность заподозрить задуманную им хитрость. Самое важное в этом деле было — учесть то впечатление, которое должна была произвести эта приманка на германцев и турок.

Прежде всего нужно было устранить возможность подозрения. В Турции того времени, как известно, господствовало пристрастие к бакшишу (взяткам): перед проведением реформ не было почти ничего такого, чего нельзя было бы купить за деньги. Всюду царили взяточничество и продажность, но деньги не давались даром, а лишь в виде вознаграждения за определенные услуги. Никто не поверил бы, что кто-нибудь способен нарочно бросить крупную сумму денег. Маннеринг вложил банкноты на 20 фунтов стерлингов в записную книжку и сунул ее в

полевую сумку. Эта записная книжка армейского образца заключала ряд указаний о ее принадлежности штабному офицеру из ставки Алленби. Это была подлинная записная книжка с массой старых, интересных для врага, но не имевших актуального значения заметок; зато последние записи в ней были рассчитаны на то, чтобы ввести его в заблуждение.

Кроме того, в книжке было много интимного. Что может быть дороже для мужа на фронте, чем письмо от жены из Англии, в котором сообщается о появлении на свет первого ребенка-сына? Как можно рассчитывать, что муж добровольно расстанется с такого рода письмом? Но такое письмо могла написать только женщина, и Маннеринг нашел женщину, которой можно было доверить эту задачу. Она справилась с ней великолепно. Вот что писала «жена» своему «мужу» из Лондона[1]:

«36, Бэлем Гарденс, Лондон, Ю. З., 21 августа 1917 г.

Любимый мой!

Как я хочу, чтобы ты был здесь. Я жажду тебя видеть, и мне так хотелось бы показать тебе нашего маленького сына. Как я горжусь им! Это такой великолепный мальчуган и такой ласковый...

Ты не должен беспокоиться о нас: у меня силы с каждым днем прибавляются, а ребенок, по заключению врача, в прекрасном состоянии. Мы его назвали Ричардом; я знаю, это имя всегда тебе нравилось. Я знала, как тебе будет приятно, что я это запомнила.

Все твои сестры навещали меня, и Алиса сразу захотела усыновить его.

Я послала тебе телеграмму сейчас же, как родился бэби, и через три дня получила ответ. Если бы вместо телеграммы ты сам приехал, было бы чудесно. Милый, ты должен постараться приехать, чтобы повидать твоего маленького сына. Не смейся надо мной, но мне кажется, он очень похож на тебя. Он такой прелестный, и ты его также будешь любить.

При налете цеппелинов в нашем районе не сбрасывали бомб. Бедное дитя только родилось на свет, а тут эта ужасная война, и немцы с воздуха бомбардируют Лондон. Луи в своем бюро еле уцелел; стекла в окнах его конторы разбиты.

[1] В письме дан был настоящий адрес, который я заменил вымышленным.

До свидания, мой дорогой. Няня говорит, что я не должна переутомляться и писать слишком много. Скоро опять напишу, и тогда уже более подробно. Береги свою драгоценную жизнь. Целую крепко.

Любящая тебя жена *Мэри.*

Бэби шлет поцелуй папе».

Я несколько раз перечитывал этот документ и едва мог поверить, что это ложное письмо, имеющее целью обмануть врага, а не доставить радость супругу.

Письмо, измятое при многократном перечитывании, было вложено в бумажник. Тут же было и другое письмо от 6 сентября, посланное из расположения правого фланга войск Алленби; под ним была подпись офицера, находившегося там со своим полком. Это письмо должно было создать впечатление, что раньше конца ноября наступление не будет предпринято. Письмо начиналось с выражения недовольства по поводу того, что предполагавшееся наступление «вновь отложено». Затем следовали едкие замечания по поводу совещаний в ставке Алленби (повестка одного из таких совещаний и подложные приказы также были вложены в бумажник). Автор письма добавлял: «Я полагал, что Алленби — человек, который может принимать решения, не прибегая к совещаниям». Далее он опять пишет в разочарованном тоне: ну, что ж, если дело действительно решено, то нет никакого смысла ворчать. Но все-таки глупо начинать наступление в тот момент, когда ожидаются наиболее сильные дожди. Автор письма (который, как мы должны помнить, находился в безводной местности, где передвижение больших войсковых частей зависело от доставки воды) добавляет: «дошло уже до того, что транспорт для офицерской столовой ограничен одним верблюдом. Где уж тут говорить о роскоши!» Письмо заканчивается упоминанием (оно должно было создать впечатление несдержанности) о предполагаемой морской атаке к северу от Газы, причем отмечена мощность укреплений Газы. Все это сопровождается замечаниями о разных мелочах.

Это письмо лежало в сумке рядом с письмом счастливой супруги своему мужу.

Кроме писем, в сумку был положен общий приказ по армии, выпущенный в начале сентября. В нем обращалось внимание на то, что в пункте, носящем название Абу-Сита, построена новая показательная система окопов, представляющая собой точную копию тех оборонительных укреп-

лений, которые имеются у неприятеля поблизости от берега. Каждому офицеру и унтер-офицеру этого района предлагалось специально изучить эти окопы, пользуясь тем, что до начала наступления еще достаточно времени.

Кроме того, в сумку были положены карты, различные мелочи, а также копия телеграммы из ставки Алленби кавалерийскому корпусу пустыни, в которой предлагалось поручить штабному офицеру произвести обследование местности впереди правого фланга, чтобы проверить, действительно ли естественные препятствия на этом фланге делают обходный маневр против турецкого левого фланга практически неосуществимым. Среди всех этих бумаг имелось несколько черновых шифрованных заметок, имевших целью помочь неприятелю расшифровать дезинформирующие сообщения, составленные этим шифром.

10 октября Маннеринг, положив в сумку завтрак, сел на лошадь и в сопровождении небольшого конвоя отправился на территорию, отделявшую турецкие войска от английских. Оставив конвой позади, он пересек речку и поехал к северо-востоку по направлению к Шерии, где проходит главная линия турецких оборонительных укреплений. У Маннеринга был хороший резвый конь. Вскоре он натолкнулся на турецкий конный патруль, который погнался за ним. Маннеринг проскакал около мили, и турки от него отстали. Тогда Маннеринг сошел с коня и начал стрелять по патрулю на расстоянии 600 ярдов. Это вывело из себя патрульных, они вновь погнались за ним и начали стрелять, хотя никакого вреда не причинили ему.

Этот момент Маннеринг использовал для осуществления своего плана. Он поспешно вскочил на коня, распустив при этом ремни, которыми были привязаны его сумка, полевой бинокль, а также фляга с водой — вещь, особенно ценная в тех местах. Уронил также свою винтовку, предварительно смазав ее свежей кровью из легкой ранки, которую получила лошадь, где-то задев скалу. Все эти мелочи были рассчитаны на то, чтобы создать впечатление беспорядочного бегства. Полагая, что сделано все нужное для достижения цели и что турки достаточно приблизились и заметили оброненные предметы, Маннеринг ускакал, пошатываясь в седле, словно раненый. Эту игру он прекратил только подъезжая на полном скаку к британской линии фронта. Он был уверен, что успех обеспечен, но, желая закрепить его, он разослал ряд шифрованных телеграмм о потере сумки с важными документами.

На следующее утро, 11 октября, в приказе по кавалерийскому корпусу пустыни было отмечено, что один штабной офицер, совершая патрульную поездку, потерял свою записную книжку и что нашедший ее должен немедленно вернуть в ставку Алленби. Затем какой-то офицер, отправляясь с патрулем к турецким линиям, сделал такую «глупость»: завернув свой завтрак в копию этого приказа, он обронил его близ линии неприятеля. Известно, что глупость англичан вошла в поговорку. Кроме того, на поиски потерянной записной книжки был послан отряд верховых, которые будто бы ворчали: «Наши штабные дошли до предела в ротозействе. Они сеют сумки, а мы подбирай».

Вот что было посеяно. Теперь посмотрим, какова была жатва.

Работы по укреплению турецких окопов вокруг Шерии, Харэйры и Беершебы сразу стали ослабевать, а одновременно турки с удвоенной энергией стали укреплять Газу. Новые подкрепления, посланные с севера, были направлены в Газу, а не в Шерию. Последней прибыла 19-я турецкая дивизия, которая заканчивала свое комплектование в тылу Газы, в то время как Беершеба подверглась нападению (31 октября), а турецкие основные резервы, состоящие из двух дивизий, были сосредоточены поблизости от берега в тылу Газы, на достаточно далеком расстоянии от восточного фланга, где должны были произойти решающие события. С севера прибыли в приморский сектор 50 аэропланов в разобранном виде. Их не спеша разгружали в тот самый момент, когда Алленби нанес свой удар; когда началось отступление, они были отчасти сожжены, отчасти захвачены британцами.

27 октября турецкая кавалерия атаковала британские передовые посты у Карма, повидимому, желая проверить, какие за ними скрываются силы. Но английские верховые патрули дали отпор и держались, пока не подоспела на помощь пехота, которая заставила турок отступить. В тот же самый день и затем снова 30 октября британские военные суда бомбардировали Газу, подкрепляя, таким образом, впечатление, созданное документами из записной книжки.

В ночь с 30 на 31 октября все войска, предназначенные для наступления на Беершебу, достигли указанных им пунктов. Первое наступление начато было в 15 мин. пополуночи. Я не знаю, как Маннеринг провел этот день. Если он в этот вечер был в ставке, то я могу себе пред-

ставить его самочувствие, когда получено было сообщение, адресованное «Г» (генеральному штабу) и «Р» (отделу разведки): «Беершеба занята в 19 час. 40 мин. кавалерийской бригадой. Приблизительное количество пленных 250, 9 полевых орудий. В Беершебе обилие воды».

Основываясь на захваченных документах, мы можем теперь проследить, какова была судьба полевой сумки-приманки, после того, как она попала в руки врага.

Из турецкой официальной сводки за 10 октября и следующие дни видно, что документы, найденные в захваченной полевой сумке, немедленно были переданы самому генералу фон Крессу, германскому командиру, и что изучение этих документов производилось под его личным наблюдением. В приказе фон Кресса, найденном в Беершебе 1 ноября, на следующий день после занятия ее, дано изложение эпизода. Там говорилось, что «в сумке была обнаружена записная книжка, содержавшая сведения о силах врага, очевидно, принадлежащая офицеру неприятельской ставки. В этой записной книжке... была также важная информация о его планах и действиях врага». В приказе фон Кресса выражалась особая благодарность турецким солдатам, захватившим документы, а в заключение было сделано предостережение всем чинам турецкой армии о недопустимости таких промахов, как потеря секретных документов, ибо они могут попасть в руки неприятеля.

8 ноября в Газе была найдена копия подобного же приказа по 20-му турецкому армейскому корпусу. В приказе, после подробного изложения инцидента с сумкой, сообщалось, что счастливый унтер-офицер, в руки которого попал документ, получил хорошее вознаграждение. В этом приказе находим следующий параграф:

«Информация, содержавшаяся в этих документах, имела столь важное значение, что мы могли установить дату неприятельского наступления. Это дает нам возможность предупредить врага, и, как только в Газу придут подкрепления, мы сокрушим дерзких англичан».

Представив такое убедительное доказательство успешности затеи Маннеринга, мы можем закончить наш рассказ о сумке-приманке. Более удачный пример блефа мне не попадался во всей истории войны на Востоке — за исключением фантастических рассказов в духе ветхого завета.

В результате успешно проведенной внезапной атаки были захвачены с ничтожными жертвами весьма сильные по-

зиции, которые имели решающее значение для дальнейших операций. Было захвачено 2 тыс. пленных и 13 орудий, турки оставили на поле битвы 500 убитых. Алленби рапортовал: «Этот успех обнажил левый фланг основных турецких сил для решающего удара... Турки в Беершебе, несомненно, были застигнуты совершенно врасплох».

После сосредоточения достаточных сил в районе Беершебы решающий удар был нанесен 5 ноября. Перед этим неприятелю было внушено впечатление, что беершебская операция не является прелюдией к решительной атаке на основные позиции, а носит лишь характер развернутой рекогносцировки. Турецкий восточный фланг, опиравшийся на Харэйру и Шерию, был прорван. Газа пала 7 ноября, и турецкая армия начала общее отступление. 14 ноября передовые части Алленби уже были у важной узловой станции, где сходятся пути из Газы и от берега к Иерусалиму, 16-го они достигли Яффы, 9 декабря был занят Иерусалим и 11 декабря Алленби вошел в «святой» город через Яффские ворота.

Тут мы можем пока расстаться с этим театром военных действий, напоминающим о временах ветхого завета и походов крестоносцев. В дальнейшем мы к нему вернемся и расскажем о новых попытках мистификации врага перед решительной битвой у Меджиддо 19—25 сентября 1918 г., в результате которой было сломлено сопротивление турок и начался разгром и сдача всей турецкой армии.

ГЛАВА XVII

ПЯТАЯ БРИТАНСКАЯ АРМИЯ

(Март 1918)

Тысяча девятьсот семнадцатый год, как мы уже говорили, был в основном годом тяжелых разочарований для Антанты на главных театрах войны. Наступление Нивелля в апреле, которое столь сильно рекламировалось и стоило таких огромных жертв, вызвало волну пораженчества во Франции и сопровождалось восстаниями во французской армии. Беспощадная подводная война нанесла такой большой ущерб торговому флоту всех стран, как воюющих, так и нейтральных, что Великобритания была ближе к поражению, чем когда бы то ни было после XVIII в. Правда, в апреле США объявили войну Германии, но германская армия, представлявшая решающий фактор в войне, могла почувствовать силу американских войск только через не-

сколько месяцев. Крушение России и Румынии дало возможность германским и австрийским войскам нанести удар Италии у Капоретто в октябре (двенадцатое сражение у Изонцо 24 октября — 26 декабря 1917 г.).

В качестве компенсации общественному мнению можно было преподнести в виде подарка занятие Багдада в марте, поражение турок у Газы в ноябре и занятие Иерусалима в декабре. Однако ни один из этих эпизодов не мог облегчить положение армий Антанты, противостоявших основным силам германской армии во Франции и во Фландрии, а между тем операции в Палестине поглощали живую силу и военное снаряжение, ослабляя, таким образом, главный фронт, где ожидалось решительное наступление.

Где будет нанесен следующий удар? Некоторые предполагали, что он будет направлен против Италии, чтобы окончательно вывести ее из строя. В союзном верховном военном совете, который был создан после Капоретто, мнения разделились, и в течение нескольких недель в начале 1918 г., когда была дорога каждая минута, это высшее учреждение не давало никаких ясных указаний. Еще раньше британская разведывательная служба на западном фронте получила сведения о новых методах германского наступления. Эта информация поступила с других театров войны, с русского и итальянского.

Положение в России вполне определилось. В военном отношении Россия была парализована, всякие сомнения на этот счет постепенно превратились в уверенность. После развернутого брусиловского наступления в 1916 г., которое, наряду с британскими атаками на Сомме, значительно облегчило положение французской армии во время мужественной защиты Вердена и тяжелых боев на восточном фронте в 1917 г., русская армия потерпела решительное поражение в боях под Ригой (1—5 сентября 1917 г.), где наступлением руководил генерал фон Гутье.

Таким образом, на восточном фронте Германии не угрожала серьезная опасность. Однако крушение царской России не привело к ослаблению французских и британских армий на западном фронте. При всем желании ни французское, ни британское правительства не могли снять войска с фронта и послать их на помощь России, чтобы отразить германское вторжение, — не было путей сообщения, по которым они могли бы доставить своевременно войска на русский фронт.

Иначе обстояло дело с грозным наступлением на итальянском фронте. После битвы у Капоретто, начавшейся

24 октября 1917 г., итальянская армия была отброшена к линии на р. Пиаве, где фронт был стабилизован с помощью французских и британских войск. Если бы эти части не были сняты с западного фронта, они могли бы поддержать блестящее наступление британской третьей армии у Камбре в ноябре, которое в таком случае не осталось бы лишь уступкой общественному мнению, а дало бы более серьезные результаты.

Отметим, что план атаки у Капоретто также приписывался генералу фон Гутье. Основная характерная особенность этого метода атаки состояла в расположении огромного числа дивизий на определенном участке в виде растянутой дуги; от нее протягивались пути продвижения армии, сходящиеся на более узком участке фронта. На переднюю линию фронта выдвигались лишь отдельные части различных видов оружия, например, одна батарея из артиллерийской бригады и другие части в соответственном количестве. Таким образом, до самого начала боя не было никаких указаний, что готовится сокрушительный удар. Выдвинутые вперед отдельные батареи должны были пока пристреливаться к основным мишеням и производить рекогносцировку, с тем чтобы собранные данные могла использовать главная масса артиллерии во время наступления. Основная масса подкреплений оставалась в трех переходах от линии фронта до самого момента нажима рычага, и тогда вся эта огромная человеческая масса приходила в движение и обрушивалась на врага. Развернутому наступлению предшествовала жестокая бомбардировка, имевшая целью уничтожить все препятствия и сломить всякое сопротивление. Таким рисовался нам план фон Гутье, «организатора победы».

Каково же было положение в январе 1918 г. в главной квартире сэра Губерта Гоуфа, командующего пятой британской армией на амьенском фронте? 10 января его армия с достаточными силами удерживала около 12 миль союзного фронта — к северу от Гузокур до р. Оминьона. В течение следующих двух дней этой армии передали дополнительный участок фронта, который раньше — направо от нее — занимал один армейский корпус. Между 26 января и 3 февраля Гоуфу пришлось заполнить своими частями еще участок фронта другого французского корпуса, и, таким образом, линия фронта, занимаемая армией Гоуфа, была растянута вправо до Баризи за р. Уазой; общее протяжение его фронта равнялось 42 милям. Таким образом, британский фронт, в особенности фронт

пятой армии, растягивался и становился все тоньше и тоньше, между тем как германская армия усиливалась с каждой неделей.

Общая численность всей армии Хейга в марте 1918 г. была на 180 тыс. человек меньше, чем в марте 1917 г., почему Хейг не мог больше выделить никаких частей для поддержки Гоуфа. Предполагалось, что если в результате наступления превосходных сил германцев линия фронта подастся назад, то предпочтительно образовать выступ на фронте пятой армии, так как у нее в тылу останется больше пространства для маневрирования, чем в другом месте. Дальше на севере вынужденное отступление могло бы явиться прямой катастрофой, потому что там наступающие и без того были уже близки к берегу. Кайзер сам находился позади германской линии фронта, выжидая момент, когда он сможет победоносно вступить в Париж. Эта крупная операция, задуманная Людендорфом, уже заранее была прозвана «битвой кайзера». Германские военнопленные называли это сражение «последним жертвоприношением» или «последним шагом к победе».

Хейг сделал все возможное, чтобы получить подкрепления для поддержки Гоуфа. Но верховный военный совет, повидимому, не понимал, что опасность так близка. Мнения в совете разделились. Ллойд Джордж носился с планами дальнейшего ослабления армии Хейга, пытаясь найти более легкие пути к победе, чем на участке фронта, занятом главными германскими силами. Впервые за время войны такого рода проекты были поддержаны ответственным военным консультантом правительства, вследствие чего просьба Хейга о присылке добавочных войск не была удовлетворена. Таким образом, Гоуф был предоставлен самому себе.

Крупные события во время войны подчас зависят от незначительных явлений. Я намерен рассказать, как небольшая провинциальная германская газета, поместив с виду совершенно невинное сообщение, выдала план германского наступления — план самой ожесточенной в истории войн атаки, которой не могла бы выдержать никакая армия, если бы она началась неожиданно.

Для Гоуфа, располагавшего недостаточными силами, сведения о германском плане имели крайне важное значение. И он получил информацию не только о том, что именно против него готовится сокрушительный удар, — он со временем узнал также и день, когда этот удар

будет нанесен. Разведка оказала ему большую услугу — он не был застигнут врасплох. Скудные средства обороны, которыми он располагал, были использованы в полной мере, и время, оставшееся до начала германского наступления, было в первую очередь посвящено улучшению укреплений на тех участках фронта, которые ему недавно пришлось занять в порядке преемственности.

Насколько мне известно, до сих пор в печати еще не появлялись сведения о том, каким образом Гоуфу удалось получить эту информацию. Вот как это произошло.

Гоуф располагал 11 дивизиями на фронте и 4 резервными стрелковыми дивизиями. Он занимал фронт протяжением в 42 мили. В третьей армии Бинга, расположенной севернее (слева от Гоуфа), на протяжении 26 миль фронта было 10 дивизий на фронте и 7 в резерве. Против этих двух британских армий было сосредоточено 67 неприятельских дивизий, размещенных на большой дуге, радиусы которой — для основной массы войск — были не длиннее трех ночных переходов; словом, та же картина, что и под Ригой.

Новая тактика привела к успеху уже дважды, в особенности против России. Британия теперь несла на себе главное бремя войны во всех областях: моральной, морской, военной, воздушной, экономической и финансовой. Попытка Германии нанести сокрушительный удар Британской империи с помощью беспощадной подводной войны в 1917 г. потерпела неудачу и лишь привлекла Америку к участию в войне. Значит, необходимо принять какие-то крайние меры против главного врага — Англии, и это необходимо сделать раньше, чем массы американских войск начнут прибывать в Европу. Можно было предполагать, что новый удар будет страшнее, чем тот, который был нанесен русской армии под Ригой. Но куда он будет направлен — против основных сил британской армии или против наиболее слабой части британского фронта, занимаемой Гоуфом?

Отметим еще значение фактора местности. Верховный военный совет, решив, что Гоуф должен растянуть линию своего фронта к югу, чтобы таким образом облегчить положение французов, мотивировал свое постановление тем, что значительная часть фронта Гоуфа проходит по болотистой местности и там для защиты не требуется, дескать, много сил. Вообще говоря, болото, — конечно, важный фактор во время войны. Еще Наполеон сделал это открытие накануне битвы при Ватерлоо. Нечто подоб-

ное было и в Пашенделе у Хейга. Но дело в том, что в марте 1918 г. на линии фронта пятой британской армии в этих болотистых местах совсем не было болотной грязи. В ту исключительно сухую зиму (начиная с декабря держалась сухая погода) болота высохли совершенно, и даже р. Уаза не представляла особых препятствий для перехода.

Очутившись в таких условиях, Гоуф в январе издал приказ, в котором предупреждал своих высших командиров о том, что им предстоит. Около того же времени Гоуф получил сведения, которые превратили его догадку в уверенность.

В январе 1918 г. молодой германский летчик, поднявшись с аэродрома в районе Сен-Кантена, направился на запад. Это был его последний полет. Он был сбит в районе пятой армии и упал, тяжело раненный пулей в грудь навылет. Его враги отнеслись к нему как к храброму юноше, и было сделано все, чтобы спасти его жизнь, но безуспешно. Он умер в госпитале и был похоронен со всеми подобающими почестями.

Теперь перенесемся в Швейцарию. На этом клочке нейтральной земли, окруженной воюющими странами, свободно распространялись газеты всех этих стран. Там были организованы бюро разведки как союзниками, так и их противниками. Понятно, что агенты Антанты усердно искали военную информацию в германских газетах. При этом особенно тщательно изучались мелкие провинциальные газеты, которые выходили в таких местах, где цензура была менее опытной и менее строгой, чем в более населенных пунктах, откуда газеты чаще попадали за границу. Однажды агент союзной разведки, просматривая утром небольшую баденскую газету, натолкнулся на письмо в редакцию от матери молодого летчика, отдавшего свою жизнь за отечество в районе британской пятой армии. Эта бедная женщина с гордостью процитировала также письмо, полученное ею от одного высокопоставленного военного, командующего армией в районе Сен-Кантена. Редактор газеты опубликовал письмо командующего армией, не видя в этом ничего плохого. Письмо было подписано генералом фон Гутье.

Имя фон Гутье, организатора победы у Риги и в других местах, до этого момента никогда не встречалось на западном фронте. Его прибытие в Сен-Кантен держалось в тайне, которая сохранялась столь же ревностно, как и прибытие Нельсона в Кадикс в октябре 1805 г. из Швей-

царии. Сообщение об этом вскоре дошло до командующего британской пятой армией. Вот каким путем догадки Гоуфа превратились в уверенность.

3 февраля Гоуф сообщил командирам своих частей, что, по всей вероятности, скоро на них обрушится удар. Он разъяснил им, что сектор р. Уазы не может считаться неуязвимым — вопреки доводам, которые по этому поводу приводились в другом месте [1]. Гоуф указывал на то, что сражение у Риги было начато переходом войск фон Гутье через реку. За месяц до наступления был отдан приказ сделать приготовления для взрыва 350 мостов в том случае, если армии придется под давлением превосходных сил неприятеля податься назад. (Когда это произошло, мосты были уничтожены.) По мнению Гоуфа, стремление во что бы то ни стало держаться на определенной линии могло привести к роковым последствиям; прорыв фронта означал бы катастрофу; тонкая линия фронта может согнуться, подобно гибкой стали, но не должна ломаться, как чугунный брусок. В соответствии с этим были приняты все необходимые меры. Общий вывод 3 февраля был таков: главного удара германского наступления следует ждать против третьей и пятой британских армий, причем основной целью его будет Амьен.

Вот к какому результату привело письмо немки, гордившейся своим погибшим сыном, и нарушение секретности редактором небольшой провинциальной газеты. Внезапность, этот мощный фактор войны, не была достигнута. Артиллерия каждого корпуса британской пятой армии получила указания разрушать определенные участки дорог за линией германского фронта. Эти участки подвергались постоянно тщательному наблюдению и аэрофотосъемке. Когда было установлено, что немцы поспешно ремонтируют эти дороги, стало очевидным, что надвигается большое наступление. 12 марта был издан приказ о подготовке к бою; затем 20 марта — приказ всем занять боевые позиции, а за несколько часов до начала германского наступления — приказ быть готовым к бою. Один офицер, только что вернувшийся из отпуска, посетил главную штаб-квартиру пятой армии вечером 20 марта. Его хорошо накормили ужином и предложили ночью же от-

---

[1] Я хорошо помню, как, рассматривая в те дни в Уайтхолле карту фронта, я думал, что р. Уаза и ее окрестности представляют препятствие, которое остановит наступление врага. Я не знал, что река почти высохла.

правиться, чтобы утром быть готовым к бою, в котором он и погиб.

Что произошло потом, в общем хорошо известно. Тонкая линия фронта пятой армии отогнулась назад почти до Амьена; она согнулась, но не была сломлена. Великий план Людендорфа потерпел неудачу, и кайзеру не удалось вступить в Париж. Лорд Милнер был спешно направлен из Англии в Дуллан, так как в высших сферах положение признавалось отчаянным; он взял на себя 26 марта большую ответственность, дав согласие от имени британского правительства на предоставление Фошу полномочий по координированию действий союзных армий. Это должно было обеспечить на будущее взаимную помощь в критические моменты; Хейг горячо поддерживал это решение. Гоуф, в действиях которого нельзя было найти ни одной ошибки и который удостоился похвалы своего начальника Хейга, был потом сделан козлом отпущения в глазах общественного мнения, не знакомого с обстоятельствами войны. Истинное положение долго оставалось скрытым, потому что донесение Хейга не было опубликовано в течение многих месяцев.

Мы в другом месте уже говорили о слухах, которые распространялись среди лиц, не располагавших военной информацией, и о том, каков был эффект этих толков. В связи с этим интересно рассказать о приезде Гоуфа в Лондон. Я был при том, как Гоуф вошел в курительный зал одного лондонского клуба. Он был в бодром настроении и ничем не показывал ни малейшего следа огорчения по поводу тяжелого удара, полученного им как раз тогда, когда он достиг вершины своей военной карьеры. Он с увлечением рассказывал анекдот, который передавали о нем за чайным столом где-то в Кенсингтоне. Постараюсь передать этот рассказ его собственными словами:

«Знаете ли вы, друзья, что обо мне говорят в Лондоне? Одна почтенная старая леди в Кенсингтоне заявила: «Вы слышали об этом ужасном генерале Гоуфе? Оказывается, он спал во время великого сражения!» И он добавил: «Спал! Ну, конечно, я спал. Сражение продолжалось пять дней, и я спал, как младенец, когда представлялся случай».

Слушая это, я думал, что вряд ли было разумно так третировать представителя высшего командования в то время, когда армия Хейга еще находится в тяжелом положении и нуждается в подобных людях, полных бесстрашия

и бодрости. Но беспристрастные историки со временем восстановят всю правду. Некоторые лица, находившиеся далеко от театра войны, потом утверждали, что они заранее предвидели наступление 21 марта 1918 г. Я в своем изложении полагался только на показания людей, бывших на месте и знающих, что́ тогда действительно было добыто путем разведки. И я надеюсь, что приведенные сведения окажутся полезными для будущих историков.

Нам остается заполнить еще некоторые пробелы в нашем изложении и рассказать о событиях, происшедших в последние дни и часы накануне большого наступления, предпринятого фон Гутье на тонкую линию фронта пятой армии Гоуфа, в то время как фон Марвиц наступал несколько далее к северу.

В ночь на 18 и 19 марта была получена информация от германских пленных и дезертиров, из которых двое, как это впоследствии признал и Людендорф, дали точные сведения о предстоявшем наступлении. Затем наступила зловещая тишина и напряженное ожидание бури. Чтобы удостовериться в точности сведений о грозившем наступлении, 20 марта был совершен налет на германские окопы вблизи Файе. Было обнаружено, что три германских полка (9 батальонов) были сосредоточены на участке фронта, который до того был занят лишь тремя батальонами. Было взято 15 пленных, и в общем удалось с точностью установить, что в течение ближайших 6 часов развернется наступление. Эти сведения были с возможной быстротой переданы тем британским и французским командирам, которых более всего должно было касаться это наступление.

Рано утром густой туман, как часто бывает в этих местах, совершенно скрыл поле битвы. По описанию одного офицера, бывшего на передних линиях фронта, «над землей стоял густой туман и дул легкий северо-западный ветер». До 4 часов утра царила полная тишина, напряженность которой все больше усиливалась. Для кого был выгоден этот туман — для наступающих или для обороняющихся? Среди тех, которые находились вдали от этих тяжелых испытаний, наиболее распространенным было мнение, будто этот туман благоприятствовал наступлению и что таким образом была достигнута внезапность удара.

Мне кажется, что по отношению к пятой армии утверждение о внезапности неверно. В свете имеющихся у меня сведений о том, что́ было тогда известно о предстоявшем наступлении и что́ было сделано для отражения его за

короткое время после расширения фронта пятой армии, я полагаю, что при лучшей видимости потери немцев от пулеметного огня англичан были бы, конечно, более ужасны. Но нужно принять во внимание и другие факторы: условия артиллерийского обстрела, газовой атаки, встречного огня, а также условия вождения наступающих масс. Людендорф по вопросу о значении тумана не дал определенного ответа. Более интересно ознакомиться с мнением сэра Губерта Гоуфа. Рассматривая относительные выгоды тумана для обеих сторон, он в одном частном письме подтверждает, что это «спорный вопрос». Стоит привести полностью заключительные слова Гоуфа:

«Мое мнение сводится к тому, что сначала, примерно в течение нескольких часов, туман был весьма невыгоден для обороняющейся стороны. Если бы не было тумана, то многие из наших пулеметов, достаточно искусно скрытые, вырвали бы у врага огромное количество жертв. Возможно, что мы могли бы отразить атаку, хотя при огромном превосходстве германских войск это вряд ли вероятно. Как только враг прорвал первые линии обороны и стал продвигаться вперед, он должен был обнаружить, что командование, координирование действий и связь становились все более трудными. Тут, нужно признать, туман явился серьзным препятствием для неприятеля. Почему германцы, несмотря на это, приняли решение, притом ответственное и требующее быстрой реализации? В войне, где все так неустойчиво, где непрерывно действует великое множество факторов, глупо держаться какой-либо догмы. Но мой вывод таков. Если бы день был ясный и наступающая сторона прорвалась через первые линии обороны, потеряв даже значительно больше солдат, чем она потеряла при тумане, то германское искусство управлять массами людей дало бы возможность быстро использовать первый успех. Людендорф не ставил себе какую-нибудь ограниченную цель, его планы были неограниченны, и для их осуществления в бой были введены огромные силы, поддерживаемые широкими резервными массами, а при всех подобных неограниченных военных планах необходима быстрота выполнения во время атаки. Можем ли мы высказать уверенность, что в ясный день германцы были бы остановлены после своих первых потерь? Их численность и их тренировка не дают нам возможности ответить положительно на этот вопрос. В целом же можно сказать, что туман благоприятствовал нашей пятой армии».

В 4 часа 40 мин. утра началась жестокая бомбардировка.

По описанию одного автора, «земля, камень и вулканический дым выплевывались в туман из многих тысяч огромных кратеров, образованных взрывами снарядов». Затем под прикрытием огневой завесы двинулись в наступление войска, которые — по рассказам пленных — были уверены, что это последнее избиение и последний шаг к победе. Это необходимо иметь в виду при оценке исхода боя.

Гоуф впоследствии писал: «Офицерам и солдатам пятой армии, в особенности же семьям тех, кто пожертвовал своей жизнью в эти мрачные дни борьбы, горько было слышать ложные суждения об их действиях и их выдержке, которые так широко распространялись; горько было слушать эти суровые и несправедливые отзывы». Но теперь они могут найти утешение в отзывах противной стороны, показывающих, что страшные потери, понесенные нами при отражении самой жестокой в истории войны атаки, привели нас не к поражению, а к победе. Линия фронта согнулась, но не сломалась, и план Людендорфа, рассчитанный на окончательную победу, по его собственному признанию, закончился неудачей. С этого момента в Германии стали клониться к упадку моральное состояние армии и патриотическое настроение народа в тылу, которые прежде подогревались щедрыми обещаниями. Благодаря тому, что британцам своевременно стало известно о прибытии фон Гутье в Сен-Кантен, пятая армия не была застигнута врасплох, и напряженные приготовления в течение последних недель перед германским наступлением помогли нам предотвратить катастрофу.

В заключение приведу сообщение одного военного, который хорошо был знаком с моральным состоянием пятой армии после ужаснейшего испытания и правильно оценивал результат этого сражения, приведшего к крушению планов противника:

«Ночью 25 марта волна большого наступления на Амьен была задержана. Командующий армией смог сообщить в ставку, что он нуждается лишь в нескольких свежих дивизиях, с помощью которых он может отбросить назад наступающих. Армия гордилась своим успехом, и поздравления посыпались от товарищей из других частей. Так как свежие войска не подошли, то единственное, что оставалось делать, — удержать занятые позиции. Наши небольшие контратаки проводились успешно; они показывали, что наступление врага достигло своего крайнего предела. Когда же до армии дошли сведения, что в выс-

ших сферах началось серьезное беспокойство по поводу создавшегося положения, а вслед за этим пришло сообщение о снятии с поста командующего армией, то в первую минуту нам это показалось неуместной шуткой. Когда же это подтвердилось, то всех охватило чувство глубокого огорчения».

Время — великий исцелитель. Будем надеяться, что правдивые сведения, приведенные мной, со временем вытеснят то неправильное впечатление, которое создалось в эти исторические дни как в высших сферах, так и в народных массах: то была не катастрофа, а великое достижение, которому предшествовал крупный успех в работе разведки, давший возможность предупредить армию о подготовлявшемся германцами наступлении.

Примечание автора. В этой главе германский план преднамеренно изложен мною в свете той информации, которая в то время была известна пятой армии. В действительности, роль фон Гутье была лишь вспомогательной по отношению к роли Марвица, и Амьен не был первоначальной целью этого плана (см. *Лиддль-Харт*, Правда о войне 1914—1918 гг.)

ГЛАВА XVIII

НАБЕГ НА ЗЕЕБРЮГГЕ

(1918)

1

Хотя набег на Зеебрюгге в день св. Георгия (23 апреля) в 1918 г. и был небольшой операцией по сравнению с другими, более крупными событиями войны, но зато он явился одним из самых драматических эпизодов. К тому же он был произведен как раз в нужный момент.

Проходили годы, полные тяжелых и как будто бесплодных жертв, не открывая, казалось, никаких шансов на победу. В авторитетных кругах уже раздавались голоса в пользу заключения компромиссного мира, и хотя население Британской империи было полно твердой решимости биться до победного конца, положение, однако, было тяжелое: вслед за обескураживающими событиями 1917 г. последовали страшные испытания армий Хейга на западном фронте в марте и в первые недели апреля 1918 г.

Ко всем печальным явлениям войны на суше присоединилась беспощадная подводная война, предпринятая германцами в начале 1917 г. Она напомнила лишний раз

британскому народу, что его существование зависит от обеспечения свободы торговых сношений Соединенного королевства с другими странами. Этот урок, подтвержденный всеми крупными войнами в истории, мы иногда забывали. Судя по количеству войск, которые были оставлены в Соединенном королевстве, власти опасались даже вторжения неприятеля в страну.

Невольно напрашивается историческая параллель: аналогия с летом 1805 г. — с месяцами, предшествовавшими трафальгарской битве, когда вся страна была охвачена страхом перед нашествием великой армии Наполеона. Бархэм, этот замечательный старый моряк, писал тогда премьер-министру Питту сейчас же после того, как он после Мельвиля принял должность морского министра: «Если наш флот не перейдет к решительным действиям, то мы пойдем ко дну под тяжестью удара, который готовится против нас... Нужно что-то предпринять, и притом немедленно: одни оборонительные операции... должны кончиться банкротством». Он предлагал произвести неожиданный десант на острове Минорка, который тогда был в руках французов, пользовавшихся им как базой для военных кораблей, а эта база была тогда бельмом на глазу морских властей, ответственных за безопасность пути в Мальту и другие порты Средиземного моря.

Недавно один американский морской офицер[1], говоря о зеебрюггском рейде, приводил мнение, которое когда-то было высказано Вульфом, героем битвы при Квебеке:

«При особых обстоятельствах и в особые моменты потеря тысячи бойцов является для нации скорее достижением, чем уроном, ибо такие смелые вылазки поднимают ее престиж, между тем как обратное подрывает доверие к ее силе, губит войска и порождает бесконечные тревоги и недовольство внутри страны».

Как член секретариата военного кабинета в начале 1918 г. я могу подтвердить, что в Уайтхолле действительно испытывали некоторое беспокойство. В стране стало назревать мнение, что мы дошли до предела и что дальнейшие жертвы жизнью британских солдат во Франции и во Фландрии бесполезны. Казалось, что на победу над германской армией рассчитывать не приходится, пока на фронте не появятся обученные американские войска в достаточном количестве, чтобы дать перевес союзникам.

[1] Lieut.-Commander H. H. Frost. U. S. N. (United States Naval Institute Proceedings) [«Протоколы заседаний Морского института США. Доклад лейтенанта Г. Г. Фроста»].

Беспощадная подводная война в 1917 г. угрожала поставить на колени Британию, главную опору Антанты, в тот момент, когда США, недавно примкнувшие к войне, начали готовить огромную армию для участия в борьбе. Если бы Британия тогда выбыла из строя, американская армия совсем не попала бы на театр военных действий: хотя опасность морских сообщений постепенно уменьшалась, все же трудность обеспечения безопасности транспортов, прибывавших в европейские воды, казалась почти непреодолимой. Побережье Фландрии служило базой для многочисленных подводных лодок, применявших торпеды или расставлявших мины в открытом море. Именно эти корабли потопили значительную часть торгового флота; по германским подсчетам, приведенным адмиралом Шеером, 23% потерь были вызваны действием торпед и орудий именно этих подводных лодок. Мы не знаем, какая доля потерь была причинена минами, но и она, несомненно, была значительна. До конца 1917 г. германские подводные лодки, как торпедоносные, так и миноносные, проходили через Ламанш в обоих направлениях, несмотря на заградительные сети, установленные по линии Дюнкерк — Гудвин. Это заграждение было снято и вместо него 1 января 1918 г. поставлено заграждение по линии Фолькестон — Гри-Нэ (Gris-Nez). Оборонительные меры оказались недействительными. Но нет ли возможности удар нанести со стороны моря по базам подводных лодок во Фландрии? Какой бы отчаянной ни казалась такая попытка, она все же могла удовлетворить хотя бы тем требованиям, которые в старые времена предъявляли такие люди, как Уолфи и Бархэм.

Уже не раз выдвигались проекты нанесения удара по базам подводных лодок, но они не проводились в жизнь. Между тем, каждый месяц отсрочки делал задачу все более трудной. Неприятелю была дана возможность построить сильные укрепления на побережье, и на них к 1918 г. было не меньше 136 тяжелых орудий калибром от 6 до 15 дюймов, в том числе 6 орудий этого крупнейшего калибра, 4 — двенадцатидюймовых и 31 — одиннадцатидюймовых, а кроме того 90 орудий более мелкого калибра. Адмирал сэр Льюис Бейли был одним из первых, кто предлагал наступательные действия против баз подводных лодок. Реджинальд Тайрунт из Гарвича также еще 25 ноября 1916 г. выдвинул подобное предложение и впоследствии неоднократно настаивал на его осуществлении. Наконец, 3 декабря 1917 г. плановый сектор морского штаба

адмиралтейства выработал свой план блокирования входа в каналы у Зеебрюгге и Остенде. Этот план был послан вице-адмиралу сэру Реджинальду Бекону, командовавшему дуврским патрульным флотом, а он через две недели (18 декабря) представил в адмиралтейство свой собственный проект, предусматривавший использование сухопутных войск и мониторов с особыми сходнями в носовой части. Эти мониторы должны были прямо упереться в мол Зеебрюгге и оставаться в таком положении, пока не будет высажен десант. Проект такой экспедиции был в принципе одобрен первым морским лордом Джеллико, но он через несколько дней ушел из адмиралтейства, и его пост занял сэр Росли Уэмис (впоследствии лорд Уэстер Уэмис).

1 января 1918 г. сэр Роджер Кейс, начальник планового сектора адмиралтейства, откуда исходило предложение о безотлагательном принятии активных мер, был назначен командующим дуврским патрульным флотом, и адмиралтейство предоставило ему свободу действий в осуществлении плана блокирования входов в каналы.

Теперь обратимся к рассмотрению задачи, которую предстояло выполнить, и к тем мероприятиям, которые должны были обеспечить тайну этого дела, являвшуюся предпосылкой успеха.

Сущность плана состояла в том, чтобы ввести блокшипы[1] у Зеебрюгге и Остенде в устья каналов, ведущих в Брюгге, где находилась германская база подводных лодок, истребителей и других легких кораблей. Стоит подробнее остановиться на всем этом предприятии, сравнив его с высадкой десанта в Галлиполи три года назад, — с операцией, которую мы в одной из предшествующих глав охарактеризовали как пример полнейшего несоблюдения военной тайны. Для обеспечения тайны прежде всего было решено, как можно меньше записывать на бумаге. Планы рейда обсуждались (в декабре) на заседаниях в адмиралтействе; о них, стало быть, знали больше, чем три человека. В связи с этим уместно вспомнить известную поговорку, что секрет перестает быть секретом, если о нем знают трое. По плану, между прочим, предполагалось использовать для операции некоторые суда мелкой осадки («Айрис» и «Дефодил»), которые применялись как паромные суда на р. Мерси. Главный морской цензор сэр Дуглас

[1] Блокшип — демонтированный корабль, нагруженный балластом и применяемый для заградительных целей в узких водах. —*Прим. перев.*

Броунригг рассказывает в своей книге, что благодаря этому обстоятельству он случайно узнал о зеебрюггском плане. Он не указывает точной даты: по его словам, это имело место в самом начале 1918 г. Находясь в своем кабинете в адмиралтействе вместе с сотрудниками, он услышал, как один морской офицер спросил одного из его помощников, какие газеты издаются в Ливерпуле. Броунригг спросил, зачем ему нужны такие сведения, и получил ответ, что это дело секретное. Так как спрашивавший занимал высокий пост (не в плановом ли секторе?), то стало ясно, что речь идет о чем-то важном. Броунригг обещал сделать все необходимое в отношении прессы, которая была под его наблюдением.

Затем он рассказал эту историю заместителю начальника штаба адмиралтейства и узнал от него, что паромные суда «Айрис» и «Дефодил» нужны для рейда, о котором никто не должен ничего знать. Броунригг указал, что было бы бесполезно доверить тайну адмиралтейства только ливерпульским газетам: отсутствие паромов на Мерси вызовет интерес у миллионов людей не только в Ливерпуле, но и в Биркенхеде, Сальфорде, Манчестере и ряде других городов, где также выходят газеты, в которых могут появиться жалобы по поводу исчезновения паромных судов. Тогда главному морскому цензору было разрешено поступить так, как он найдет нужным. Ему пришлось поделиться тайной с директорами бюро печати, и в результате было решено посвятить в это дело по секрету редакторов всех газет, не только местных, полагаясь на то, что все они проникнуты патриотизмом и сумеют сохранить тайну. Так и было сделано, и Броунригг утверждает: «Никто не проболтался, и нигде ничего не просочилось. Никогда не было сделано ни малейшего намека по этому поводу, и печать лойяльно выполнила пожелания адмиралтейства, как она поступала всегда, когда ей указывалось, чего мы от нее ожидаем». По словам Броунригга, он посетил также спикера (председателя) палаты общин и поделился с ним секретом. Спикер обещал, что если кто-нибудь из членов палаты пожелает поднять вопрос о реквизиции упомянутых двух судов, он в личном разговоре разъяснит ему, в чем дело, и попросит его не поднимать вопрос на заседании.

Броунригг гарантирует, что через печать никакие сведения не просочились. Однако в некоторых военных казармах говорилось о предполагаемом рейде за несколько недель до того, как он осуществился. Вот, например, доне-

сение от 12 марта из одной казармы: «У нас в казарме идет слух о том, что адмиралтейство намерено послать 4 или 5 старых кораблей, наполненных цементом, ко входу в один из каналов у Зеебрюгге, там вступить в бой с противником и потопить эти нагруженные пароходы в канале, чтобы заблокировать его и не дать возможности подводным лодкам выходить из своей базы. Говорят, на сделанное матросам предложение пойти добровольцами в состав команды этих пароходов сразу откликнулось достаточное количество. Добровольцам дается несколько дней отпуска до посадки на пароходы, и слухи эти, повидимому, распространяются ими во время отпуска».

Может быть, оно и так, но я все-таки сомневаюсь в этом. Я могу со своей стороны ручаться за своих старых добровольцев из корпуса королевской морской артиллерии, которой я командовал до конца 1917 г. Я встретил группу их на станции Ватерлоо, когда они уезжали к месту назначения, и долго разговаривал с унтер-офицерами, которых я хорошо знал. Они были очень сдержанны и старались ничего не выболтать даже своему старому начальнику. (Позднее я удостоверился, что они сами ничего не знали и, значит, ничего не могли выболтать во время своего последнего отпуска.)

Сэр Роджер Кейс, должно быть, предвидел возможность некоторой утечки информации и поэтому решил «весьма секретно» пустить в оборот определенную версию о снаряжении старых пароходов и о тренировке моряков и морской пехоты для некоего таинственного предприятия. Любителям болтовни всегда нужно давать какой-нибудь правдоподобный материал для разговоров. Дневники покойного сэра Генри Вильсона показывают, какая тревога царила в Лондоне начиная с марта 1918 г. в связи с опасениями, что германская армия может прорваться до портов Ламанша и даже занять Дюнкерк и Кале. Эти опасения и были использованы сэром Роджером для распространения «в секретном порядке» слухов, что Дюнкерк и Кале могут быть эвакуированы союзниками, а поэтому принимаются меры для блокировки их гаваней и с этой-де целью подбираются специальные корабли, а морская артиллерия в Шуберинесе и морская пехота в Диле специально тренируются для участия в этой операции. При этом подчеркивалась необходимость хранить все в тайне.

Разумеется, план был конфиденциально сообщен генерал-адъютанту морской пехоты и морской артиллерии,

потому что помощь этих частей была необходима при самом десанте и для обеспечения орудийной прислугой и пулеметчиками «Виндиктива», старого крейсера, который был предназначен для переброски основной части десантных войск. Суть дела была сообщена тогдашнему генерал-адъютанту, покойному сэру Давиду Мерсиру, 8 января.

Сразу же начались подготовительные работы, и 24 февраля сэр Роджер Кейс прибыл в Лондон и доложил адмиралтейству о своем плане, который к тому времени уже принял вполне определенные формы. Одним из важных условий плана было применение дымовой завесы, пущенной небольшим судном. При проверке обнаружилось, что химический состав, на котором остановили выбор руководители дуврской патрульной эскадры накануне рождества 1917 г., не соответствует этой цели, так как одновременно с дымом появлялось пламя, что явно не давало иллюзии белого морского тумана и могло привлечь внимание врага. В следующей главе мы расскажем о всей операции в целом, о дальнейшем просачивании информации и о том, как была обеспечена внезапность операции.

ГЛАВА XIX

НАБЕГ НА ЗЕЕБРЮГГЕ

(1918)

2

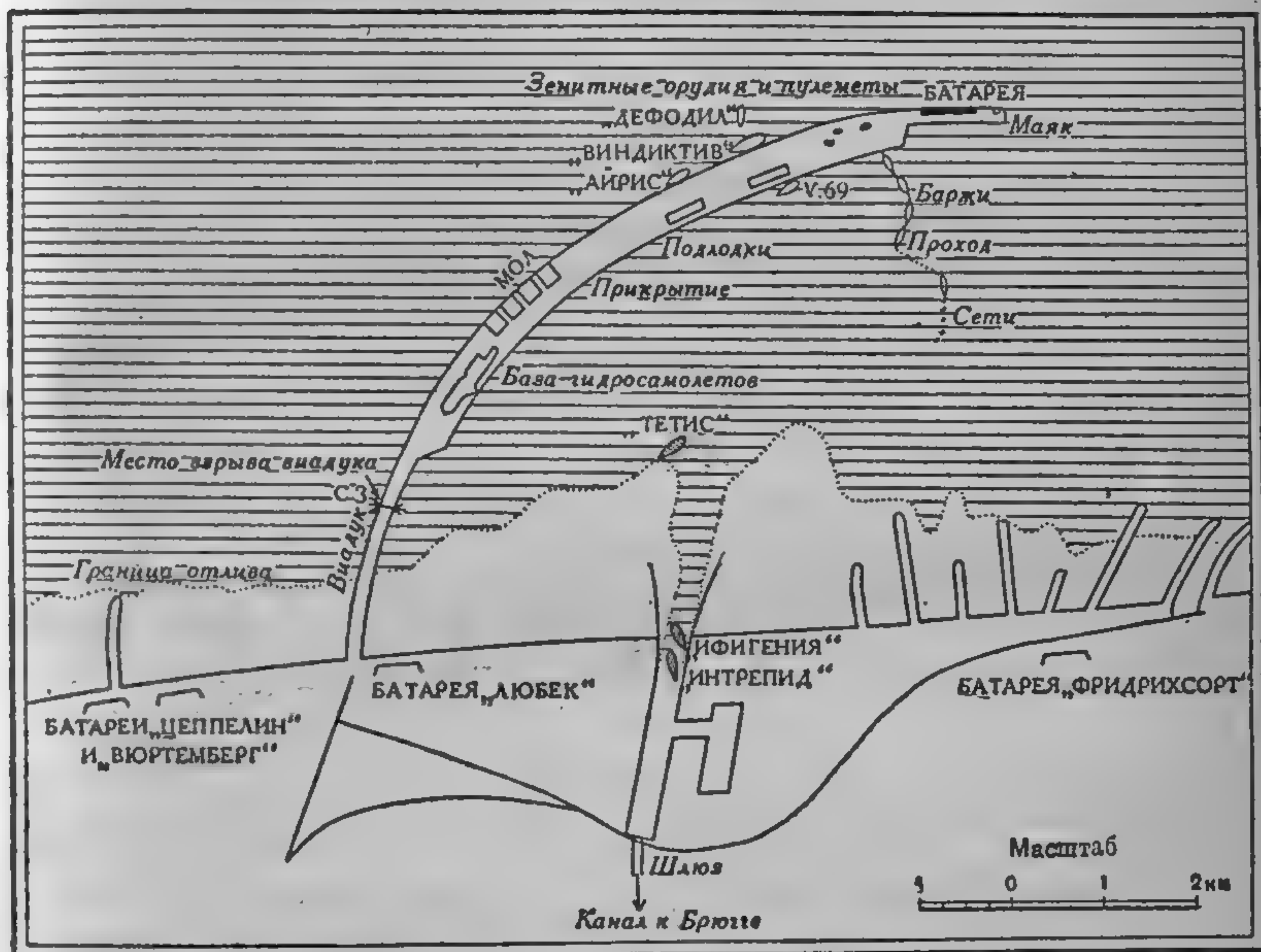
Маршал Фош, изучивший всю доступную ему военную литературу, в начале своей карьеры был назначен лектором высшей военной школы.

Перед его курсом стояла чрезвычайно серьезная задача — дать направление развитию военной мысли во Франции в тот период, когда новая французская армия возрождалась из пепла старого режима, погибшего в огне испытаний во время германского нашествия 1870 г. Огромный материал, изученный Фошем, не был приведен в стройную систему мыслей, связанную единством идеи, что в сильной степени затрудняло построение курса. Уединившись в своем имении в Бретани, он сосредоточился на решении простого, но, по сути дела, основного вопроса: в чем же в сущности дело? «De quoi s'agit-il?» В чем же состоит в конце концов проблема, которую нужно разрешить? Этот небольшой вопрос указывает путь к успеху как

в войне, так и во всех областях человеческой деятельности. «В чем суть проблемы?» Выкинь из головы все остальное и сосредоточься на этом.

Я не раз пытался мысленно поставить себя в положение сэра Роджера Кейса, моего старого друга, когда он 1 января 1918 г. получил задание провести в жизнь план, выдвинутый им самим как руководителем планового отдела адмиралтейства 3 декабря: заблокировать выход каналов

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПОРТА ЗЕЕБРЮГГЕ (23 АПРЕЛЯ 1918 г.)

у Зеебрюгге и Остенде с целью заградить путь германским подводным лодкам, находившимся в своей базе в Брюгге, отдаленной от берега и в то же время недоступной для атаки морскими силами. Одно дело вносить теоретические предложения, другое — нести самому ответственность за выполнение их на практике. Я помнил Кейса, главным образом, как хорошего наездника на охоте с гончими, и вспомнил также письмо, полученное от него впоследствии из Рима, где он был морским атташе: письмо показывало, что и там он увлекался охотой с гончими.

В чем же состояла суть проблемы в данном случае? Прежде всего нужно было запереть вход в канал у Зеебрюгге, как самый большой и самый глубокий: в 8 милях от Брюгге, 230 футов ширины, 25 футов глубины. Остенде находится в 11 милях от Брюгге, и канал между ними значительно у́же. Какие же трудности должны были преодолеть блокшипы, прежде чем войти в канал Зеебрюгге — Брюгге? Чтобы уяснить себе эти трудности, необходимо рассмотреть прилагаемую схему.

Зеебрюгге, подобно всем другим приморским портам Бельгии и Северной Франции, подвержен действию морского прилива, причем гавань беспрестанно засоряется илом и требует периодической очистки землечерпалками. Во время прилива уровень воды на 12 футов выше, чем при отливе. К западу от входа в канал перекинут длинный железный виадук, соединяющий берег с огромным молом на бетонном основании. Мол, имеющий форму плавной дуги, закрывает гавань. Длина мола около одной мили, ширина 75 ярдов. Выходящий в море конец мола переходит в каменный волнорез в 5 ярдов шириной. Высота этого волнореза та же, что у вала, который имеет 8 футов ширины и тянется на всем протяжении вдоль морской стороны мола. На этом валу имеется бруствер в 3 фута высоты и 2 фута ширины. Весь вал на 14 футов выше самого мола. На крайнем конце волнореза стоит маяк.

На молу расположены имеющие серьезное значение сооружения. Начиная с берега моря мы видим в первую очередь германскую базу гидропланов с большим навесом, за ней ряд ангаров для самолетов, затем со стороны гавани — защищенная от бомбардировки с моря база для подводных лодок, далее — еще два навеса. Еще дальше, почти на конце мола, расположена укрепленная позиция для пулеметов, под обстрелом которых находится голая бетонная поверхность мола. Эти пулеметы защищают от атак с запада находящуюся на волнорезе батарею из четырех орудий калибром в 4,1 дюйма и двух орудий в 3,5 дюйма. Если бы блокшипы пытались обогнуть этот волнорез, чтобы попасть к месту своего назначения, к входу в канал, то они оказались бы под прямым обстрелом этих орудий; кроме того, блокшипам пришлось бы миновать препятствия, созданные стоящими на якоре баржами, расположенными к югу от внутреннего конца мола. Позади последней, расположенной к югу баржи находится вход в гавань, а за ним расставлены заградительные

сети — вплоть до того места, где вода слишком мелка для блокшипов.

Я уже упомянул о системе грозных батарей тяжелой артиллерии на всем протяжении бельгийского берега между Ньюпортом на западе и Слюисом на востоке до голландской грáницы. Ближе всего к входу в канал у Зеебрюгге, а именно, к западу от входа, помещалась батарея «Цеппелин» (четыре орудия в 5,9 дюйма), батарея «Вюртемберг» (два орудия в 4,1 дюйма) и у берегового конца виадука — батарея из четырех 37-миллиметровых скорострельных орудий. К востоку от входа в канал на линии барж и сетей помещалась еще более мощная батарея «Гебен» с четырьмя крупными орудиями в 9,2 дюйма, а далее находились еще орудия и укрепления. На берегу в песчаных дюнах, по обеим сторонам входа в канал, от виадука до батареи «Гебен» тянулась линия окопов.

Таким образом, не говоря уже о навигационных трудностях, вызываемых изменениями курса при тяжелых условиях плавания, перед Роджером Кейсом стояла задача провести блокшипы мимо укреплений, защищавших глубокий проход, через который лежал путь к каналу. Был еще один трудно определимый фактор — германские эсминцы и подводные лодки, которые в тот момент могли находиться в гавани вдоль внутренней стороны мола, где они были бы защищены от морской бомбардировки. Чтобы не слишком осложнять вопрос, мы рассмотрим проблему по частям, имея всегда в виду, что основой всего плана была необходимость сохранить тайну операции и ее внезапность.

Чтобы отвлечь внимание противника от блокшипов и овладеть укреплениями, было решено высадить десант на самом молу, на его морской стороне, а именно: на его восточном конце, позади упомянутой пулеметной позиции, которая держала под обстрелом всю площадь мола, расположенную к западу. Старый крейсер «Виндиктив» и ливерпульские паромные пароходы «Айрис» и «Дефодил» были выбраны для переброски этого штурмового отряда. «Виндиктив» должен был взять две роты, пулеметный взвод, 4 пулемета Льюиса, взвод траншейной артиллерии, 2 гаубицы в 7,5 дюймов, одну гаубицу калибром в 11 дюймов, 2 автоматических орудия «Виккерс-Максим» и две неподвижные мортиры Стокса. Все эти боевые части были взяты из морских войск — из королевской морской артиллерии и королевской морской легкой пехоты, и проходили предварительно специальную тренировку; «Виндиктив»

должен был взять с собой также морской десантный отряд, 2 роты матросов, команду подрывников и опытную команду огнеметчиков; «Айрис» должен был взять роту морской пехоты, 2 подвижные мортиры Стокса и 1 роту матросов; «Дефодил» — команду подрывников. По прибытии к молу штурмовые отряды должны были высадиться, причем перед морской пехотой ставилась задача ринуться к западу и занять весь мол, чтобы оттуда прикрывать штурмовые и подрывные команды моряков, которые должны были обрушиться на артиллерию, расположенную на волнорезе, и на неприятельские пароходы, стоявшие у внутренней стороны мола.

При выработке плана учитывалась также опасность подхода подкреплений на мол через виадук с берега. Поэтому две старые подводные лодки, наполненные взрывчатым веществом, должны были — после удаления с них команд — удариться о виадук, взорвать его и таким образом нарушить связь мола с берегом. Все это было великолепно задумано, но удастся ли это осуществить? Это могло показать только время. Американский морской офицер, о котором я уже говорил, напомнил о том, что писал Уолфи, имевший опыт поражения в подобном деле. Раз подобная атака начата, учил Уолфи, не нужно терять времени на пустые споры. «Нечего рассуждать, когда обнажен меч... Неуклонное движение вперед — единственная дорога к успеху, особенно в подобных предприятиях. Вы ничего не должны считать препятствием для затеянной вами операции, прежде чем вы в этом не убедились на деле. В войне нужно оставлять место для случая и счастья, помня, что война по природе своей есть дело риска и опасности».

Раньше чем вернуться к практическому осуществлению плана, последуем совету Фоша и сосредоточимся на существе проблемы, в сравнении с чем все остальное должно быть второстепенным. Некоторые впоследствии на первое место выдвигали героический штурм мола. Это было полезно постольку, поскольку помогало осуществлению главной задачи, которая состояла в том, чтобы доставить блокшипы к входу в канал. Два блокшипа из трех пришли туда; они были введены за мол эсминцем «Уориком», который вел под флагом вице-адмирала бесстрашный командир. Но я не должен забегать вперед, спеша к кульминационному пункту событий в день св. Георгия в 1918 г. (23 апреля). Предмет нашего положения — секретность, соблюдение которой обеспечивает внезапность.

Однажды я был свидетелем следующей сцены. Один бригадный генерал в присутствии фельдмаршала произнес речь перед офицерами на тему: как поступили бы великие мастера войны в данном положении? Фельдмаршал заметил: «Успех данного батальона зависел от того, объехал ли командир свои части для проверки, в полном ли порядке все необходимое — пулеметы, снаряжение и прочее, — а это в данном случае зависело, главным образом, от заботы о мулах. Поэтому давайте проверим, в каком состоянии упряжь этих мулов».

Доставка блокшипов до места назначения зависела от секретности, прежде всего — от секретной подготовки всей операции, затем от таких деталей, как, например, дымовая завеса. Создание же дымовой завесы зависело от определенного химического вещества, требовавшегося в больших количествах. А для изготовления его было необходимо специальное оборудование, что, в свою очередь, вызывало задержку, которая чуть не привела к крушению всего предприятия, как дальше будет показано. Мы можем теперь вернуться к 24 февраля 1918 г., когда сэр Роджер Кейс докладывал адмиралтейству о существенных успехах, достигнутых в подготовке к операции.

До 16 февраля, а может быть и несколько позже, Кейс рассчитывал, что все будет готово для операции к 19 марта, когда должен был быть высокий прилив и другие выгодные условия. Лунный свет мог явиться препятствием, и тогда операцию пришлось бы перенести на другую ночь. Для удачи дымовой завесы требовалось, чтобы ветер дул с моря. Вообще, для успешного осуществления подобного предприятия необходимо сочетание разнообразнейших благоприятных условий, но будем помнить, что счастье и удача иногда способствовали проведению самых смелых планов. Нельсоновский план нападения на датский флот у Копенгагена (в 1801 г.) является выдающимся примером этого рода. Нельсон предполагал отправиться со своей небольшой парусной эскадрой к югу через один из проливов, ведущих в Балтийское море, стать на якорь, перестроиться, произвести соответствующую разведку в каналах и затем направиться к северу через другой пролив к месту назначения. Для осуществления этой операции нужен был северный ветер на первой стадии ее и южный ветер — на второй стадии. И что же — ветер переменил свое направление как раз в тот момент, когда это требовалось!

Кейс убедился на опыте, что необходима огромная и

тщательная работа штаба для осуществления операции. Адмиралтейство одобрило его план 24 февраля. 4 марта он вынужден был отсрочить выполнение его по двум причинам. Приспособление блокшипов («Тетис», «Интрепид» и «Ифигения» — для Зеебрюгге, «Бриллиант» и «Сириус» — для Остенде) для операции отняло больше времени, чем ожидалось. Каждое из них было водоизмещением до 3 600 *т;* для балласта был выбран бетон; мачты были сняты; но на судах было оставлено несколько орудий и поставлены аппараты для производства дымовой завесы. Специальная тренировка матросов и морской пехоты началась в феврале; для этого была построена модель зеебрюггского мола и изучались все детали операции.

Другая причина отсрочки — трудность получения необходимого количества химических средств (62 *т*) для дымовой завесы. Я не знаю, вправе ли я открыть состав этого химического вещества, и поэтому вернее будет упомянуть лишь о том, что для своевременного получения запаса этого химического средства пришлось обратиться к высшему правительственному органу. Нужный нам химический побочный продукт, который мы — чтобы скрыть его название — обозначим X_2 Y_5 Z_7, употребляется в сахарной промышленности; таким образом, приходится выбирать, что важнее — операция в Зеебрюгге или снабжение населения сахаром. Правительству приходилось во время войны часто сталкиваться с подобного рода проблемами, которые трудно было предвидеть при довоенных приготовлениях. Но этот случай с химическим средством — только один из примеров тех многочисленных мелких и мучительных препятствий, которые приходилось преодолевать, и я упомянул о нем в целях опровержения того неправильного, еще кое-где существующего представления, будто успех смелых операций при современных условиях является только результатом блестящей импровизации, немедленно проводимой в жизнь. Длительный период подготовки должен предшествовать тому быстрому и решительному движению вперед, которое Уолфи назвал «путем к успеху». Но чем длиннее период подготовки, тем труднее добиться внезапности, этого наиболее важного фактора. А мы ведь знаем из предыдущей главы, что уже в середине марта в казармах говорилось об истинной цели подготовляемых блокшипов.

4 апреля вся армада была собрана на уэст-суинском рейде у эссекских берегов, в 8 милях к югу от Клактон-он-

Си. На «Индустане» находились десантные отряды, предназначенные для «Виндиктива» и других судов. Команде разрешалось сноситься с родными лишь открытками установленного образца. Офицеры были осведомлены об операции. Туда же были стянуты блокшипы для Зеебрюгге и Остенде — крейсер «Виндиктив» и ливерпульские паромы «Айрис» и «Дефодил».

7 апреля Кейс посетил команды, которым предстояло участвовать в операции. Наконец, секрет был открыт всем участникам операции. В циркуляре, выпущенном Кейсом, говорилось: «Я вполне уверен, что будут сохранены великие традиции наших предков и что все бойцы проявят стремление сравниться в героических подвигах с нашими братьями во Франции и во Фландрии».

Все с напряжением ждали того дня — между 9 и 13 апреля, — когда условия прилива, лунного освещения, а также, как надеялись, и ветер будут благоприятны для операции. Привожу несколько записей из одного дневника.

«9 апреля. Отбой. Погода неподходящая.

10 апреля. То же.

11 апреля. Вышли в 4 часа пополудни. Но 12 апреля в 45 мин. пополуночи, когда мы были на расстоянии 16 миль от места назначения, операция была отменена. Ветер жестоко дул против нас».

Тут мы должны отметить одну интересную черту — мужество, которым должен обладать ответственный командир для того, чтобы отменить операцию на такой поздней стадии, будучи уже близким к успеху, если отсутствуют условия, дающие право на риск; по общему мнению, успех зависел от дымовой завесы, но она не могла быть пущена при неблагоприятном ветре. Как пример безнадежной операции вспоминается Тенериф и историческая фраза: «Боюсь повернуть назад».

Итак, флотилия вернулась, потеряв один из береговых моторных катеров, который сопровождал блокшипы, предназначенные для Остенде. Катер наскочил на мину, и команда его погибла.

В то время не было известно, что катер был отнесен течением к берегу — на восток от входа в остендскую гавань. Я потом смог познакомиться с одним германским донесением, в котором сообщалось, что германцы нашли на разбитом катере карту с интересными деталями, дававшими представление о целях отсроченного рейда. Это была карта № 125 («Остендская дорога»). На ней была

надпись черными чернилами: «№ 33, карта катера. 9 апреля 1918 г.», а кроме того, — разные пометки красными чернилами, включая и такую: «Моторные катера пускают дымовую завесу, чтобы скрыть приближающиеся блокшипы».

К этому автором донесения добавлено следующее: можно было догадаться, что подобная атака будет предпринята не только на Остенде, но и на Зеебрюгге, когда условия прилива, ветра и лунного освещения окажутся благоприятными, а такие условия, по его мнению, должны быть налицо в ночь 22 апреля. Я, однако, опасаюсь, что донесение составлено позже и обнаруживает, что его автор «крепок задним умом». Ночь с 11 на 12 апреля была темная, без луны, и при обычных условиях в ночь с 22 на 23 апреля можно было ждать яркого лунного света.

Теперь вернемся к флотилии, которая возвратилась в свои базы. 13 апреля вновь была сделана попытка выйти в море, но условия опять оказались неподходящими и пришлось отложить операцию — на этот раз через 3 часа после отплытия. Можно было рассчитывать, что к 10 мая все условия — прилив, лунный свет и, может быть, также ветер — будут благоприятны, но адмиралтейство не хотело ждать более трех недель. Чересчур трудно было полагаться на то, что секретность, от которой зависел всесильный фактор — внезапность, будет сохранена так долго. Казалось, что все предприятие рушится, что глубоко продуманный план и вся тщательная подготовка людей — все оказывается бесцельным. Post nubila Phoebus — «после ненастья — солнышко». Это было любимое выражение Нельсона. В течение пяти лет он был не у дел, и адмиралтейство его не жаловало, — вот почему он в трудные минуты нуждался в подобном выражении. Кейс заявил, что нет нужды ждать еще три недели и он готов сделать следующую попытку через 10 дней при полной луне. Неприятель наверно будет рассуждать, что только дурак может выбрать такую ночь, а если так, то можно надеяться на внезапность удара. Адмиралтейство дало свое согласие.

Результаты этого решения навсегда останутся в памяти англичан. Об этом уже много писалось, но мне кажется, что отдельные эпизоды еще не получили должной оценки. Поэтому я остановлюсь в следующей главе на событиях дня св. Георгия в 1918 г. и дня, ему предшествовавшего.

Нужно помнить, что высадка десанта на молу должна была отчасти отвлечь внимание противника от блокшипов, но в первую очередь следовало захватить или уничтожить орудия в конце мола, которые могли бы держать под обстрелом блокшипы и угрожать их свободному проходу.

ГЛАВА XX

ПОД ЗНАКОМ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

(22—23 апреля 1918 г.)

Мы намеренно так долго останавливались на подготовке, длившейся неделями, на борьбе с препятствиями, на попытках сохранить тайну для обеспечения неожиданности, на наступивших затем днях разочарования, когда 11 апреля при наличии темноты и прилива нехватало лишь благоприятного ветра. Теперь мы переходим к последней стадии — к выполнению операции.

Мы знакомы уже с сущностью плана — с намерением ввести у Зеебрюгге и Остенде заградители во входы каналов, ведущих в Брюгге: 3 блокшипа («Тетис», «Интрепид» и «Ифигения») у Зеебрюгге и 2 блокшипа («Сириус» и «Бриллиант») у Остенде. Выдвигалось еще в качестве главной задачи — предложение закупорить шлюзы у Зеебрюгге, но оно было отвергнуто на том основании, что неприятель мог бы быстро восстановить проход, взорвав верхние части блокшипа и открыв таким образом во время прилива путь для своих подводных лодок. Говоря об основных элементах плана, о роли блокшипов, о значении зеебрюггского мола и береговых батарей, мы, однако, не касались всех других факторов: роль мониторов, эсминцев, моторных катеров разного типа, а также морской авиации будет выяснена в ходе дальнейшего рассказа. Теперь мы сконцентрируем все внимание на Зеебрюгге.

В течение предшествовавших операции недель мониторы регулярно в определенное время производили бомбардировку Зеебрюгге. К этим «ночным посещениям» германцы настолько привыкли, что бомбардировка в ночь проведения операции не должна была произвести особенного впечатления. Авиация все время неутомимо вела разведку и производила фотосъемки.

22 апреля условия прилива были благоприятными. Германские радиостанции в Бельгии услужливо сообщили нам метеорологическую сводку. Как будто не было осно-

ваний предполагать, что ночью ветер подует с берега, отгоняя дымовую завесу в море. Если бы ночь оказалась ясной, то светила бы полная луна, но все же пришлось бы итти на риск. (На самом деле ночь была облачная, и шел дождь. Это помешало авиации из Дюнкерка принять участие в операции, но зато послужило прикрытием на море.)

Начиная с 1 часу 10 мин. дня различные части армады стали покидать свои базы. Из Дувра отправились 3 истребителя («Велокс», «Моррис» и «Мельпомена») для разведки севернее Зеебрюгге. В 15 милях от Зеебрюгге расположились легкий крейсер «Аттентив», лидер флотилии, и 3 истребителя, назначением которых было отогнать неприятельские патрульные суда, которые иначе могли бы обнаружить основные силы; они должны были также сохранить в целости все навигационные знаки, которые указывали фарватер. Из Дувра ушел также истребитель «Уорвик» под флагом вице-адмирала Роджера Кейса. Вместе с «Уорвиком» отправились 9 истребителей, 2 подводные лодки, нагруженные взрывчатыми веществами, 1 минный тральщик, 18 береговых моторных катеров и 33 моторных катера. Назначение легких судов состояло в том, чтобы создать дымовую завесу, подобрать оставшихся в живых людей и совершить налет на неприятельские суда, скрывавшиеся внутри зеебрюггской гавани. Из Уэст-Суин ушли все блокшипы, а также «Виндиктив», «Айрис» и «Дефодил» с десантными отрядами. В определенном месте состоялся сбор всех судов, и в 9 час. 45 мин. вечера все знали, что на этот раз возврата не будет.

В 9 час. 45 мин. вечера главные силы с остановленными машинами расположились в 17 милях от Зеебрюгге под прикрытием дымовой завесы, пущенной крейсером «Аттентив». Пока позволял дневной свет (до 7 час. 30 мин. вечера), флотилию сопровождали самолеты из Дувра. Тем временем гарвичская эскадра в 23 вымпела расположилась у голландского берега, чтобы обеспечить охрану флотилии от нападения неприятельских кораблей из германских баз в Северном море. Наступил момент, когда с блокшипов нужно было снять всю лишнюю команду — около 30 человек с каждого; но они просили, чтобы их оставили, и на это было дано согласие. Затем были закончены последние приготовления, все знали подробности плана. Время медленно тянулось, и, наконец, в 10 час. 30 мин. вечера наступил решающий момент.

Была ли сохранена тайна? Окажется ли нападение неожиданным для врага? Как будто — да. На пути не попалось ни одно неприятельское патрульное судно, минные поля не были обнаружены. Ночь была темна, море спокойно. В эту темную дождливую ночь можно было лишь смутно различить контуры неподвижных кораблей. Легкий ветер с моря был благоприятен для дымовой завесы. На воде стояла тишина, которая была нарушена в 10 час. 30 мин. вечера, когда вся армада пришла в движение, направляясь к берегу.

Мониторы «Эребус» и «Террор» с сопровождающими их истребителями отделились, чтобы приступить к обычной ночной бомбардировке. Три истребителя («Уирльуинд», «Мингс» и «Мурсом»), изменив курс, отправились к «Велоксу», патрулировавшему к северу от Зеебрюгге. Два других истребителя — «Тридент» и «Менсфильд», взявшие на буксир подводные лодки «С-1 и «С-2», нагруженные взрывчатыми веществами, ушли вправо, по направлению к виадуку, который соединял зеебрюггский мол с берегом. С ними отправилось небольшое патрульное судно.

Предшествуемые «Уорвиком», «Фебе» и «Норзс-Стар», «Виндиктив», «Айрис» и «Дефодил» со своими десантными отрядами направились к большому молу со скоростью в 10 узлов. Вслед за ними со скоростью в 8 узлов шли главные герои дня — блокшипы «Тетис», «Интрепид» и «Ифигения», каждый в сопровождении моторного катера. Впереди всех судов шли 24 моторных катера и 8 береговых моторных катеров для создания дымовой завесы и, кроме того, 9 береговых торпедных катеров для атаки неприятельских судов в гавани. (Там, согласно германским официальным данным, было 7 истребителей и 7 береговых торпедных катеров; из них 3 истребителя и 4 торпедных катера были пришвартованы с внутренней стороны мола.) В течение 50 мин. флотилия медленно продвигалась в темноте по направлению к берегу.

Теперь проследим за ходом событий по часам.

11 час. 20 мин. вечера. Мониторы открыли огонь — обычное дело, повторявшееся в течение ряда вечеров.

11 час. 40 мин. вечера. Мелкие суда пустили густые клубы дыма, которые легкий северо-восточный ветер относил к берегу в сторону мола. Но тут бриз стал затихать, и затем подул ветер с юга, относя дым обратно. Мелкие суда, поддерживаемые истребителями, намереваясь пустить новую дымовую завесу, подходили все ближе

и ближе к орудиям, уже к тому времени открывшим огонь с мола.

11 час. 56 мин. вечера. «Виндиктив» внезапно выплыл из дымовой завесы на расстоянии полутора кабельтов (300 ярдов) от батареи, расположенной на волнорезе. Настала пора отчаянных и решительных действий — высший момент напряжения, к которому вели все приготовления в течение месяцев.

Дорога была каждая минута. «Виндиктив» открыл огонь по береговым батареям. Мы не можем рассказать об этих событиях лучше, чем это потом сделала печать, откуда мы заимствуем следующее описание.

«Тем, кто находился на кораблях, казалось, что еле видный берег и скрытая гавань вдруг вспыхнули ярким светом. В воздухе разорвался один осветительный снаряд и затем десятки других. Колеблющиеся лучи прожекторов, ослепительно сверкая, рыскали повсюду; пламя орудийных взрывов подскакивало к небу; мрак ночи уступил место кошмарно яркому свету огня сражения. Пулеметы и орудия на молу и на берегу пробудились к жизни».

0 час. 1 мин. пополуночи в день св. Георгия. «Виндиктив» развил полную скорость и, вместо того чтобы пристать к волнорезу около батареи и позади пулеметной позиции, защищавшей батарею против возможного наступления по молу, очутился в 300 ярдах к западу прижатым к молу.

0 час. 4 мин. пополуночи. «Дефодил» со стороны моря прижимает «Виндиктив» к молу. «Айрис» подходит к молу впереди «Виндиктива», но в этом месте мола высадка невозможна. Десантные части «Виндиктива» пытаются штурмовать мол, но оказываются перед невыполнимой задачей: нельзя по молу продвинуться вперед в направлении батареи на волнорезе — пройти 400 ярдов открытого пространства, поливаемого пулеметным огнем. Хотя материальные результаты атаки были ничтожны, но она имела необыкновенный моральный эффект, и героизм, проявленный моряками и десантным отрядом на молу, был оправдан. Главная цель была достигнута — внимание обороняющихся было отвлечено от подходивших блокшипов, которым принадлежала главная роль в операции.

0 час. 15 мин. пополуночи. Подводная лодка «С-3», продвигаясь по поверхности со скоростью 6 узлов, пройдя последние 3 тыс. ярдов, отделявшие ее от основания виадука, подошла к назначенному месту, хотя и попала в свет берегового прожектора. Батарея «Вюртемберг» от-

крыла по ней огонь из своих 6-дюймовых и 4,1-дюймовых орудий, но по неизвестной причине вдруг прекратила обстрел. Подводная лодка выполнила свою миссию: был зажжен шнур, команда оставила лодку, и вскоре раздался страшный взрыв, который разрушил виадук на протяжении 100 футов, прервав связь между берегом и молом. Внимание противников было отвлечено в эту сторону, и среди них наступило смятение; говорят, что они по ошибке приняли приближавшиеся к входу в гавань блокшипы за свои корабли. Команда «С-3» благополучно добралась до сторожевого судна.

0 час. 25 мин. пополуночи. Блокшип «Тетис», эскортируемый тремя моторными катерами, миновал неповрежденные орудия на волнорезе и береговые батареи. Он обогнул заграждение, составленное из барж, но наткнулся на сеть, в которой запутались винты, что заставило его остановиться; пытаясь освободиться, он сел на мель к востоку от входа в канал; ему удалось сняться с места, но затем он снова сел на мель к западу от входа в канал, получив пробоину на ватерлинии от снаряда, выпущенного из орудия, находившегося на волнорезе. Уцелевшие моряки были подобраны сопровождавшим его моторным катером.

Блокшип «Интрепид» прошел мимо «Тетиса». Приказ предусматривал, что если в канал войдут три блокшипа, то один из них должен удариться в шлюз, а остальные должны заградить вход в канал снаружи шлюза. Там был потоплен «Интрепид», за ним последовала «Ифигения». Впервые в истории блокшипам удалось справиться с такой операцией при подобных условиях. Уцелевших моряков подобрали моторные катеры и истребитель «Уирльуинд». Моторный катер «110» затонул. Моторный катер «282», в команде которого все были ранены, а некоторые убиты, подобрал 100 человек; он был перегружен, но встретил «Уорвика» как раз у выхода из гавани и в течение получаса передавал ему людей, включая раненых. В эти критические минуты истребитель и легкие суда участвовали в операции, поддерживая дымовую завесу. Истребитель «Норзс-Стар» был потоплен внутри гавани, «Фебе» спасла его команду. Береговые моторные катеры вошли в гавань и атаковали неприятельские суда, расположенные вдоль мола.

0 час. 50 мин. пополуночи. Сирена «Дефодила» дает сигнал десантным частям на молу возвратиться на суда. «Айрис», которому не удалось высадить свой десант на крутой мол, к этому времени стал рядом с «Виндиктивом»,

но было уже слишком поздно. При отступлении, несмотря на героические попытки команды одного моторного катера прикрыть «Айрис» своим дымом, последний был изрешечен снарядами и потерял 77 человек убитыми и 205 человек ранеными. Общее число наших жертв было: 176 убитых, 412 раненых и 49 пропавших без вести; потери немцев были значительно меньше.

Уолфи писал в XVII в., что потеря тысячи людей в подобном предприятии, затеянном в нужный момент, является для нации «скорее достижением, чем уроком, так как поднимает дух всего народа и его солдат». Можно ли сказать, что это подтвердилось и в данном случае? В Уайтхолле, центре всех государственных дел, где я в то время служил, это подтвердилось, так же как и во всем Соединенном королевстве и во всей Британской империи. Поток приветствий посыпался и из-за границы. От Хейга, стоявшего во главе британской армии во Франции, — она в это время все еще была «прижата к стене», сдерживая напор германской лавины, стремившейся докатиться до Ламанша, — было прислано следующее приветствие:

«От имени армии, находящейся во Франции, прошу принять самые сердечные поздравления по поводу успешной операции против Зеебрюгге и Остенде. День св. Георгия действительно был подходящей датой для столь смелого подвига английского оружия».

Что же касается операции под Остенде, то она не удалась — отчасти потому, что немцы благоразумно убрали световые буи, обозначающие вход в канал, и перенесли их больше чем на 2 морские мили к востоку от постоянного места их нахождения; возможно, что документы, найденные на затонувшем береговом моторном катере, который был прибит к бельгийскому берегу 12 апреля утром, послужили для них предупреждением. Я считаю, что, если бы немцы заранее знали о подготовке набега на Зеебрюгге, они были бы должным образом подготовлены, но тайна — главная цель разведки — была успешно соблюдена.

Мне кажется, что потом, в мае, Роджер Кейс послал старый «Виндиктив» в Остенде отчасти из чистой бравады. «Виндиктив» нашел там свою гибель. Команда его была подобрана «Уорвиком» у Остенде с тонущего моторного катера. «Уорвик», шедший под флагом вице-адмирала, вернулся из этой операции с кормой, пробитой миной (он был взят на буксир «Уирльуиндом», которому помогал «Велокс». Хейг от имени армии 10 мая приветствовал и

эту операцию. Каковы бы ни были материальные результаты этой второй операции у Остенде, нет никакого сомнения в том, что тайна была успешно сохранена.

Я потому так подробно останавливался на этих исключительных эпизодах морской войны, что они особенно ярко показывают, какие результаты могут быть достигнуты сохранением тайны, тщательными приготовлениями и смелостью руководства в решающий момент.

В Зеебрюгге немцам удалось во время прилива вывести из канала мимо кормы «Ифигении» и «Интрепида» небольшие береговые торпедные катеры неглубокой осадки и небольшую подводную лодку. Позже на западной стороне канала были убраны два устоя и через илистый берег проложен новый проход. По краям были вбиты длинные железные сваи, и между этими сваями были во время прилива проведены на буксире истребители и более крупные подводные лодки, запертые в Брюгге в течение 10 недель. Таково было положение, пока Зеебрюгге не попал в руки англичан в октябре 1918 г. В 1920 г., после двухлетних работ, ливерпульскому обществу по подъему затонувших кораблей удалось убрать блокшипы и очистить канал.

Я посвятил три главы описанию рейда на Зеебрюгге, чтобы показать, какие результаты могут быть достигнуты при такой комбинированной «сухопутно-морской» операции, если только имеются налицо три условия: секретность, тщательная подготовка и смелость руководства.

ГЛАВА XXI

КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ПУНКТ СОБЫТИЙ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

(1918)

От увлекательного рассказа о Зеебрюгге мы теперь перейдем к описанию кульминационного пункта мировой войны, который наступил после четырех лет упорной борьбы, страданий и бесконечных жертв, после многократных, но неудачных попыток добиться решительной победы на западном фронте, во Франции и Фландрии, где были расположены главные германские армии.

В августе 1917 г. британская имперская армия на западном фронте достигла своей максимальной силы: численность ее была свыше 2 044 600 человек, в том числе 141 тыс. канадцев, 140 тыс. австралийцев и новозеландцев

и 7 тыс. южноафриканцев; кроме того, британский «туземный рабочий корпус» насчитывал около 90 тыс. человек. К концу года это число упало до 1 828 600; потери убитыми и ранеными составили 760 тыс. человек, значительные подкрепления были отправлены в Италию; в «туземном рабочем корпусе» насчитывалось 142 тыс. Германская армия была значительно усилена частями, переброшенными с восточного фронта, и основная масса ее стояла против значительно растянувшихся британских позиций. Неизбежным результатом было оттеснение пятой британской армии к Амьену, о чем мы уже говорили в одной из предыдущих глав, где осветили также работу разведывательной службы. Там же мы указали, что для успешной работы разведки необходимо изучать огромное количество материалов, поступающих из различных источников, и во-время делать нужные выводы.

Мы приступаем к описанию событий за период от большого наступления на пятую армию Гоуфа в марте 1918 г. до прорыва гинденбурговской линии войсками Британской империи и США, которые нанесли последний решительный удар центральным державам и заставили их просить о перемирии на любых условиях. Для того чтобы дать детальное описание деятельности центральной британской разведки и ее полевых органов за этот период, понадобилась бы объемистая книга, да и она, пожалуй, не исчерпала бы вопроса. Но раньше чем перейти к этому, нужно сделать несколько замечаний о ходе главных событий на западном фронте с марта до конца сентября 1918 г.

Германское верховное командование, потерпевшее 5 апреля неудачу в своей попытке прорвать фронт британской пятой армии по направлению к Амьену или вбить клин между французской и английской армиями, атаковало в апреле линии расположения британских войск во Фландрии, куда были направлены несколько потрепанных в боях британских дивизий, снятых с амьенского фронта. Именно тогда (12 апреля) и был издан знаменитый приказ Хейга: «Мы прижаты к стене». Битва у р. Лис закончилась к 29 апреля вничью, и германцы опять не достигли своей цели. После этого армия Хейга получила возможность отдохнуть и пополнить свои силы, пока, наконец, в августе четвертая армия Роулинсона не предприняла наступление, которое будет описано дальше.

26 марта генералу Фошу было поручено координировать действия английской и французской армий, а 14 апреля

он был назначен главнокомандующим всеми армиями западного фронта — британской, французской и американской. Вскоре он обратился к Хейгу с просьбой перебросить несколько дивизий в помощь французам; он ставил себе целью снять несколько дивизий с французского фронта, чтобы образовать резерв для подготовляемой контратаки, ибо только таким путем можно было вырвать инициативу из рук неприятеля. Хейг согласился и послал 9-й британский армейский корпус. Петэн без всякого умысла расположил этот корпус в той части французского фронта, которая подвергалась сильной атаке с северо-востока во время боев у р. Эн (27 мая — 6 июня), когда французская часть фронта подалась назад и образовала выступ в сторону Шато-Тьерри на р. Марне.

Эта третья битва у р. Эн явилась полной неожиданностью для французов. Информация, полученная из первоисточников, показывает, что до 26 мая штаб Петэна ничего не сообщал о предстоявшей буре. В тот вечер Фоша спросили, не думает ли он, что в этом районе готовится большое германское наступление. Он дал отрицательный ответ и прибавил, что сведения о предстоящих атаках поступают к нему каждый день со всех концов фронта. (Интересно сопоставить с этим точные данные разведки о планах неприятеля, которые были получены накануне наступления на Гоуфа в марте 1918 г.).

Полковник Ф. Пиггот опубликовал рассказ о следующем эпизоде, относящемся «к концу мая» (точная дата не указана[1]). Британский патруль взял в плен немецкого унтер-офицера, у которого был мешок с письмами солдат своей роты. В штабе британской второй армии долго и кропотливо изучали содержимое мешка, и эти поиски увенчались успехом. В мешке была обнаружена знаменитая «лаонская открытка», послужившая темой разговоров в течение многих недель среди английских разведчиков и в военных кругах. Вот что пишет полковник Пиггот:

«Сержант германских саперных войск писал из Лаона во Фландрию своему приятелю по прежней части. В этом письме он упоминал о порученной ему большой и важной работе, добавляя, что результаты этого скоро скажутся. *Это было первое указание на внезапный удар, который направлялся на участок французского фронта у Шмен-де-Дам 17 мая*».

С исторической точки зрения остается пожалеть, что

[1] «Army Quarterly», vol. IX, No 2, p. 239.

не указана точная дата, когда было получено сообщение о предстоящем наступлении. Но как бы то ни было, по заслуживающим доверия французским источникам видно, что германцам полностью удалось ввести в заблуждение французскую разведку о своем намерении начать большое наступление 27 мая 1918 г. В течение мая на французском фронте было взято очень небольшое число германских пленных. Основная информация, полученная от пленных, сводилась к тому, что германское командование постоянно предупреждало солдат о, якобы, предстоящем наступлении французов. Эти предупреждения, несомненно, давались с целью замаскировать работы по улучшению своих путей сообщения, которые немецкие солдаты могли наблюдать.

Германцы приняли еще один способ для обеспечения секретности: запрещались всякого рода отлучки в другие районы и в особенности преследовались всякие попытки подходить к походным колоннам с целью узнать, к каким частям они принадлежат. Группа французских пленных, которой удалось бежать и благополучно вернуться к своим частям, рассказала, что ее обстреливали германские солдаты, когда они очутились поблизости от такой колонны.

До вечера 26 мая, т. е. до самого кануна крупного германского наступления, «третий отдел» французской главной квартиры собрал лишь поверхностную информацию, на основании которой можно было делать вывод, что на фронте расположения германских войск все обстоит нормально. Отдел не располагал никакими данными о предстоящем наступлении крупного масштаба. Повидимому, в этот период дисциплина на германской стороне была еще превосходной. Правила о сохранении секретности и отлучках в другие районы соблюдались строго. Нужно полагать, что отсутствие информации у союзников о прибытии добавочной артиллерии объяснялось применением тех методов, посредством которых Гутье достиг успеха у Риги против русских в 1917 г. и против британской пятой армии в марте 1918 г.

Переходим к 26 мая. В этот день были взяты двое пленных, один младший офицер, а другой рядовой солдат. Младший офицер подозрительно охотно стал сразу давать показания (ложные), что германцы в этом районе наступать не собираются. Солдат, допрошенный отдельно, показал обратное, и допрашивавшие его могли сделать вывод, что наступление предстоит, и притом в самом близком будущем. Тогда офицер был допрошен еще раз,

и тут он дал более верные сведения. На основании этих данных, а также сведений, почерпнутых мной из других французских источников, я могу с уверенностью сказать, что французская разведка до 3 час. пополудни 26 мая не имела достаточно определенной информации и не могла предупредить высшее командование о предстоящей атаке. Вот чем объясняется позиция Фоша.

Ночи 24, 25, 26 мая были не особенно ясны, и работа воздушной разведки была затруднена. Довольно точные сообщения о передвижениях в тыловых районах были как будто получены от воздушной разведки 23 мая, но после этого, повидимому, ничего определенного не поступало, хотя мы теперь знаем, что огромные массы германских войск, не меньше 20 дивизий, двигались к югу, чтобы включиться в наступление. Отсюда вывод, что наступление явилось для Фоша неожиданностью, так как германцам удалось достаточно хорошо замаскировать свои планы и ввести в заблуждение французскую главную квартиру.

27 мая неприятель двинулся вперед и проник в линию расположения французских войск на 5 километров. На следующий день германцы перешли р. Эн на протяжении 18 миль. 29 мая пал Суассон, а 31-го неприятель был на р. Марне между Шато-Тьерри и Дорманом. В первые два дня июня разгорелись жестокие бои на р. Урк, но к ночи на 3 июня союзные войска, включая и американцев, отогнали неприятеля назад через Марну, и таким образом волна наступления была остановлена.

Я вынужден был довольно подробно остановиться на этих операциях, потому что неудачная работа разведки была причиной кризиса в объединенном командовании. Изучение этих операций имеет значение не только для выяснения роли разведки, но и для правильной оценки взаимоотношений Фоша и Клемансо, о чем напомнили сделанные недавно разоблачения. Версия Клемансо известна по только что опубликованным материалам. Что же касается версии Фоша, она изложена — в том виде, как я ее понимаю, — в составленной мною биографии покойного маршала. Никогда Фош не пользовался таким уважением английских наблюдателей, близко соприкасавшихся с ним, как во время этой критической битвы. Он, видимо, переживал момент сильного напряжения; на карту были поставлены его репутация, положение его как главнокомандующего и успех всех его планов. Напрашивался вывод, что он провалился — или вследствие

неправильной информации или в результате сознательного решения не давать подкреплений этому слабому участку фронта, чтобы сохранить резервы свежих войск для контрнаступления.

Фош имел перед собой неприятеля, а в тылу — напуганный верховный военный совет. Ему приходилось одновременно принимать меры к приостановке наступления врага и к успокоению своего начальства. Он успел и в том и в другом, и, если натянутость в отношениях между ним и верховным военным советом еще продолжалась некоторое время, это все же не помешало Хейгу откликнуться на дальнейшие просьбы Фоша о предоставлении британских дивизий для усиления французской части фронта. В июле Хейг передал ему 22-й армейский корпус.

Важнейшими событиями этого месяца явились: новая попытка Германии продвинуться к югу и добиться победы ударом по обе стороны Реймса 15 июля и большое контрнаступление Фоша 18 июля против западной части выступа у Шато-Тьерри, предпринятое со свежими резервами, которые он упорно собирал под командованием Манжена.

Мы уже воздали должное некоторым британским командирам, сумевшим обеспечить неожиданность удара путем приготовлений, проведенных в полной тайне. Если в дни, предшествовавшие амьенской битве в августе, Хейг и Роулинсон дали лучший британский образец хранения тайны во время войны, то они уже имели перед глазами хороший пример Фоша, который он показал в подготовке наступления Манжена 18 июля, явившегося переломным моментом в войне. О своих приготовлениях Фош не сообщал даже Хейгу. Может быть, нужно пожалеть, что он этого не сделал, но во всяком случае — как показывал предыдущий опыт — он был прав, сохраняя в тайне свои планы от своего собственного правительства.

Фош, как мы уже указали, 27 мая был захвачен врасплох крупной германской атакой на французскую линию фронта. В июле он был лучше осведомлен, но ошибся только в точной дате предстоявшего наступления: Фош ожидал его 14 июля, но это не оправдалось. Чтобы основательно разобраться в этом вопросе, нужно получить доступ к документам французской полевой разведки, но они недосягаемы. Фош получил ценную информацию от британской авиации. Некоторые британские ночные бомбардировщики заметили линию огней, повидимому, на бивуаках, которые перед началом наступления каждую

ночь передвигались на юг. Возможно, что Фош ориентировался на основании этих донесений авиации.

Упомянутый просчет Фоша на 24 часа едва не привел к разрыву между ним и Хейгом. 12 июля Фош сообщил начальнику британского штаба — Хейг сам в то время был в Англии, — что он просит перебросить еще две дивизии к югу от Соммы. 13 июля Фош просил Хейга послать немедленно 4 дивизии вместе со штабом армейского корпуса на французский фронт, предлагая начать посадку в поезда уже 14-го в 4 часа пополудни. Кроме того, предполагалось держать наготове еще 4 британских дивизии.

Резервные силы принца Рупрехта стояли наготове, ожидая момента наступления против британской армии, и Хейг при желании имел полное основание опротестовать подобное требование перед своим правительством. Однако он согласился удовлетворить просьбу Фоша, написав ему одновременно письмо с просьбой объяснить, почему он переменил свое мнение относительно положения на фронте. Нужно иметь в виду, что к тому времени за Фошем как главнокомандующим не было еще никаких заслуг, а за ним числился только злополучный выступ, образовавшийся на французском фронте 27 мая — 2 июня.

Фош, ожидавший начала германского наступления 14 июля, готовился к контрудару, но наступление не состоялось. Тогда он послал Хейгу сообщение, что он желает встретиться с ним на следующий день, 15 июля. Фош знал, что он может не попасть на это свидание, если дело обернется плохо, и в этом случае он предполагал предупредить Хейга, чтобы тот не выезжал. Германцы начали наступление рано утром 15-го. Встреча Фоша с Хейгом состоялась, но даже тогда Фош только намеком осведомил Хейга о своем плане. Лишь 17-го Фош сообщил Хейгу о предполагаемом контрударе, который намечался на 18 июля. Хейг хотел, чтобы 9-й британский корпус был ему возвращен, и писал об этом Фошу еще 17 июля; инцидент был исчерпан устным заявлением Хейга, что, если британские войска необходимы для достижения успеха, они, конечно, будут предоставлены.

Контрудар Манжена, нанесенный 18 июля, перетянул чашу весов в пользу союзников, и Фош навсегда вырвал инициативу у Людендорфа. С этого времени в руки британской разведки на амьенском фронте все чаще начали попадать свидетельства об упадке морального состояния германских войск, о чем мы будем говорить подробнее

в следующей главе, посвященной амьенской битве 8 августа. Лично я уверен, что наступление Манжена было бы не менее неожиданным, если бы Фош раньше доверил свою тайну Хейгу. Но если это можно считать ошибкой, то она вполне простительна. Результаты, к которым привела скрытность Фоша, лишний раз доказывают, как велико для успеха значение неожиданности и ее предпосылки — секретности.

Примечание автора. После того как была уже написана эта глава, стало известным, что разведывательный отдел армии США еще 14 мая пришел к выводу, что наступление на французов состоится 27 мая (см. *Лиддль-Харт*, Правда о войне 1914—1918 гг.).

ГЛАВА XXII

ХОРОШО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА

(8 августа 1918 г. — «день траура» германской армии)

1

«Вводить противника в заблуждение и направлять его по ложному пути» — таков был девиз Стонуолла Джексона, ставший девизом британской армии; «действовать насилием и хитростью» — гласил девиз германской «Военной книги».

В основе того и другого лежит требование секретности и внезапности. Командир, умеющий держать в тайне свои планы и выведывать планы неприятеля, подобен зрячему боксеру, который борется со слепым. На некоторых, наиболее ярких примерах мы уже показали результаты нарушения тайны во время мировой войны, особенно при описании неудачи дарданелльской экспедиции в 1915 г. и нивеллевского наступления на западном фронте в 1917 г. Кто бы ни был в этих случаях ответственным за утечку информации, будь то солдаты, обозники, министры, салонные сплетники или уличные болтуны, — они несут ответственность за массовое избиение своих соотечественников на фронте и за неудачу операций.

Важное значение секретности весьма ярко показал успех британской контрразведки в августе 1914 г., описанный в одной из предыдущих глав. Другие примеры показали действия Алленби в третьей битве у Газы в октябре 1917 г. и в сражении у Меджиддо[1] в сентябре 1918 г. Операция сэра Роджера Кейса у Зеебрюгге в апреле 1918 г. — пример такого же рода.

---

[1] См. главу XXV.

В обеспечении секретности особенно отличился маршал Фош накануне контрудара Манжена 18 июля 1918 г. Покойный лорд Роулинсон подобными же методами выиграл амьенский бой, начатый 8 августа; этот день и стал «днем траура» германской армии. Описанию этого боя посвящается настоящая глава.

В маневренной войне легче сохранить тайну, чем в позиционной. Если, например, неприятель вечером установит местоположение той или иной части, то в условиях возможности маневра ему трудно предвидеть направление дальнейших дневных или ночных передвижений. С другой стороны, на опыте многих месяцев окопной войны на западном фронте к лету 1918 г. обнаружилась необычайная трудность сохранения тайны при подготовке большого наступления. Однако четвертая армия Роулинсона сумела полностью сохранить тайну до момента наступления.

Это — рассказ не о похождениях тайных агентов, находившихся в распоряжении высшего командования. Это— рассказ о действиях командующих армиями, корпусами, дивизиями и бригадами и их штабов, о действиях командиров и их помощников на коммуникационных линиях; пожалуй, это — рассказ, главным образом, о том, как бойцы на фронте от командиров частей до рядовых солдат, избегнув соблазна поболтать, содействовали осуществлению плана. «Полковые офицеры и солдаты вели себя замечательно, — писал один мой друг, занимавший высокий пост в четвертой армии. — Они вникали в смысл отданных приказов, что подтвердилось информацией, которую мы получили из сводок германской разведки, захваченных нами после начала наступления».

Даже в третьей британской армии, примыкавшей к левому флангу четвертой армии, не имели представления о подготовлявшемся наступлении; там ничего не знали даже тогда, когда наступление уже началось. Я могу проиллюстрировать это следующим примером. Один офицер из ближайшей бригады третьей армии, отправляясь в отпуск в Англию, по пути заехал в штаб четвертой армии. Услышав сильную канонаду, он спросил, что это означает. Он понятия не имел о том, что происходит нечто необычайное. А между тем Роулинсон уже 16 июля доложил Хейгу о своем проекте наступления и тогда же получил указание продолжать приготовления. Маршал Фош, внесший в план некоторые изменения, одобрил его 26 июля, а 1 августа установил дату наступления — именно день 8 августа. Корпусные командиры армии Роулинсона узнали

о предстоящем наступлении 21 июля, дивизионные командиры — 30 июля, бригадные и батальонные командиры — лишь за полтора или два дня до наступления.

Во всем районе расположения четвертой армии были развешены плакаты в красках с общими указаниями относительно хранения военных тайн. В дополнение к этому в расчетную книжку каждого солдата был вклеен листок с предостережением против излишних разговоров.

Даже военное министерство не было информировано. Начальник имперского генерального штаба сэр Генри Вильсон получил 22 июля лишь намек на то, что готовилось. Он записал в своем дневнике: «Встретил Роули в Аббевиле в 8 часов утра; он просил у Хейга 5—6 дивизий и танки, предполагает двинуться со стороны Вилье-Бретонне. Об этом, конечно, стоит подумать». План был выработан 16 июля, и дивизионные командиры армии Роулинсона имели его уже 21 июля. Генри Вильсон посетил потом Фоша и записал следующее: «Я рассказал ему о предложении Роулинсона; мы его обсуждали, оно понравилось ему». (Фош уже знал обо всем этом от Хейга с 17 июля.)

В наше мирное время, когда редко видишь на участке целую бригаду, трудно восстановить перед глазами полную картину мировой войны с ее массовыми армиями и огромными количествами военного снаряжения. Чтобы показать, как трудно было сохранить тайну при подготовке крупного массового наступления, остановимся на одном примере. Для проведения наступления нужно много крупномасштабных карт. К амьенской битве потребовалось не меньше 160 тыс. карт. Они выпускались армейским издательством и полевым топографическим батальоном. Так как большое количество подобных специальных карт какого-либо района обычно заказывалось, когда подготовлялось наступление в данном районе, то картографы легко могли сделать из этого соответствующие выводы. Чем меньше людей за пределами четвертой армии знали о тайне, тем больше было шансов ее сохранить. Вот почему изготовление карт для других армий поручалось картографам четвертой армии, а заказы на карты, необходимые для наступления самой четвертой армии, были распределены по разным армиям, чтобы таким образом избежать массовых заказов. Результаты показали, что этот прием оправдал себя.

Кроме того, всегда существовала опасность, что пленные, захваченные германцами во время набегов на наши

окопы, могут неумышленно выболтать кое-что неприятелю. По этому вопросу читались специальные лекции для всех чинов; относительное спокойствие на британском фронте от конца апреля до начала августа позволяло широко организовать чтение этих лекций.

6 августа, за два дня до начала наступления, неприятель захватил 200 британских пленных в Морланкурском секторе. Они были подвергнуты строгому допросу. Несколько дней спустя протоколы допроса были захвачены нами: из них явствовало, что пленные ничего не рассказали германцам о предполагавшемся наступлении. Между тем, один мой знакомый офицер разведки рассказывал мне, что в этот период войны ему удавалось получить от небольших групп германских пленных подробные сведения о расположении их окопов, о местонахождении их штабов, рот и батальонов. При допросах более значительных групп пленных получались также указания о местонахождении батарей, штабов дивизий и тыловых организаций. Этот офицер рассказал мне также анекдот, который стóит здесь привести, так как он показывает, какие применялись иногда способы для сохранения тайны.

Как-то была послана телеграмма, составленная по импровизированному коду, автором которого был один чиновник отдела снабжения. В закодированном виде телеграмма гласила: «Просьба прислать панталоны Нетти, так как панталоны Эльси слишком коротки». В этом заключалось требование на специальные виды снаряжения для фронта. Кто-то из высших офицеров, лишенный чувства юмора, запросил командующего армией, давал ли он разрешение на отправку таких совершенно непристойных телеграмм.

Этих немногих замечаний достаточно, чтобы показать, как была сохранена тайна внутри самой четвертой армии. Но в этой, как и в других операциях на основных театрах войны, главная опасность утечки информации таилась не столько среди войск на фронте, сколько среди работников на коммуникационных линиях и на базах, а также среди сплетников, военных и штатских, в глубоком тылу. Я уже упоминал о болтовне на одном завтраке в Лондоне, где разглашалась тайна о наших потерях в ютландской битве. Это могло нам принести много вреда, хотя и случилось после битвы. Но выдача тайны предполагаемого наступления во время окопной войны, которая велась на фронте протяжением в 300 миль во Франции и Фландрии, могла прямо привести к поражению. Для подготовки быстрого

наступления требовалось много недель; если бы неприятель заметил ее, то у него оставалось достаточно времени, чтобы подтянуть резервы к угрожаемой части фронта; главным образом, по этой именно причине большинство дорогостоивших атак не давало решительных результатов.

Во время подготовки наступления Манжена Фош подвергался нападкам со стороны верховного военного совета и других властей, политических и военных. Он скрывал свои соображения даже от Хейга, от которого он, тем не менее, требовал для усиления удара дополнительных британских частей. К сказанному выше об этом деле я могу добавить еще письменное сообщение, посланное Хейгом Ллойд Джорджу накануне наступления Манжена, — оно может послужить образцом доброжелательного сотрудничества со стороны военачальника, которого его коллега держал в неведении. Хейг писал:

«Я беру на себя риск, полностью сознавая, что если диспозиции Фоша окажутся неверными, то вина за это падет на меня. С другой стороны, если они окажутся правильными, то честь будет принадлежать Фошу. Правительство должно знать это заранее»[1].

Я могу удостоверить, что в Уайтхолле в общем ничего не знали о плане Роулинсона, даже тогда, когда четвертая армия уже начала свое наступление утром 8 августа 1918 г. У меня лично сложилось впечатление, что заранее ничего не знали также ни премьер-министр, ни военный кабинет. Но для этого у меня нет точных доказательств.

Когда я 20 лет назад имел смелость заняться чтением лекций о военном деле для студентов высшей военной школы, я, помнится, высказал предположение, что в штабе армии может всегда оказаться хотя бы по одному экземпляру следующих типов людей: 1) дурак — ему нужно сообщать все приказы, чтобы убедиться, что они составлены достаточно ясно и не могут быть использованы неправильно; 2) болтун — ему не следует поверять настоящих секретов; 3) гибкий человек для «деликатных» и «скользких» поручений, доверенное лицо командующего — он должен снабжать тип № 2 (болтуна) сообщениями, распространение которых желательно. Я не знаю, были ли эти типы представлены в штабе четвертой армии Роулинсона, — я не изучал списков офицеров штаба его

---

[1] Подробно я рассказывал об этом в написанной мной биографии маршала Фоша.

с целью попытаться установить наличие этих типов из числа моих бывших студентов. Однако я могу дать некоторое представление о тех ложных версиях, которые распускались умышленно для распространения за пределами четвертой армии. Четыре или пять таких версий были предметом долгих разговоров.

«По секрету» распространялось сообщение, что канадский корпус предпримет вскоре наступление на гору Кеммель, ключевую позицию, которую французы потеряли в апреле. Этому слуху поверили многие, и бельгийский король Альберт даже обиделся, почему ему во-время не сообщили об этом секрете. Другой слух был связан с передвижением 22-го армейского корпуса, который Хейг недавно по просьбе Фоша послал в подкрепление французской армии. Для проведения атаки 8 августа нужно было сосредоточить позади линии фронта четвертой армии один кавалерийский корпус, канадский корпус и известное количество танков и артиллерийских батарей. Все были уверены в том, что передвижение этих частей вызвано тем, что они должны занять место 22-го корпуса. Мне кажется, что этот слух был умышленно пущен. Ходил еще «слух», что истинная причина усиления четвертой армии заключается в следующем: эта армия, якобы, получила приказ растянуть свой фронт вправо, чтобы там можно было снять с фронта французские войска, нужные для подкрепления их собственной армии в Аргоннах. У меня достаточно оснований думать, что все эти «правдоподобные» слухи исходили из штаба четвертой армии.

Мне кажется, я показал достаточно ясно, как тайна была сохранена в течение недель перед тем большим сражением, которое явилось важнейшим фактором в развязывании большого наступления, приведшего к победе союзных и объединившихся держав в 1918 г., между тем как все государственные деятели и почти все военные уже отказались от надежды на успех раньше 1919 г.

Нам остается коснуться в этой связи еще двух вопросов: во-первых, каким образом была обеспечена секретность в последние часы перед сражением, когда огромные массы людей и снаряжения скучивались на небольшом пространстве, представляя собой верную мишень для смертоносной газовой атаки, которая могла сорвать всю операцию; во-вторых, какие методы, помимо обычной работы секретных агентов и шпионов, применялись для того, чтобы раздобыть сведения о самых тайных диспозициях врага. В следующей главе мы сначала коснемся вто-

рого из этих вопросов, а описание секретно проведенной концентрации масс составит прелюдию к изложению событий кульминационного момента.

ГЛАВА XXIII

ХОРОШО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА

(1918)

2

Так как обе стороны находились в подземных окопах, то информация, собранная путем личного наблюдения разведчиков, не представляет большой ценности. Наиболее важные сведения о том, что происходит в тылу врага в четвертой армии, были получены от пленных и при помощи аэрофотосъемок. Любой пехотный офицер или солдат, участвовавший в окопной войне на западном фронте, вероятно, согласится со мной, что ни один приказ на фронте им не был так неприятен, как распоряжение о налете на неприятельские окопы и захвате пленных. Такая операция требовала тщательной подготовки; по крайней мере для некоторых участников она означала верную смерть. Но известным утешением могло служить сознание, что ценность такого налета не может быть слишком преувеличена. Полученная от пленных информация давала указания о том, где находятся пулеметные гнезда, установки окопных мортир, штабы отдельных частей. Когда начиналась атака, артиллерия концентрировала свой огонь на этих жизненно важных мишенях, спасая таким образом жизнь многих тысяч участников большой атаки.

Среди крупных партий пленных всегда находились толковые и в то же время разговорчивые люди, которые явно любили рисоваться своей осведомленностью. Основываясь на их показаниях, можно было установить, какие неприятельские части находятся непосредственно перед четвертой армией, но их заявления давали мало сведений о неприятельских дивизиях, находившихся в резерве в этом районе. Аэрофотосъемки оказывали большую услугу для проверки заявлений пленных, причем те или иные неясные пункты на фотоснимках получали свое объяснение при допросе пленных. Иногда батареи устанавливались в течение одной ночи и тщательно маскировались, сведения о них получались только от пленных.

Моральное состояние неприятеля — другой важный во-

прос, о котором можно было получать точные сведения от пленных: об этом можно было судить по их поведению, общему виду, разговорам и по найденным у них документам. Нет никакого сомнения, что моральное состояние германцев значительно ухудшилось, в особенности после контрнаступления Манжена в июле. Штабом Хейга были изданы специальные инструкции, в которых предписывалось обращать внимание на призывной год пленных. Так как среди пленных попадалась зеленая молодежь, то стало ясно, что у германцев начинают иссякать людские резервы. Признаком угнетенности и вялости среди германских войск считалось также отсутствие проволочных заграждений на фронте германской оборонительной линии в течение многих месяцев после того, как закончилось их наступление на этом фронте. (С одинаковой вероятностью можно полагать, что отсутствие проволочных заграждений объяснялось намерением принца Рупрехта вновь использовать резервы для наступления на англичан, в случае успешности атаки, предпринятой 15 июля по обе стороны Реймса, в сторону Шалона. Но этот план Рупрехта, как мы знаем, Фош сорвал своей атакой 18 июля, которая заставила германцев перебросить свои резервы на помощь частям, очутившимся в затруднительном положении к югу от Суассона.) Отсутствие проволочных заграждений, какова бы ни была действительная причина этого, способствовало подъему настроения в рядах четвертой армии. Войска с трудом могли представить себе, что перед ними тот же самый враг, чьи проволочные заграждения, созданные путем затраты огромного количества труда, были предметом зависти и причиной страданий британских войск в первой битве на Сомме в июле.

Огромное количество сведений о местонахождении резервов в тылу германского фронта было получено из захваченных документов, главным образом частных писем. Таким путем были получены данные о дивизиях в тыловых районах, откуда солдаты писали своим друзьям в окопах о предстоящем прибытии. Всякий, кто помнит монотонную жизнь в окопах, знает, как трудно человеку, отправляемому туда, расстаться со своей личной корреспонденцией. Несомненно, и германцы подобным же путем собирали ценную информацию.

Документы, взятые у германских пленных в тот период, свидетельствовали о том, что моральное состояние падает не только в войсках, но и среди гражданского населения Германии, — письма из дому были полны жалоб

на недостаток продовольствия и на всякие прочие трудности. Несомненно, и агенты разведки, находившиеся за линией германского фронта, посылали порядочное количество информаций в штаб Хейга, но, описывая действия разведки четвертой армии, мы это оставляем в стороне.

По собранным отделом разведки сведениям, Роулинсон знал, что он имеет перед собой шесть германских дивизий. Как оказалось впоследствии, ночь с 7 на 8 августа была использована германцами для смены некоторых частей, благодаря чему несколько увеличилось общее число дивизий противника на фронте. На деле это пошло на пользу англичанам. «Никогда не следует производить смену войск в обстановке боя», — таково было правило Фоша. Германцы, может быть, и последовали бы этому правилу, если бы знали, что предстоит бой. В результате ни сменяемые, ни присланные им на смену не могли быть использованы германской штаб-квартирой в качестве резервов.

В итоге работы, проведенной отделом разведки четвертой армии перед решительной битвой при Амьене 8 августа 1918 г., атака британских войск явилась для врага полной неожиданностью, а командование четвертой армией имело в своем распоряжении исключительно подробные и точные данные о силе и расстановке германских войск на этом участке фронта. По этим данным, на передовых линиях неприятеля было 52 батальона и на второй линии 20 батальонов, всего 72 батальона при 17 тысячах винтовок, 1 400 пулеметов и 870 скорострельных орудиях.

Теперь обратимся к вопросу: каким образом Роулинсону удалось незаметно для противника сосредоточить огромное количество танков, батарей и войск в ближайшем тылу четвертой армии, где они в случае обнаружения противником могли подвергнуться газовой атаке?

Нужно иметь в виду, что темпы концентрации больших масс могут быть значительно ускорены путем долгой и тщательно проведенной подготовки, а в последние часы перед большим наступлением быстрота выполнения содействует секретности.

В течение последней недели перед наступлением в район Амьена прибыло 290 специальных поездов (230 с войсками и 60 с добавочным военным снаряжением). В тылу четвертой армии было запрещено всякое передвижение транспорта на восток в дневные часы. Аэропланы постоянно следили, не происходят ли какие-либо необычные передвижения в тылу неприятеля. Эти наблюдения производи-

лись до самой ночи с 7 на 8 августа. Канадцы, которым вместе с австралийцами предстояло играть ведущую роль в наступлении, заняли свое место на фронте лишь в 2 часа 30 мин. пополуночи — за 2 часа до начала атаки. В предшествовавшие дни их держали в дальнем тылу, и у германцев не было ни малейшего представления о том, что они уже находятся где-то по соседству (канадцы прибыли в ночь с 30 на 31 июля). Офицерам было предложено производить рекогносцировку лишь небольшими партиями и не давать сигналов помахиванием карт. Вновь прибывшим батареям запрещено было заниматься проверкой дальности своих прицелов.

Концентрация войск в действительности началась в ночь с 29 на 30 июля: была подвезена тысяча добавочных орудий, которые устанавливались на определенных позициях. Эта работа была закончена в ночь с 5 на 6 августа; вблизи были сосредоточены также огромные массы боеприпасов. На каждую полевую пушку приходилось 600 снарядов, на крупнокалиберные гаубицы — вплоть до 8-дюймовых — по 400; даже 12-дюймовые орудия имели по 200 снарядов. В этом районе были сосредоточены 456 танков, из них 96 быстроходных; они начали прибывать в ночь с 31 июля на 1 августа, и на заре 5 августа уже все были на месте. Некоторые прибыли самокатом. Большинство было доставлено по железной дороге.

Стягивание кавалерии представляло особые трудности. Опыт показывает, как трудно на фронте провести на водопой большое количество лошадей без нарушения элементарных правил сохранения тайны (это, конечно, применимо и к конной артиллерии). Скрыть кавалерию удалось только потому, что ее до последнего момента держали вдали от фронта, около Окзи-ле-Шато; оттуда она пришла в три ночных перехода, и в ночь с 6 на 7 августа уже была к западу от Амьена. В ночь с 7 на 8-е она прошла через город и на следующее утро была на месте.

Мы можем себе представить, в какой напряженной атмосфере ожидания провело это огромное скопление людей ночь с 7 на 8 августа; всех волновал вопрос, сохранена ли надежно тайна, так как от этого зависела жизнь или смерть для многих тысяч. Казалось невероятным, что настал момент, когда тщательные приготовления и непрерывная работа этих дней и ночей увенчаются полным успехом. Подбадривала уверенность в том, что моральное состояние германских войск плохое. В дополнение к тем сведениям разведки, о которых уже упомина-

лось, были получены данные, подтверждавшие это. Австралийцы при внезапной атаке 4 июля в районе Намеля, имея на фронте в 4 мили шесть батальонов, поддержанных 60 танками, взяли 1 500 пленных.

С другой стороны, были новые факты, которые внушали тревогу. 3 августа, всего за четыре дня до наступления, небольшая группа австралийцев (один сержант и четыре солдата), к несчастью, попала в плен к неприятелю (на дороге у Руа, к востоку от р. Люс). Не выдали ли они чего-нибудь? Конечно, они не могли сделать это умышленно, но немцы могли подслушать их разговоры между собой или поймать их на допросе. Затем, как раз накануне решительного дня, немцами была предпринята жестокая атака против 18-й дивизии к северу от р. Соммы, где германцы взяли 200 пленных, о которых говорилось выше. Эта энергичная атака была предпринята с целью отплатить австралийцам за их прежние налеты. Она и была проведена 27-й вюртембергской дивизией, которая состояла из специальных штурмовых частей, присланных сюда для этой цели, и была поддержана не меньше чем 96 батареями и 32 мортирами. Трудно было представить себе, что неприятель ничего не выведал у такой большой группы пленных[1]. Один из старших офицеров четвертой армии, рассказывая мне про эту ночь, назвал ее «тягостной».

В эти мрачные часы ожидания всех тревожил вопрос, удалось ли действительно обеспечить в полной мере неожиданность. Для британской армии на западном фронте это был бы первый такой случай. Первоначальный план Роулинсона был изменен маршалом Фошем. По своему опыту объединенных атак Роулинсон знал, что, как ни трудно сохранить в тайне крупное британское наступление, это совершенно безнадежно, когда предпринималось наступление совместно с другими союзными войсками, ибо соответствующие распоряжения при таких условиях должны были пройти так много каналов, что неприятель имел возможность узнать об этом и своевременно подтянуть резервы к угрожаемой части фронта.

Болтуны на коммуникационных линиях и в тылу, подхватывавшие разные сообщения, любили хвастать своей осведомленностью о делах на фронте, а если какой-либо военный секрет попадал в межсоюзные политические круги, то он неизбежно становился достоянием врага. Нивелль

---

[1] Подробно об этом в следующей главе.

испытал на себе это во время своего большого наступления весной 1917 г., которым он надеялся победоносно закончить войну. Учитывая это обстоятельство, а также руководясь соображениями о возможности достижения наибольшего военного эффекта, Роулинсон первоначально предполагал пользоваться в битве при Амьене одними только британскими имперскими войсками. По его проекту, французы одновременно должны были наступать со стороны Мондидье. Однако после некоторого обмена мнениями был принят план Фоша, по которому в амьенской операции участвовал также французский армейский корпус, расположенный вправо от британцев.

О смелости этого плана и о том, какое значение имело соблюдение секретности, можно судить по следующим цифрам. Во время ожесточенного наступления немцев на пятую британскую армию Гоуфа 21 марта, когда немцам благоприятствовал густой туман, совершенно скрывший от глаз неприятеля их приготовления, 40 германских дивизий атаковали 14 британских пехотных дивизий, которые на следующей неделе были усилены одной только пехотной дивизией. Кроме того, у британцев были еще 3 кавалерийские дивизии. Итак, 40 германских дивизий против 15 британских. В амьенском же бою 8 августа 11 британских пехотных дивизий (из них 4 канадских и 4 австралийских), поддержанные тремя кавалерийскими дивизиями, атаковали германскую вторую армию Марвица, состоявшую из 15 дивизий, 2 из которых были атакованы 31-м французским корпусом, расположенным вправо от британских частей. В ближайшие три дня немцы получили 12 дополнительных дивизий, в то время как армия Роулинсона была подкреплена лишь тремя дивизиями. В итоге 14 пехотных дивизий Роулинсона и 3 кавалерийские дивизии имели дело в течение 4-дневных боев с 25 германскими дивизиями, из которых многие были уничтожены британцами.

Такова была битва у Амьена, «день траура для германской армии», — как выразился Людендорф. Когда начался бой, кронпринц Рупрехт, командовавший соединением армий, в которое входила и армия Марвица, имел еще в резерве 30 дивизий; они были предназначены для наступления, которое германцы хотели предпринять с целью прорвать фронт союзников в направлении на Ламанш. В результате амьенских боев пришлось отказаться от этого плана.

В наступлении вместе с канадцами и австралийцами

участвовал третий британский корпус, а также воздушные силы. В течение трех дней, предшествовавших наступлению, погода была неблагоприятна для воздушного наблюдения. Эта погода была выгодна четвертой армии, в особенности тем, что давала возможность скрыть водопой большого количества лошадей. В самом начале боя по крайней мере две трети тяжелых британских снарядов, примерно из 400 орудий, попали в цель по германским батареям, местонахождение которых было установлено с помощью вышеописанных методов, включая аэрофотосъемку. Тот же старший офицер четвертой армии, о котором я уже упомянул, писал: «Германская артиллерия фактически не отвечала на бомбардировку». До наступления не было никакой артиллерийской бомбардировки, так как она раскрыла бы германцам все наши планы.

Воздушные силы Великобритании были реорганизованы 1 апреля 1918 г. Мы уже отметили ценность фотографических съемок, сделанных накануне боя. 8 августа шли энергичные бои за господство в воздухе; на каждой стороне участвовало около 70 самолетов. Понеся тяжелые потери, британская авиация все же одержала верх, и с этого момента уцелевшие летчики выполняли всевозможные задания, вплоть до сбрасывания на парашютах амуниции для бойцов на земле. В то же время многие самолеты круто пикировали и поливали огнем из пулеметов отступавшего неприятеля.

В заключение приведем слова начальника генерального штаба четвертой армии:

«8 августа является образцом того, как можно добиться секретности, если приняты соответствующие меры, если разработана каждая деталь. Этот день свидетельствует также о тщательной работе штаба, сумевшего сосредоточить такое огромное количество людей, лошадей, орудий и военных материалов на фронте в 22 тыс. ярдов [1], причем все было проведено так, что германцы ничего не знали и не имели ни малейшего представления о том, что перед ними сосредоточены такие огромные силы. *Это было достигнуто благодаря тому, что должное внимание было обращено на соблюдение тайны и что административная работа штаба была действительно на высоте.* Работа штаба содействовала победе 8 августа в большей мере, чем что бы то ни было другое» [2].

---

[1] Около 20 *км.*

[2] «Journal of the Royal Artillery Institution» (April 1929).

Примечание автора. Когда глава была уже написана, автор получил из заслуживающих доверия источников сведения, что Роулинсон рассчитывал встретить 8 августа перед собой 10 германских дивизий с 6 дивизиями в резерве; немецкие самолеты постоянно следили за необычными передвижениями позади линии четвертой армии накануне наступления; прибытие канадцев началось в ночь с 30 на 31 июля; фронт наступления австралийцев составлял 6 тыс. ярдов, и, наконец, после того как британская королевская авиация 8 августа добилась временного превосходства, ожесточенные бои с германскими подкреплениями за сохранение этого превосходства возобновились 10 августа.

ГЛАВА XXIV

ИНФОРМАЦИЯ, ПОЛУЧЕННАЯ ОТ ПЛЕННЫХ. МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ГЕРМАНЦЕВ в 1918 г.

При изучении оригинальных документов, в которых отразилась информация, собранная британскими имперскими армиями во Франции и Фландрии, больше всего поражает полнота сведений о неприятеле, который оставался скрытым по ту сторону «ничьей земли». В последней стадии войны удавалось точно установить местонахождение почти каждой неприятельской дивизии как на фронте, так и в резерве. На составленных разведкой картах, которые постоянно обновлялись, указаны укрепленные линии обороны, расположение штабов, батарей и пути сообщения. Система получения информации была разработана постепенно в течение многих месяцев почти неподвижной окопной войны.

Главными источниками информации для полевой разведки были заявления и документы пленных и беженцев из районов, занятых неприятелем, воздушные наблюдения и аэрофотосъемки, слуховые установки, донесения наблюдательных постов и радиопередачи. Потоки информации из всех этих различных источников стекались в разведывательные отделы штабов корпусов и генерального штаба армии. Там все эти сведения проверялись, сопоставлялись и координировались, после чего составлялись сводки, которые, по мере накопления опыта, становились все более точными. Затем сводки передавались в оперативные отделы штабов корпусов и генштаба армии. Эта работа велась далеко за линией фронта, в штабах корпусов, а не в штабах дивизий, потому что ввиду огромного размаха операций дивизия в данной войне представляла собой тактическое соединение, которому непрестанно приходилось менять свое место, между тем как штабы

высших войсковых формаций почти всегда оставались на месте.

Возвратимся к 1 июля 1916 г., т. е. к первому дню битвы на Сомме, когда новые британские армии получили свое боевое крещение. Мы видим, что разведывательный отдел в течение последней недели перед этим историческим днем не имел никакого представления о действительном положении дел, что представляло серьезную опасность. Позади линии неприятельского фронта были отмечены какие-то передвижения войсковых частей, но из этого нельзя было сделать никаких определенных выводов. Налеты на неприятельские окопы не удавались, а те немногие пленные, которые нам попадались, или ничего не знали или упорно молчали. Затем началась предварительная бомбардировка. Она была использована для организации ночных вылазок с целью удостовериться, в какой мере разрушены проволочные заграждения артиллерийским огнем, получили ли неприятельские войска подкрепления и ожидают ли они нашего наступления.

Результат этих налетов сказался немедленно: уже через несколько часов после вылазки разведка штаба могла сообщать оперативному отделу точное число неприятельских дивизий, находившихся на линии фронта и в ближайшем резерве. Исчерпывающую информацию по этим вопросам давали письма и документы, захваченные у пленных, обнаруженные в подземных убежищах или найденные при убитых. Сначала солдаты старались сохранить некоторые из этих документов «на память», но эти тенденции вскоре удалось преодолеть, и число писем, достигавших места своего должного назначения — разведывательного штаба корпуса, — быстро возросло. Особенно ценными были сведения о настроениях в Германии. Их получению сильно помогла привычка германских солдат вести интимные дневники и их страсть к фотографированию в полной форме, как по одиночке, так и группами.

Авторы дневников заносили в них свои мысли и чаяния, записывали названия тех мест, какие они посещали, и тех дорог, по каким они двигались, отмечали продолжительность остановок, писали о том, что они ели и пили и т. д. Таким образом, захваченные дневники заключали в себе полезную и обильную информацию. В то время германская цензура очень вяло следила за почтовыми открытками с фронта. На этих открытках, помимо адреса получателя, фигурировали имя, полк и адрес отправителя. На открытках с групповыми фотографиями форма давала прямое

указание на то, к какой части принадлежали снятые группой солдаты, а по почтовым штемпелям можно было судить о месте и времени их отправки, что давало ценный материал для выводов. Можно было бы привести много ярких примеров того, как были использованы офицерами британской разведки документы, захваченные у германских солдат. Я приведу лишь два примера, относящиеся к сентябрю 1916 г., причем опускаю детали, по которым можно было бы установить действительных участников событий, если они еще живы.

7 сентября у одного неприятельского дезертира, захваченного вблизи Дельвильского леса, оказался батальонный приказ, из которого можно было установить, что полк, в состав которого входил этот батальон, должен быть в определенное время и по определенному маршруту сменен другим полком. Эти сведения были использованы для того, чтобы в критический момент подвергнуть артиллерийскому обстрелу указанные пути к окопам. В результате подошедший полк понес такие тяжелые потери, что смог оставаться на линии фронта лишь два дня.

В том же месяце около Мартинпюша был взят в плен солдат, у которого нашли копию полкового приказа, содержавшего данные о сроке смены данного полка. В приказе также давались инструкции проводникам, которые должны были встретить полк в определенной деревне, и указывалось, что у деревенской церкви солдат будут ждать автобусы.

Даже грязные старые конверты и открытки, подбиравшиеся во вражеских окопах и подземных убежищах, служили для высшего командования источником чрезвычайно полезной информации. Солдатские расчетные книжки, содержавшие возрастные данные о каждом солдате, показывали, как быстро расходовались германские людские резервы и какие призывные возрасты уже взяты на военную службу.

Важность собирания и отбора этих материалов и допроса пленных совершенно очевидна, но нужно иметь в виду и трудности, которые возникали, когда сразу захватывались тысячи пленных. Этапные командиры, ведавшие пленными, естественно стремились как можно скорее переправить их в тыл, чтобы избежать всякого рода административных хлопот, связанных с их снабжением, конвоированием и т. д. В целях лучшей организации допроса была разработана особая система «клеток»: пленные разбивались на группы соответственно их чинам, от-

бирались и отдельно допрашивались люди, казавшиеся наиболее выгодным материалом для перекрестного допроса, и т. д. Вначале это приводило к задержкам в разработке сведений, но потом благодаря опыту задержки были сведены к минимуму. Документы каждого пленного вкладывались в отдельный пакет, к которому прикреплялась карточка с указанием имени, даты и места, где был захвачен пленный.

Германцы также многому научились на опыте. Это показали те методы, с помощью которых они ввели в полное заблуждение полевую разведку французской армии перед наступлением 27 мая 1918 г., когда французам пришлось отступить до Марны; но когда после наступления Манжена 18 июля того же года в военной ситуации наступил перелом и германские пленные снова стали попадать большими массами в руки союзников, то германскому командованию пришлось снова издать строгий приказ о том, как пленные должны держаться на допросах. Прежде всего оно старалось запугать своих солдат, предпочитавших плен гибели на фронте: в приказе подчеркивалось, что неприятель подвергает пленных «беспримерно жестоким испытаниям» и что солдаты, взятые в плен союзниками, «будут замучены насмерть». Затем следовало признание, что война уже дала много примеров, когда точная информация, даваемая пленными, принесла гибель их собственным товарищам и содействовала срыву германских атак. Это ставило-де под угрозу исход войны и всю судьбу фатерланда. В виде воодушевляющего примера в приказе приводилось поведение девятнадцатилетнего германского солдата, который, попав в плен в августе 1917 г., сослался на свою присягу и отказался сообщить врагам какую бы то ни было информацию. Июльский приказ 1918 г. заканчивался угрозой по адресу солдат, которые в плену будут давать информацию врагу: они сами по окончании войны будут преданы уголовному суду, а родные (родители, братья, сестры, жены и дети) подвергнутся «большим неприятностям».

В предыдущей главе мы упомянули об опасениях, что взятые до 8 августа 1918 г. в плен солдаты 18-й дивизии и небольшого австралийского патруля могут выдать тайну. В результате упомянутой жестокой атаки, предпринятой германцами с целью отомстить австралийцам, которые перед тем занимали этот участок фронта, в плен попали 5 офицеров и 231 солдат 18-й дивизии. Захваченный в плен австралийский патруль состоял из сержанта

и 5 солдат. Во время успешного наступления британской четвертой армии у неприятеля были захвачены протоколы допроса этих пленных от 6 августа.

Офицеры и солдаты 18-й дивизии не дали никакой информации о подготовке к большому наступлению, которая тогда уже приближалась к своему завершению. Отчет о допросе австралийского патруля говорит сам за себя:

«Пленные — молодые люди в возрасте от 21 до 31 года. Они производят впечатление хороших солдат, хотя военные знания их ограничены. Среди них один сержант, долгое время без перерыва служивший в армии. Он отказался сообщить какие бы то ни было военные сведения, и его нельзя было поколебать никакими средствами. Из остальных некоторые недолго служили в батальоне, а другие будто бы из-за ранений долгое время провели в госпитале и в отпуске, и нет способов проверить, верно это или нет.

Общее настроение их бодрое, все они много говорят о помощи американцев[1]... От них нельзя было получить никаких сведений об авиации, о прожекторах, метеорологической службе, дирижаблях, аэростатах, пулеметах, дальнобойных орудиях, бомбардировке тыла, противогазовой защите».

Этот патруль удостоился специального упоминания в приказах по австралийскому корпусу. Вообще, почти на всех германских протоколах допроса имелись надписи: «Никакой информации» или «Ничего существенного».

В середине августа 1918 г. британский старший сержант, бежавший из германского концентрационного лагеря, где он находился в плену с ноября 1914 г. до марта 1918 г., представил ценный доклад о немецких методах получения информации от пленных. На основании этого и других подобных докладов Хейга были составлены подробные инструкции по этому вопросу. Германцы, так же как и мы, подвергали исследованию документы и письма; кроме того они вели устный допрос — иногда официально, а иногда под видом случайных бесед. Немецкие агенты, выдавая себя за британских или союзных офицеров и солдат, жили среди пленных в лагерях или госпиталях. Иногда эти агенты симулировали ранения. В палатах или лагерях устанавливались слуховые аппараты для подслушивания частных разговоров пленных между собой.

---

[1] Этим замечанием следует заинтересоваться тем лицам, которые умаляют эффект участия американцев в войне.

В моем распоряжении имеется составленный германцами отчет от 6 сентября 1918 г. о числе британских имперских и союзных дивизий на западном фронте на это число. Общее число дивизий указано точно: 211 пехотных и 10 кавалерийских дивизий. В перечислении частей были ошибки, которые покрывали друг друга. Число новых американских дивизий было указано на 4 меньше, чем в действительности; число других дивизий преувеличено на одну; две британские и одна французская дивизии вообще не были указаны. При подсчете количества дивизий на линии фронта германцы преувеличили британские силы, указав к югу от Скарпы, перед германской 17-й армией, 18 дивизий вместо 11. Из общего числа 211 союзных дивизий 17 были неправильно отнесены к фронту и 42—к резерву. Таким образом, ошибка в распределении дивизий составляет более четверти их общего числа. Эта ошибка, несомненно, может быть объяснена постоянными атаками союзников в последние недели и тем смятением, которое наступило в германских войсках в результате вынужденного отступления.

Точные сведения о распределении дивизий на фронте и в резерве весьма важны для обеих сторон, но для союзников было еще важнее применить все методы разведки для выяснения морального состояния германских армий.

Приведем несколько отчетов по этому вопросу. Они взяты наудачу из разных документов, захваченных у пленных, и из протоколов их допросов.

2 февраля 1918 г. Людендорф издал приказ, в котором жаловался на то, что офицеры во время своего отпуска постоянно выражают сомнение в боевой готовности германской армии. Он запретил офицерам всякие разговоры на темы, имеющие военное значение. В приказе говорилось: «Распространение ложных заявлений обычно происходит вследствие желания выставить себя важным лицом, а это объясняется личным тщеславием... Нет слов достаточно сильных для осуждения подобного поведения». (Как мы видели выше, такого осуждения заслуживала болтовня о военных делах не в одной только Германии.)

12 марта Людендорф издал еще один секретный приказ. В нем отмечалось, что солдаты во время отпуска публично заявляют, что после войны в Германии вспыхнет революция.

Следует отметить, что эти примеры относятся к тому времени, когда германцы еще не испытали разочарова-

ния, вызванного неудачей их больших наступлений против британских армий в марте и апреле. В общем, нужно сказать, что пока германские атаки продолжались и еще оставалась надежда прорваться к Ламаншу и вбить клин между британской и французской армиями, моральное состояние германской армии в целом было определенно хорошим.

Невозможность добиться обещанных успехов и окончить войну на Западе так же удачно, как на Востоке, привела к разочарованию, последствия которого стали сказываться в середине мая. В то время появляются сообщения о самовольных захватах продовольственных маршрутов вооруженными солдатами; в таких грабежах участвовали даже отборные штурмовые части фон Гутье, о котором мы так много слышали. В том же месяце было жестоко подавлено серьезное восстание в Беверлоо. В первых числах июня, во время начатого 27 мая успешного наступления на французском участке фронта, фон Марвиц, армия которого, наступая справа от фон Гутье, еще в марте успешно продвинулась в боях против пятой британской армии, жаловался, что дисциплина в его частях серьезно расшатана. Несколько дней спустя он констатировал, что число солдат, отказывающихся выполнять приказы, тревожно велико. В середине июня фон Бен, командовавший 7-й армией, которая играла ведущую роль в успешном наступлении германцев, жаловался в своих приказах на то, что солдаты расхищают пайки.

В показаниях пленных в это время постоянно встречаются ссылки на неустойчивое моральное состояние немцев. Под влиянием контратаки Манжена 18 июля и амьенской битвы разложение германской армии стало развиваться еще быстрее. В свете позднейших событий яснее видно, как за последние недели перед полной катастрофой мелкие щели постепенно превращались в глубокие трещины.

22 июля военное министерство издало подписанный фон Штейном приказ, в котором обращалось внимание на эксцессы солдат, отправлявшихся на фронт, и на постоянный рост числа таких эксцессов. Приказом предписывались строгие репрессивные меры против виновных. Он содержал также следующее признание:

«Военные части не подчиняются ни приказам, ни инструкциям, часто оказывают сопротивление и оскорбляют действием своих начальников».

Новобранцам воспрещалось выдавать на руки боевые припасы. При перевозке солдат предлагалось прицеплять

к поездам запертые товарные вагоны, которые должны были служить местом заключения для солдат, причем в качестве надсмотрщиков предлагалось назначать самых «энергичных» унтер-офицеров. Предлагалось также установить наблюдение за каждым солдатом, а всякое сопротивление подавлять вооруженной силой.

В показаниях пленных мы находим сообщения, что моральное состояние офицеров неудовлетворительно и что офицеры выражают недовольство приказами высшего командования. Там содержатся также сведения, что части, перебрасываемые с русского фронта, и новобранцы бунтуют. Пленные рассказывали, что потеря германцами захваченной территории произвела удручающее впечатление, что велико число дезертиров, что учащаются случаи неподчинения в тыловых частях, что производятся массовые аресты, что солдаты открыто выражают свою радость, когда штабы крупных соединений подвергаются обстрелу британской артиллерии. По рассказам пленных, германских солдат охватило уныние, когда они в августе узнали, до какой степени уже исчерпались германские резервы. По этим рассказам видно также, какое влияние оказывали настроения солдат-отпускников на моральное состояние гражданского населения.

После войны представители германского высшего командования неоднократно жаловались, что поражение германской армии явилось результатом отсутствия поддержки со стороны упавшего духом германского народа. Показания пленных и захваченные перед концом войны секретные документы говорят о том, что причину поражения надо искать в другом месте: падение духа германского народа было вызвано поражением армии, а также морской блокадой. Это определенно признано самим Людендорфом в его приказе от 3 сентября. Там он ссылался на возрастающее количество поступающих из Германии жалоб по поводу того, что солдаты, находясь в отпуску, создают неблагоприятную обстановку своими заявлениями, граничащими с изменой и призывом к непослушанию. В этом приказе Людендорфа имеется следующая фраза: «Подобного рода случаи роняют честь и достоинство не только отдельных лиц, но и всей армии, и вообще оказывают *катастрофическое влияние на дух всего народа в тылу*».

В конце августа и в первые три недели сентября были получены дальнейшие свидетельства того, что лавина катится вниз «по наклонной плоскости и с нарастающей

быстротой», как об этом впоследствии выразился маршал Фош. В захваченных документах мы находим отчаянные призывы командования к войскам не сдавать позиции. Пулеметчики и артиллеристы были, повидимому, меньше задеты общим настроением и продолжали оказывать упорное сопротивление. Протоколы допроса пленных, захваченных 30 и 31 августа, показывают, что среди солдат на фронте число дезертиров незначительно, что солдаты считали более безопасным для себя сдаваться в плен наступавшим союзникам и что этому потворствовали унтер-офицеры. Офицеры держались твердо, но не могли помешать тому, что солдаты начали массами сдаваться в плен. Неуклонно падало уважение солдат, долго прослуживших в армии, к молодым офицерам, не имевшим за собой долгой службы.

27 сентября в штабе Хейга пришли к заключению, что поражение германских войск, наступавших на британские войска в марте и на французские в июле, и последовавшие за этим успешные операции союзников на западном и других фронтах вызвали значительное ухудшение морального состояния германцев. Однако перед британской имперской армией еще оставалась великая «гинденбурговская линия» укреплений, которая считалась неприступной и на создание которой было затрачено свыше двух лет.

В одной из дальнейших глав мы расскажем, как разведка добыла информацию о «линии Гинденбурга». Теперь же вернемся к теме о неожиданном ударе в маневренной войне. Яркий пример этому находим в кампании Алленби в Палестине и Сирии.

ГЛАВА XXV

АЛЛЕНБИ В ПАЛЕСТИНЕ И СИРИИ

(1918)

В одной из предыдущих глав мы уже видели, как турецкие и германские генералы были обмануты «глупыми» англичанами, которые ввели их в заблуждение с помощью хорошо разыгранной «потери» полевой сумки накануне захвата Беершебы. Мы проследили ход событий до занятия Иерусалима. В Иерусалиме для нужд штаба Алленби был снят целый отель, но Алленби вовсе не собирался расположиться со своим штабом в Иерусалиме. Этот лож-

ный слух о месте пребывания штаба Алленби оказался потом полезным: в действительности штаб разместился в другом месте и был избавлен от внимания неприятельской авиации.

Алленби оставил Иерусалим, чтобы завершить военную задачу и освободить Палестину и Сирию от турецкого гнета последних четырех веков.

Мы остановимся очень коротко на операциях, проведенных в период между занятием Иерусалима в декабре 1917 и третьей неделей сентября 1918 г., когда Алленби одержал решительную победу в прибрежной Шаронской равнине, открывшей ему дорогу к уничтожению основных сил турецкой армии. Мы увидим дальше, что перед решительной битвой и здесь удалось сохранить тайну о подготовляемой атаке, как раньше, во время наступления на Беершебу, предшествовавшего «третьей битве при Газе» в октябре 1917 г.

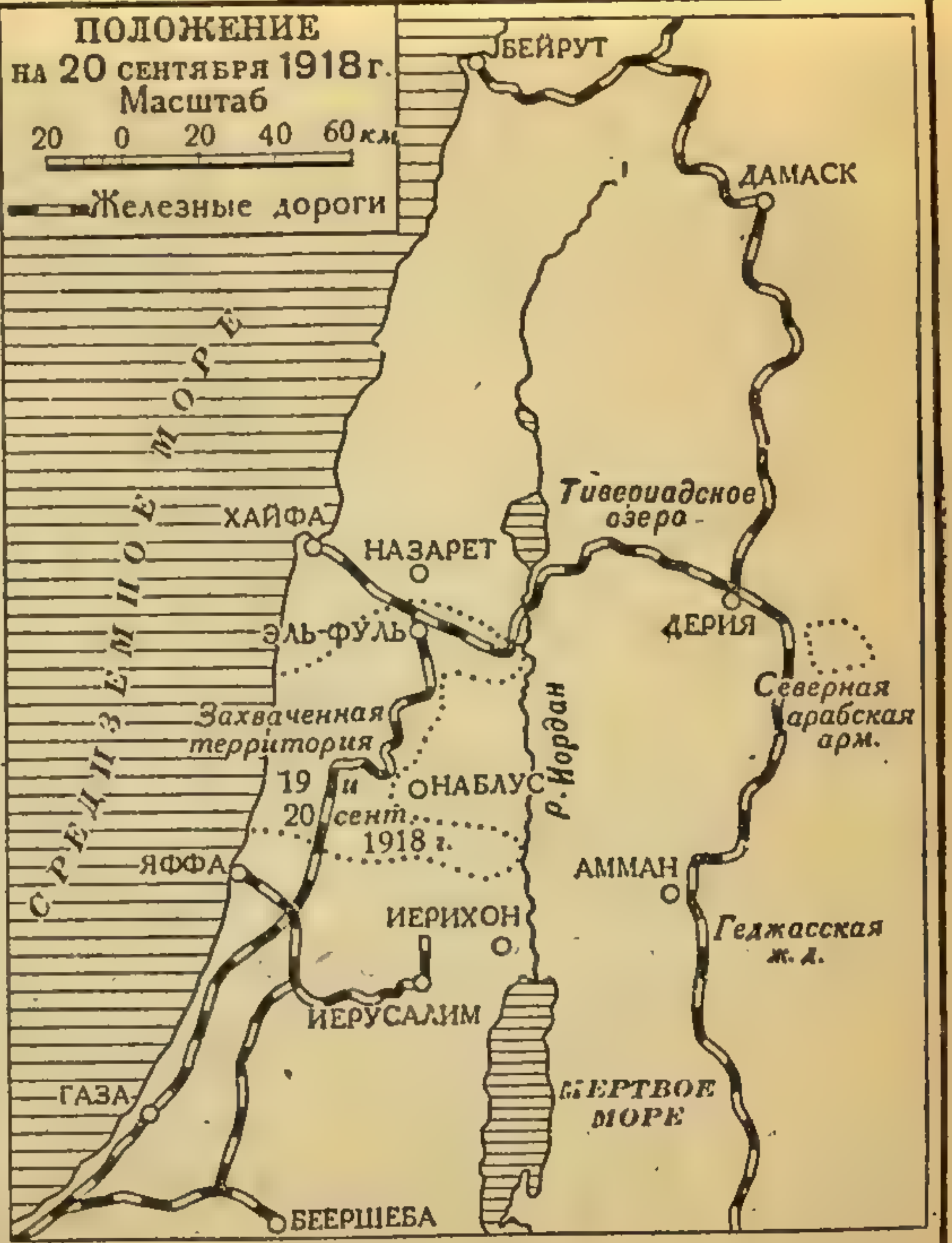
После падения Иерусалима турецкая армия разделилась на две части: одна находилась к северу от Яффы, поблизости от берега, другая к северу от Иерусалима. Подробности операций, в результате которых Алленби заставил отступить обе эти части к северу в конце года, не относятся к нашей теме о разведке. Отметим только, что ему удалось с полным соблюдением тайны собрать большое количество материалов для наводки моста через реку Нахр-эль-Оджа (к северу от Яффы), которую можно перейти вброд лишь в некоторых местах. Точно так же мы не будем касаться турецких попыток отвоевать Иерусалим с помощью свежих подкреплений. Заметим лишь, что разведка во-время предупредила о предстоявшем нападении и атака была отбита.

Затем последовали события: наступление британских войск на гору Ефраим, спуск в феврале в Иорданскую долину, занятие Иерихона, различные вылазки, переход через Иордан в конце марта. В апреле значительная часть армии Алленби была отправлена на западный фронт в Европу, где она, как ясно из предыдущего, была крайне необходима. Время от мая до сентября ушло на укрепление позиций в завоеванных местах, на реорганизацию и усиление частей и подготовку окончательного наступления.

К началу сентября создалось следующее положение: Алленби вырвал из рук неприятеля всю страну к югу от линии, идущей от пункта в 10 милях к северу от Яффы на берегу моря до пункта на Иордане, приблизительно в 20 милях к северу от Мертвого моря. К востоку от Иор-

БИТВА ПРИ МЕДЖИДДЕ
ПЕРВАЯ СТАДИЯ

дана и Мертвого моря турки еще удерживали Геджасскую железную дорогу до Маана (в 60 милях к югу от Мертвого моря). В их руках находилась также железная дорога, которая, начиная с фронта за Яффой, вела до Эль-Фуль внутри страны и до Хайфы на побережье. От Эль-Фуль шла также железнодорожная линия вдоль Иорданской равнины к южному краю Тивериадского озера и далее к Геджасской железной дороге до пункта соединения в Дерии.

В пустыне, в 70 милях к востоку от того пункта, где Иордан впадает в Мертвое море, и около 50 миль к востоку от Геджасской железной дороги, был расположен штаб арабской северной армии. Полковник Лоуренс написал целую поэму о делах арабов под руководством эмира, ныне короля Файсала, и мы не будем вторгаться в его законную область. Мы теперь вернемся к Алленби, к его плану уничтожить всю турецкую армию и расскажем, каким образом этот план был сохранен в тайне. Алленби решил нанести удар туркам к западу от Иордана. Боевые силы неприятеля определялись нашей разведкой в 4 тыс. сабель, 32 тыс. винтовок и 400 орудий. Мы же располагали 12 тыс. сабель, 57 тыс. винтовок и 540 орудиями. Путем фронтальных атак можно было отогнать неприятеля каждый раз на несколько миль, и в результате операция могла тянуться до бесконечности. Если же оказалось бы возможным прорвать турецкую линию в таких жизненно важных центрах, как Эль-Фуль и Дерия, то разгром турок был бы неизбежен, и они не могли бы оказывать дальнейшее сопротивление.

Алленби решил пойти на эту крупную ставку: сконцентрировать свои главные силы на левом фланге, вблизи моря, и двинуть пехоту вперед, чтобы пробить брешь в укрепленной линии неприятеля к северу от Яффы; через эту брешь кавалерия должна была устремиться далеко к северу и захватить важнейшие пункты раньше, чем туда подоспеет отступающий неприятель. В таком случае последний был бы отрезан от своих баз и источников снабжения, и ему оставался бы только выбор между гибелью на поле битвы и голодом или капитуляцией.

С точки зрения разведки Алленби располагал особым преимуществом, потому что британская авиация к тому времени обеспечила свое превосходство над неприятелем. С помощью разведки было установлено местоположение аэродромов позади турецкой линии фронта и расположение всех важнейших штабов турецкой армии. В течение

некоторого времени Алленби не беспокоил этих штабов, давая им, как говорилось тогда, «набираться жиру». Важно было знать, где они находятся, — в случае бомбардировки они передвинулись бы в другое место. План был таков: не тревожить эти штабы до последнего момента, а затем воздушной бомбардировкой стереть с лица земли. В результате коммуникационные линии врага были бы перерезаны в пунктах соединения, а это парализовало бы его командование и организационную работу.

По генеральному плану Алленби предполагалось сконцентрировать на левом фланге вблизи берега не менее пяти из имевшихся в его распоряжении семи пехотных дивизий, удерживая остальную часть фронта с помощью двух дивизий. Позади пехоты предполагалось сконцентрировать кавалерийские дивизии, и Алленби полагал, что если удастся сразу прорваться через проволочные заграждения, то кавалерия продвинется на 45—60 миль и достигнет своего назначения — Эль-Фуль на Эздраелонской равнине и Бейсана в Иезрэельской долине. Чтобы добиться этого, кавалерия должна была двигаться с такой быстротой, чтобы опередить отступающего неприятеля раньше, чем он доберется до гор Самарии или до их отрогов, по направлению к горе Кармель на побережье: чтобы добраться до Эздраелонской равнины или Иезрэельской долины, нужно было перевалить через указанные возвышенности. Неудивительно, что, имея дело с такими названиями, войска Алленби предъявляли большой спрос на ветхозаветную литературу.

Прибрежная равнина к северу от Яффы имеет ширину около 10 миль. У турок были две линии обороны: одна в 14 тыс. ярдов длины и 3 тыс. ярдов глубины, другая — на 3 тыс. ярдов позади первой. Последнюю можно было легко удержать небольшим количеством людей, так как там почва была болотистая. О полумерах не могло быть и речи, — чтобы обеспечить успех, нужно было рисковать всем. Вот почему на этом шаронском фронте были сконцентрированы 35 тыс. английских штыков против 8 тыс. турецких и 383 орудия против 130. Для этого пришлось перебросить сюда почти все войска с Иорданской долины и с гор, расположенных к северу от Иерусалима, где находились резервы Алленби, — эти места остались почти обнаженными. Необходимо было также ускорить прибытие двух кавалерийских дивизий и австралийской конной дивизии. Особенно важно было добиться неожиданности удара. Когда кавалерия расположится позади фронта, пехота

должна начать атаку и расчистить место для удара кавалерии по неприятелю.

Таков был план. Посмотрим, как он был выполнен.

Генеральное наступление было назначено на 19 сентября. Оливковые и апельсинные рощи дали возможность скрыть концентрацию пехоты на левом фланге. Пехота занимала свои позиции ночью, оставаясь незамеченной. Сосредоточение кавалерии, находившейся далеко в долине Иордана, представляло большие трудности. Как мы уже упоминали при изучении концентрации войск в небольшом районе около Амьена, где армия Роулинсона должна была нанести удар германской армии в знаменитый «день траура», труднее всего замаскировать кавалерию. Лошадей приходится гнать на водопой, и наблюдатели с воздуха легко могут установить наличие массы лошадей, если они будут поднимать хотя бы небольшие облака пыли.

Дороги, которые вели от стоянки лошадей к водопою в долине Иордана, проходили по мелкому сыпучему песку. Пыль и мухи в Палестине и Сирии вполне заменяли грязь и вшей в окопах Фландрии. Когда лошади направлялись на водопой, поднимались густые облака пыли; лошади по колено утопали в песке. Всякий, кто был свидетелем передвижения войск в южноафриканских степях, легко представит себе эту картину. В Южной Африке эти столбы пыли видны были за 30 миль и дальше, но там не было ничего похожего на тучи пыли в долине Иордана.

Неприятель мог ежедневно наблюдать такие тучи пыли на правом фланге войск Алленби, когда лошади отправлялись на водопой. Если бы эти тучи вдруг исчезли, то отсюда легко было сделать вывод, что кавалерия переброшена в другое место. Сохранение секретности зависело в данном случае от пыли. Кавалерия могла, конечно, передвигаться ночью, но она не могла пройти этот путь в одну ночь с 18 на 19 сентября, и во всяком случае не могла прибыть на место в таком состоянии, чтобы лошади могли совершить большой рейд через горы Самарии и через равнины Эздраелона и Иезрэеля. Нужно было иметь в своем распоряжении несколько ночей и затем укрыть где-нибудь части кавалерии до тех пор, пока не наступит момент для крупной операции. Но как только кавалерия покинет долину Иордана, там исчезнут тучи пыли. Оставался единственный выход — искусственно создать тучи пыли.

На утро, после того как кавалерия незаметно снялась с правого фланга, по дороге, где обычно шли на водопой

лошади, стали двигаться обозы мулов, которые тащили за собой большие ветви деревьев и разные другие предметы; эти мулы должны были поднять тучи пыли. Пыль поднималась ежедневно в определенные часы, и это заставляло неприятеля думать, что ничего особенного не произошло. Что неприятель был введен в заблуждение, доказывается следующим фактом.

В Назарете, в штабе иельдеримской группы турецкой армии, после занятия города войсками Алленби была найдена «карта расположения войск». Эта карта была составлена за день до шаронской битвы; она подтверждала сообщения турецкой воздушной разведки, что «в расположении британских войск не произошло существенного изменения». В общем эта карта была исключительно точной и воспроизводила действительное расположение британских сил перед началом концентрации. Наиболее крупные ошибки этой карты были следующие: неправильно было указано (с вопросительным знаком) местоположение 6-й пумской дивизии индийских войск, которая к тому времени уже была в Месопотамии, не было показано действительное местонахождение штаба Алленби и была допущена ошибка на 11 миль при указании местонахождения штаба 21-го корпуса, который под командованием сэра Э. С. Бальфина должен был в наступлении играть ведущую роль.

В скромном официальном отчете о кампании, составленном на театре военных действий 18 сентября, мы читаем следующее:

«Самой замечательной чертой всей операции надо считать те способы, с помощью которых удалось провести концентрацию войск и скрыть ее от неприятеля.

Разведывательные аэропланы неприятеля сообщали 15 сентября следующее: «В тылу неприятельских линий на левом фланге, повидимому, происходит некоторая перегруппировка кавалерийских частей, об остальном нельзя сообщить ничего существенного».

А в то время три кавалерийские дивизии, пять пехотных дивизий и большая часть тяжелой артиллерии уже были сосредоточены между Рамле и береговым сектором линии фронта. Там было сосредоточено 301 орудие вместо обычных 70.

В тот же день штаб неприятельской разведки получил сведения от другого разведывательного самолета, что в районе штаб-квартиры генерала Алленби в Бир-Салеме сосредоточено два пехотных батальона».

В назначенный день пехота Бальфина прорвала турецкий фронт и образовала брешь для кавалерии. Много зависело от захвата Меджиддо, который лежит на главной дороге через горы. Это было достигнуто быстрым движением и полным использованием тех возможностей, которые пехота создала для кавалерии; в результате группа индийских кавалеристов, впереди которой шли броневики, опередила всего на полчаса батальон турецкой пехоты, наступавший из долины с целью занять и закрыть проход.

За два дня до сентябрьской битвы авиация Алленби подвергла бомбардировке крупную железнодорожную узловую станцию в Дерии, где скрещивается железнодорожная линия от Хайфы с Геджасской дорогой к Дамаску. По обеим сторонам от Дерии арабы, имевшие свою базу в 50 милях от Дерии в восточной пустыне, 17 и 18 сентября разрушили железную дорогу. Поражение турок превратилось в разгром. Ближайшие турецкие армии на западе (седьмая и восьмая) превратились в беспомощное скопище людей. Германский главнокомандующий генерал Лиман фон Сандерс чуть не был захвачен в плен в Назарете. При первой тревоге он, как рассказывают, соскочил с постели и в одной пижаме, захватив электрический фонарик, помчался к своему автомобилю, но потом все-таки вернулся в штаб на несколько минут и успел одеться перед побегом. Один германский самолет приземлился на аэродроме далеко за линией фронта, причем пилот и не подозревал, что этот аэродром уже попал в руки британцев.

Так как пути сообщения были отрезаны, то отступление турецких 2-го и 4-го корпусов за Иордан и Мертвое море было неизбежным, но их также ждала катастрофа: 2-й корпус капитулировал, 4-й был уничтожен. Дамаск пал 1 октября, Бейрут — 8-го, Алеппо — в ночь на 25 октября. Было заключено перемирие с турками, так как их главная армия была уничтожена. Это перемирие вступило в силу в полдень 31 октября.

Тем временем мировая война была выиграна в результате победы над основными силами германской армии на западном фронте, где роль решающего фактора, согласно данным немецких источников, сыграл прорыв линии Гинденбурга.

ГЛАВА XXVI

ФИНАЛ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В последние недели мировой войны в настроениях германского народа наблюдалась резкая реакция, вызванная тем, что обещания победы оставались невыполненными. Упадок морального состояния армии отражался на всем населении, терпевшем тяжелые лишения вследствие морской блокады союзников.

При изучении истории войн особенно сильное впечатление производит то, что перед лицом подлинных достижений в конечном счете слова всегда остаются бессильными. В конце концов войну выиграли бойцы армии, флота и авиации, из них около миллиона человек одних только британцев легли костьми на полях сражения. Войну выиграли «неизвестные солдаты», притом скорее вопреки людям слова, устного или печатного, чем при их помощи. Только бойцы своими делами подготовили почву для пропагандистов, задача которых состояла в том, чтобы тайными или другими путями внести дух разложения в политические и военные круги неприятеля и ускорить его крушение или поднять дух своего народа в тяжелые минуты. В связи с этим здесь желательно сделать небольшое отступление.

Простая ложь, яркий образец которой мы привели в истории трафальгарской битвы, — это один из видов военной пропаганды, в конечном счете меньше всего достигающий цели. Именно благодаря применению этого метода выражение: «врет, как военный бюллетень», вошло в поговорку в наполеоновские времена, и бюллетени перестали пользоваться доверием. Я впервые познакомился с такого рода пропагандой непосредственно после англо-бурской войны в Южной Африке.

Тенденциозная ложь слишком груба, для того чтобы иметь эффект.

В основе пропаганды должна быть известная доля истины, даже если факты преподносятся в искаженном виде. С одним примером ложной пропаганды германцев я встретился в 1918 г., когда германские армии эвакуировали Лилль. На столе моего кабинета в Уайтхолле очутились рядом две газеты. В одной сообщалось следующее: когда британские войска прибыли на окраины города, генералу пришла в голову мысль, что население Лилля, жившее около 4 лет под пятой немцев, захочет, вероятно, в первую

очередь приветствовать своих победоносных соотечественников. Так как ближайшие французские войска находились в 8 милях от города, то британские войска были задержаны, пока не подоспеют французские головные отряды. В другой газете имелся рассказ о том, как этот инцидент передавался по германскому радио. Там я читал, что французы будто бы настаивали, чтобы их войска вошли первыми в город, так как они должны были защитить лилльских женщин от британских солдат. Такова пропаганда в ее наиболее низменной и наименее эффективной форме.

Но вот пример более удачного искажения действительности с целью добиться желаемого эффекта. Главный морской цензор сэр Дуглас Броунригг рассказывает, как в начале войны в Скапа-Флоу был заснят фильм о большом флоте и о жизни британских моряков. Картина была выпущена под названием «Британия *готова*». Она была послана в Америку, но там попала в руки людей, относившихся враждебно к идее сближения между народами, говорящими на английском языке; ее название было изменено следующим образом: «*Как* Британия *готовилась*».

Я могу припомнить лишь два случая лживой британской пропаганды во время европейской войны. Один случай относится к распространению рассказа о том, что германцы будто бы целыми поездами вывозят человеческие трупы с полей сражения, чтобы вытапливать из них жир. Как мне объяснили, этот рассказ, якобы, получил хождение вследствие того, что один служащий информационного агентства по незнанию языка решил, что немецкое слово «Kadaver» (труп животного) имеет то же значение, что французское слово «cadavre» (человеческий труп). Остается лишь пожалеть, что эта ошибка не была быстро исправлена.

В другом случае стремление скрыть правду было вызвано тем, что она будто бы могла принести вред морскому ведомству. Линкор «Одашиес» наткнулся на германскую мину у северного берега Ирландии в октябре 1914 г. Это произошло на глазах у пассажиров парохода «Олимпик», шедшего в Нью-Йорк. Они сфотографировали корабль, когда он начинал тонуть. Адмиралтейство до конца войны, т. е. в течение 4 лет, не желало подтвердить гибель этого линкора. Эту «тайну» хранили по настоянию командовавшего большим флотом сэра Джона Джеллико: он настаивал на этом потому, что его действующий флот

вследствие ремонта судов и других причин состоял в то время только из 17 линейных кораблей, 5 крейсеров и 42 истребителей против 15 линкоров, 4 крейсеров и 88 истребителей в германском океанском флоте. В германском адмиралтействе, наверно, были изумлены, когда в нью-йоркских газетах появился снимок «Одашиеса», будто бы снятый в момент *возвращения его* в состав большого флота, причем газета описывала его ремонт в доке в Бельфасте, где работа будто бы шла и днем и ночью. Как бы эффективна ни была в то время эта уловка, она не могла иметь длительного значения. Она поколебала доверие британского общественного мнения и других стран к британским сообщениям и оказала услугу германской пропаганде. Затем германцы сами сделали подобную ошибку с ютландским сообщением, плохой эффект которого они, в свою очередь, скоро почувствовали.

Лучше всего сказал о военной пропаганде марокканец Райсули, замечание которого мне передавали в 1918 г., когда я служил в военном кабинете. Он говорил, что лишь в том случае поверит в победу, которую приписывает себе одна сторона, если противная сторона признает свое поражение.

В начале 1918 г. британской пропагандой занимались различные ведомства, и я, работая в секретариате военного кабинета, в течение нескольких недель занимался лишь координированием их деятельности. Адмиралтейство и военное ведомство отдельно вели работу по пропаганде, в министерстве иностранных дел существовал для этого особый «департамент политической информации», в известной мере этим делом занималось и министерство колоний. Кроме того, в течение всей войны существовал комитет членов парламента, объединявший представителей всех политических течений, включая даже представителей пацифистского направления. В результате получался разнобой. Тогда я начал практиковать еженедельный созыв представителей различных пропагандистских организаций в моем кабинете в Уайтхолле. Мы выработали следующую систему: парламентский комитет охватывал в своей деятельности Соединенное королевство, причем с Ирландией было заключено специальное соглашение; лорд Нортклиф должен был руководить пропагандой в неприятельских странах, а лорд Бивербрук, который занял в правительстве пост министра информации, должен был ведать пропагандой в союзных и нейтральных странах.

Затем лорд Нортклиф предложил учредить особый «ко-

митет пропаганды» и передать ему мои функции. Я стал членом этого комитета, чтобы поддерживать контакт между ним и военным кабинетом. В прежнюю систему было внесено только одно изменение: лорд Нортклиф взял в свое ведение пропаганду также в одной союзной стране — Италии, а на лорда Бивербрука была возложена ответственность за работу в одной враждебной стране — Турции. Деятельность этого комитета описана в книге сэра Кемпбелла Стюарта, который в нем председательствовал в отсутствие Нортклифа. Насколько помню, я лишь два раза выступил активно на заседании комитета. Однажды я поднял вопрос о том, должна ли пропаганда определять политику правительства или же, наоборот, политика правительства и страны должны обусловливать характер пропаганды. В другом случае я выразил сомнение насчет целесообразности признания нами пункта «о свободе морей»... знаменитой программы президента Вильсона. Несмотря на присутствие представителя адмиралтейства, комитет высказывался за включение этого пункта, но правительство с этим не согласилось.

В деле пропаганды меня больше всего интересовали вопросы, имевшие отношение к обеспечению победы союзников во Франции и во Фландрии, т. е. на том единственном фронте, где, по моему мнению, могла быть одержана решающая победа.

Вспоминаю, как я был поражен, когда узнал, что многие французы действительно склонны думать, что британская армия останется в прибрежной полосе Франции и после войны. Я советую поэтому ознакомиться с удивительными разоблачениями, которые содержатся в книге Адама «Измена и трагедия». Автор описывает ожесточенную антибританскую кампанию во Франции и указывает, что Дюваль (редактор и издатель пропагандистских изданий, главный вдохновитель германофильской пропаганды) был тем человеком, «который так энергично распространял мысль о том, что британцы, раз заняв Кале и другие порты на берегу Ламанша, никогда не уйдут оттуда. Как невероятны ни казалась эта история для уха англичан, эта тонко сфабрикованная басня имела широкое хождение в деревенских районах Франции».

Вскоре после того, как под руководством лорда Бивербрука было создано министерство информации, оттуда обратились ко мне с просьбой помочь в составлении опровержения распространенного в Париже слуха, будто бы во Франции находятся лишь 400 тыс. британских

солдат и что мы предоставляем французов их судьбе. И это в то время, когда мы и на суше несли главное бремя войны, которое и в других областях лежало на нас с самого начала! Опровергнуть этот слух можно было бы очень просто: если вся армия Хейга состоит лишь из 400 тыс. солдат, то остается предположить, что та часть ее, которая не дала полуторамиллионной германской армии добраться до Амьена, должна состоять из очень хороших солдат. В те времена пропаганду союзников можно было охарактеризовать следующим образом: если линия фронта подавалась назад, не жалели грязи; если наступление удавалось, не жалели букетов.

В последний период войны, когда на фронте произошел перелом, я особенно стремился внушить германским солдатам понимание «логики событий», разоблачая отчаянные призывы держаться стойко, с которыми к ним обращались командиры, все еще сулившие победы и искажавшие действительное экономическое и военное положение. Комитет пропаганды лорда Нортклифа выдвинул хорошее предложение посылать с помощью небольших воздушных шаров за линию фронта сотни тысяч листовок, обрисовывавших действительное положение вещей. Я был автором одной из этих листовок, имевших целью убедить «Михеля», что ошибочно думать, будто уничтожение мировых экономических ресурсов может привести к победе или обеспечить в будущем процветание Германии.

В то время германская пропаганда особенно подчеркивала, что «экономическая экспансия» является военной целью Германии. Другим пропагандистским документом, в составлении которого я участвовал, был плакат, озаглавленный: «Могила сестры милосердия Красного креста». На плакате был изображен красный крест высоко в небе над синим морем, на котором тонет госпитальное судно. Художник, создавший плакат, проявил большой такт и хороший вкус.

Гинденбург в своих мемуарах несколько осветил то влияние, которое оказывала подобная пропаганда на германскую армию. Он писал:

«В этих зажигательных листовках, которые дождем сыпали по всему фронту неприятельские летчики, содержались утверждения, что неприятель думает о нас не так уж плохо, что мы должны проявить лишь некоторое благоразумие и отказаться от некоторых завоеванных нами территорий; тогда вскоре все опять пойдет хорошо, и мы будем мирно жить вместе... Каким благословением пока-

жется мир после страшной борьбы. Поэтому нет никакого смысла продолжать войну. Таков был смысл листовок, которые читали наши солдаты. Наш солдат полагал, что все это не могло быть лишь ложью неприятеля; он не только поддавался действию этой отравы, но и помогал распространению этой отравы среди других».

Мы прервали наш рассказ о западном фронте в тот момент, когда вслед за битвой в Амьене 8 августа и за дальнейшими успехами британской и союзной армий началось падение морального состояния германской армии. Вернемся теперь к одному инциденту в деятельности разведки, который предшествовал кульминационному пункту событий, — собиранию жатвы после четырехлетнего напряжения.

Публика считает, что война и связанная с ней работа разведки — дело блестящей импровизации; в действительности дело обстоит иначе. Кто-то сказал, что гений — это «неиссякаемая способность к преодолению трудностей». Не знаю, правильно ли это определение гения, но оно вполне соответствует требованиям, необходимым для успешной полевой разведки. И чем крупнее армия, тем больше требуется непрерывного, упорного и монотонного труда. Когда я описывал, как с помощью баденской газетки, просмотренной агентом разведки в Швейцарии, была обнаружена тайна присутствия фон Гутье в Сен-Кантене в германской армии, расположенной против пятой армии Гоуфа в начале 1918 г., я тогда, кажется, недостаточно подчеркнул важность постоянной, хотя и монотонной работы по просмотру иностранных газет. Если бы эта работа не проводилась добросовестно, важное сообщение на последней странице мало известной провинциальной газеты ускользнуло бы из поля зрения. Тогда Гоуф узнал бы этот важный факт не за 6—7 недель до предстоявшего большого наступления, а всего за несколько часов, и в таком случае Амьен был бы потерян. Денно и нощно изучая иностранные газеты, трудно добиться почета и признания, но эта работа может помочь выиграть сражение или спасти армию. И тем больше заслуга людей, которые добросовестно занимались этой работой в Швейцарии и в других местах за долгие годы европейской войны. Покойный сэр Х. М. Хожер доказал, что какая-то заметка в газете нейтральной страны много содействовала британской победе у Кенигграца в 1866 г. и что в 1870 г. германцы узнали о движении Мак-Магона к Седану из подобного же источника.

Описывая работу разведки в четвертой армии Роулинсона, я сообщал, каким образом удавалось получать информацию при допросе пленных. Очень ценными в таких случаях являются сведения о точном расположении штабов неприятельского командования, которые иногда находились глубоко в тылу. Нужно помнить, что Роулинсон имел в своем распоряжении специальные кавалерийские части. В результате допроса многих германских пленных за время тайных приготовлений и концентрации войск накануне наступления разведывательному отделу четвертой армии удалось изготовить несколько простых карт, на которых было указано местонахождение германских штабов, а также лучшие пути, ведущие к ним. Эти карты были розданы кавалерии, которой было предписано со всей возможной быстротой устремиться к неприятельским штабам, не вступая в бой ни с пехотой, ни с кавалерией, ни с артиллерией противника. Одна кавалерийская часть добралась до штаба одного из крупных соединений германской армии. Налет произошел столь неожиданно для штаба, что там едва успели изорвать в клочки накопившиеся за много месяцев документы. Кавалеристы очутились в комнате, где валялись груды рваной бумаги. Прежде чем перейти к другим действиям, они наскоро отобрали несколько мешков этой бумаги, которые были вскоре переданы в разведывательный отдел штаба армии. Там клочки бумаги были рассортированы, склеены, и таким образом были получены сведения о линии Гинденбурга с картами и планами, составленными в 1916 г.

Шансы добраться до линии Гинденбурга в 1918 г. тогда считались сомнительными: никто не мечтал прорвать эту линию раньше 1919 г. Прошло больше месяца, прежде чем подобная мысль стала мерещиться даже маршалу Фошу, наиболее самоуверенному из всех командиров. Мешки с клочками бумаги на время были отложены в сторону. Штаб четвертой армии был не в силах как следует разобраться в этих бумажках и перевести все эти немецкие документы, так как был занят текущей работой в связи с подготовкой к новым боям. Вскоре, однако, представился случай воспользоваться услугами офицера, откомандированного на месяц в распоряжение четвертой армии и знавшего немецкий язык. Склеивая отдельные куски и изучая их, он обнаружил, что германское верховное командование уже во время тяжелых боев на Сомме в 1916 г. предвидело возможность отступления на более короткую линию фронта, при выборе которой надо было

учитывать все условия обороны. Эта линия должна удовлетворять всем требованиям в отношении естественных препятствий, огневой завесы, прикрытий и т. д. По всей линии производились тщательные изыскания, и она была сделана «неприступной» посредством оборудования солидных укреплений, различных заграждений, убежищ для укрытия от снарядов и бомб.

Клочки бумаги содержали планы, на которых были нанесены все детали укреплений. Там были также указания на причины выбора того или иного пункта, описание слабых и сильных мест линий с точки зрения обороны. Так, например, в этих бумагах были подробные планы с указанием точного расположения всех штабов, телефонных и телеграфных станций, гарнизонных казарм, бетонных блиндажей для солдат, глубоких убежищ для установки орудий с указанием секторов обстрела, пулеметных гнезд, амуниционных складов для пополнения запасов патронов, укрытых путей для доставки подкреплений, перевязочных пунктов и полевых госпиталей, радиостанций и, что, может быть, важнее всего, подземных тоннелей.

Опыт западного фронта не раз подтверждал, что, как бы героически и успешно ни шло наступление вначале, прорыв может быть ликвидирован, если неприятель во-время использует свои резервы для контратаки. Чем глубже прорыв, тем более эффективными могут оказаться действия резервов противника. Прекрасной иллюстрацией этого может служить контратака Фоша со введением в бой резервных дивизий Манжена 18 июля 1918 г., во время германского наступления по обе стороны Реймса. На одной карте, которая была восстановлена из захваченных 8 августа клочков бумаги, было обнаружено, что в тылу линии Гинденбурга проложен тоннель длиной в 1 милю. Тоннель проходил под холмом и вел прямо к фронту. Он освещался электричеством и содержал широкие боковые коридоры, где могли разместиться целые батальоны в ожидании отправки на фронт. Там же помещалась электростанция и туда подходили подъездные пути. Все было поставлено на широкую ногу и прочно забетонировано. Такого рода укреплений нельзя было переместить, и, таким образом, хотя план относился к 1916 г., можно было с полным основанием предполагать, что он в таком же виде сохранился и в 1918 г.

Тоннель имел 5 выходов, находившихся за склоном холма около деревни Беленглиз. За холмом можно было

держать резервы для того, чтобы подводить подкрепления своим войскам и со свежими силами совершать контратаки против победивших, но усталых войск, в случае, если бы была прорвана первая линия обороны.

Герцогу Веллингтону приписывается много мудрых изречений, но некоторые из них — например, «спортивные площади Итона способствовали победе у Ватерлоо» — являются апокрифическими. Гораздо больше оснований считать его автором иронического замечания о генералах, которые, стоя на холме во время битвы, гадают, что скрывается по ту сторону холма. Допрашивая германских военнопленных в июле и августе, британское командование установило местонахождение штаба противника; благодаря кавалерийскому налету 8 августа 1918 г. на этот штаб были захвачены изорванные клочки бумаги; путем тщательного склеивания этих клочков была открыта линия Гинденбурга, — и в результате британское командование точно знало, что происходит по ту сторону определенного холма на линии Гинденбурга.

В день боя входы в тоннель подверглись жестокой бомбардировке, результаты которой нетрудно представить. Наступавшая пехота так быстро двинулась вперед, что успела захватить одного сапера с каким-то таинственным аппаратом. Он потом признал, что с помощью этого аппарата хотел взорвать весь тоннель, но было уже слишком поздно.

Вышеизложенное представляет собой только один пример работы по собиранию сведений о линии Гинденбурга; к моменту наступления они были пополнены более свежими данными.

Тут стоит рассказать о беседе между Фошем и Хейгом накануне наступления; я слышал о ней от лица, присутствовавшего при этом. 8 сентября Фош обратился к командованию британских имперских армий, среди которых тогда было несколько американских дивизий, с предложением атаковать «неприступную» крепость траншей, препятствий, блиндажей, батарей и тоннелей, известную под названием линии Гинденбурга. Беседа продолжалась лишь несколько минут. Маршал Фош сказал Хейгу: «Вы это сделаете. Нет таких препятствий, которых британская армия не могла бы преодолеть». Сэр Дуглас Хейг изъявил согласие.

Мы не будем здесь рассказывать о последовавших затем успехах. Наша цель заключается не в том, чтобы осветить историю этих великих подвигов, а в том, чтобы рас-

сказать о деятельности разведки накануне этих боевых дел. Мы можем тут подвести итог словами Черчилля: «В ночь на 30 сентября линия Гинденбурга была взорвана и прорвана на протяжении 25 миль и в глубину в среднем около 7 миль. Хейг захватил 36 500 пленных».

1 октября, сейчас же после того, как была прорвана линия Гинденбурга, по инициативе Людендорфа в Спа было созвано совещание, на котором Гинденбург потребовал, чтобы Германия завтра же обратилась к союзникам с просьбой заключить перемирие. Хотя германская армия не имела никаких перспектив, сопротивление еще продолжалось некоторое время, потому что Германия решила обратиться к президенту Вильсону.

Переговоры с ним привели к некоторой отсрочке, и лишь 6 ноября германские делегаты отправились к Фошу. Условия перемирия, продиктованные союзниками в лице Фоша, были приняты германцами 11 ноября. С этого момента услуги разведки больше не были нужны для завершения победы.

В виде примера, показывающего, как широко была раскинута сеть секретной разведки, можно привести рассказ начальника морской цензуры о том, как он узнал в воскресенье ночью, что все уже кончилось:

«10 ноября в воскресенье в 9 час. 40 мин. вечера лейтенант Фодель Филипс вбежал ко мне в кабинет с радиограммой германского верховного командования, адресованной уполномоченным для переговоров с союзным командованием. Радиограмма была следующего содержания: «Ваше превосходительство (статс-секретарь Эрцбергер) уполномочивается подписать перемирие. Рейхсканцлер». Кроме того, делегатам предлагалось продолжать дальнейшие переговоры по некоторым вопросам. Была получена также другая радиограмма германского правительства уполномоченным: «Германское правительство принимает условия перемирия, предложенные 8 ноября. Просьба подтвердить получение. Рейхсканцлер». Сэр Дуглас Броунригг, начальник морской цензуры, немедленно сообщил об этом по телефону первому лорду адмиралтейства.

Броунригг полагает, что премьер-министр получил все эти сообщения в 11 часов вечера.

Примечание автора. После того как эта глава была написана, автор из достоверных источников узнал, что впереди кавалерии, совершившей рейд на германский штаб, шли бронированные автомобили.

ГЛАВА XXVII

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Моя деятельность, связанная с секретной разведывательной работой, была посвящена разоблачению военных тайн других стран и сохранению собственных. Вторая часть этой задачи оказывалась подчас более трудной, чем первая. Когда любопытный пристает с вопросом, молчание иногда истолковывается, как желательный ответ, и лучшим средством отделаться от вопроса является многоречивость, не дающая спрашивающему вставить словечко. В некоторых крайних случаях необходимо сделать ответный выпад, как при фехтовании, и, вместо того чтобы отвечать, самому задать вопрос, ответа на который от вас добиваются.

Особенно трудно сохранить военные тайны во время войны, когда они могут стать достоянием болтунов, которые с важным видом делятся секретными сведениями со всяким любопытным. Этот тип людей был настолько распространен в Лондоне летом 1916 г., что послужил темой следующего шуточного стишка, передававшегося из уст в уста (этот стишок, написанный Ричардом Аркелем, до сих пор не был опубликован в печати):

У меня, конечно, доказательств нет,
Но сын зятя моей тетки выведал секрет.
Он видел полисмена, что на посту стоит,
Болтавшим с кухаркой на Даунинг-стрит [1]
О том, что в соседней лавке служит продавец,
Достоверно знающий, когда войне конец.

Невозможно в пределах одной книги, посвященной разведывательной работе, осветить широко распространенную тайную систему экономической разведки. Последняя явилась неизбежным результатом стремления оказать экономическое давление на центральные державы во время мировой войны. Дж. Миллэ (в его книге «Странствия и воспоминания») и другие писатели дали некоторую возможность ознакомиться с характером этой организации, о которой еще никто не рассказал. Миллэ рассказывает об интересном типе добровольного тайного агента — страстном спортсмене, который прибегал к самым разнообразным средствам маскировки. Иногда он выступал в роли торговца рыбой, иногда разыгрывал роль пьяного бездель-

[1] Даунинг-стрит — улица в Лондоне, где находится министерство иностранных дел. — *Прим. перев.*

ника и т. д. Он сумел завоевать доверие немцев и их сторонников в некоторых скандинавских странах. Этот разведчик обнаружил немало германских агентов и во время беспощадной подводной кампании доставлял ценную информацию о передвижении германских подводных лодок. В ноябре 1916 г. он обнаружил в одном скандинавском порту не меньше 15 немецких тайных агентов, которые занимались тем, что снабжали германские подводные лодки информацией о движении торговых пароходов.

Наиболее интересен следующий случай, рассказанный Миллэ. В какой-то порт прибыл скандинавский пароход с грузом. Капитан доказывал, что груз английский, и пытался получить бункерный уголь при поддержке британского консула. Однако консулы получали из секретных источников полную информацию о владельцах грузов. В данном случае груз был германский, и капитан не получил бункерного угля. Этот инцидент сам по себе может показаться ничтожным, но надо иметь в виду, что широкая сеть экономической разведки распространилась на все нейтральные гавани.

Есть еще одна область разведки, которой мы не касались. Я имею в виду использование для разведки самолетов, в особенности при переброске шпионов в тыл неприятеля и при доставке их обратно после выполнения задания. Дж. М. Спэйш в своей книге «Авиация и военное право» привел достаточно сведений об этом интересном предмете со ссылкой на многие источники. Эту книгу можно рекомендовать тем, кто жаждет «сенсаций» в связи с работой разведки. Книга Спэйша дает нам возможность представить себя в роли тайного агента, который впервые поднимается в воздух, чтобы темной ночью выброситься на парашюте в тылу неприятельских позиций. Мы можем себе живо представить ощущения этого агента, который не сразу решается прыгнуть с этой мало ему знакомой машины, ревущей в небесах, и которого в конце концов сбрасывает безжалостный пилот.

В связи с развитием авиации во время войны следует вспомнить, что применение фоккеровских самолетов дало немцам господство в воздухе на все время между октябрем 1915 и апрелем 1916 г. Это отчасти объясняется тем, что в фоккеровской машине пилот может стрелять прямо через вращающийся винт. Интервалы между выстрелами согласованы с вращением лопастей винта, и, таким образом, пули не задевают пропеллера.

Рассказывают о германском пилоте, изменившем своей родине, который умышленно приземлился на фоккеровской машине за британскими позициями и продал англичанам секрет конструкции машины. Об этом я слышал из разных источников, которые считал надежными, и потому сам некоторое время заблуждался, но, посоветовавшись со специалистами, перестал верить этим рассказам.

Имеется два или три типа синхронизирующих устройств, дающих возможность стрелять из пулемета через винт, и типы этих устройств применялись на британских самолетах во время мировой войны. Наиболее удовлетворительным я считаю механизм, который был изобретен румынским конструктором Константинеску. Эта конструкция была разработана в Англии и не имеет ничего общего с германским изобретением. Этим примером я хочу указать на те трудности, которые испытывает автор, занимающийся вопросами разведки, если он пишет об эпизодах, с которыми лично не знаком. Вышеприведенный рассказ появился в нескольких книгах о шпионах.

В общем, я надеюсь, что читатель на страницах этой книги найдет достаточное количество типичных примеров деятельности британской разведки, и особенно той части ее работы, которая касается войск на фронте во время войны. Читатель сможет составить себе собственное мнение о положительных и отрицательных сторонах деятельности разведки. Если в добавление к этому читатель, лучше ознакомившийся с тем, какой информацией располагали наши ответственные военные работники, проникнется к ним большей симпатией и будет справедливее о них судить, то появление этой книги будет оправдано.

СОДЕРЖАНИЕ

14

Цена 3 р. 10 к.

Оптовая продажа: Москва, Куйбышевский проезд, 8, Главная контора „Политкнига“ Когиза.

Розничная продажа во всех киосках, магазинах и отделениях Когиза и райкультмагах потребкооперации.

Почтовые заказы посылайте в областные (краевые) отделения Когиза без задатка.

